

**ПОЛИГРАФ
В ПРАКТИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Методические рекомендации

МОСКВА 2008

В научно-практическом пособии на основе анализа специальной литературы, обобщения материалов отечественной и зарубежной практики применения полиграфа в расследовании преступлений, с учетом многолетнего опыта работы каждого из соавторов, определяются основные принципы и порядок проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа (ПФИ) в виде системы предписаний (категорических или альтернативных), позволяющих оптимизировать деятельность полиграфолога по решению поставленных перед ним задач.

Пособие предназначено для специалистов-полиграфологов, сотрудников правоохранительных органов, судей, адвокатов, преподавателей и студентов вузов, а также всех тех, кого интересуют вопросы использования современных достижений науки и техники в ходе расследования преступлений.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Методические рекомендации по организации и проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа.....	6
1. Основные понятия.....	6
2. Принципы организации и проведения ПФИ.....	7
3. Задачи, решаемые при проведении ПФИ.....	7
4. Общие условия организации и проведения ПФИ.....	8
5. Обязанности полиграфолога.....	10
6. Требования, предъявляемые к помещениям для проведения ПФИ.....	11
7. Этапы ПФИ.....	12
7.1. Подготовка к проведению ПФИ.....	12
7.2. Предтестовая беседа.....	13
7.3. Инструктаж по порядку проведения тестирования на полиграфе.....	18
7.4. Установка датчиков.....	19
7.5. Тестирование на полиграфе.....	22
7.5.1. Общая характеристика.....	22
7.5.2. Методики и тесты, применяемые при проведении ПФИ.....	25
Стимуляционно – адаптирующий (установочный) тест.....	25
Методика контрольных вопросов.....	27
Методика выявления скрываемой информации.....	36
Методика проверочных и нейтральных вопросов.....	39
Вспомогательные приемы, используемые при проведении ПФИ.....	41
А. Тест «молчаливых ответов».....	41
Б. «Да-Нет» тест.....	41
В. Поисковый тест «на знания виновного».....	42
7.6. Обработка и анализ результатов тестирования на полиграфе.....	43
7.7. Заключительное собеседование.....	49
7.8. Формулирование выводов и подготовка заключения по результатам ПФИ.....	51
8. Проведение ПФИ повторно.....	53
9. Выявление противодействия процедуре ПФИ.....	54
10. Привлечение переводчика.....	61
Заключение.....	65
Приложение 1. Д. Ликкен. Тело на лестнице (рассказ).....	66
Приложение 2. Допроса д-ра Д. Раскина (фрагмент стенограммы).....	103

Введение

Многолетний опыт практического применения полиграфа в разных странах мира способствовал формированию нескольких теорий, обосновывающих принципиальную возможность его использования в целях проверки сообщаемой человеком информации. Сегодня можно констатировать, что закономерности психофизиологического реагирования человека при воздействии на него раздражителей различной значимости (стимулов) хорошо изучены. Поэтому целенаправленное создание в ходе ПФИ условий, способствующих актуализации следов памяти с учетом особенностей эмоционального реагирования обследуемого, является залогом успешного проведения ПФИ.

Настоящее пособие призвано способствовать повышению надежности и результативности прикладных исследований с применением полиграфа, предотвращению использования на практике научно не обоснованных и не апробированных методов. Теоретическое и экспериментальное обоснование научно-практических рекомендаций, изложенных в пособии, в полном объеме содержится в специальной литературе.

Из множества известных сегодня приемов проведения ПФИ в пособии рассматриваются лишь наиболее полно учитывающие специфику применения полиграфа на практике, которая, прежде всего, состоит в том, что в распоряжении инициатора и полиграфолога имеется крайне мало достоверной информации об обследуемом, причем, источником большинства сведений, как правило, является он сам.

В пособии подробно описываются следующие методики проведения ПФИ:

- «методика проверочных и нейтральных вопросов», ориентированная на предварительную оценку степени осведомленности обследуемого лица по всем темам, интересующим инициатора;
- «методика контрольных вопросов», ориентированная на получение вывода о степени информированности обследуемого по одной теме, из числа интересующих инициатора;
- «методика выявления скрываемой информации», ориентированная на подтверждение вывода об осведомленности обследуемого по одной из тем за счет выявления степени его информированности по детализирующим тему обстоятельствам.

Кроме того, в пособии рассматривается ряд вспомогательных приемов проведения ПФИ, которые могут быть использованы в случае необходимости при наличии соответствующих условий.

Однако следует помнить, что универсальной методики производства ПФИ, одинаково пригодной для эффективного применения в любых ситуациях, складывающихся на практике, не существует. Специалисты-полиграфологи при проведении каждого конкретного исследования должны творчески подходить к использованию приемов, предусмотренных различными методиками.

Методические рекомендации по организации и проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа

1. Основные понятия

Психофизиологическое исследование с использованием полиграфа (ПФИ) – процедура применения специальных знаний, сопряженная с использованием технических средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей, не причиняющих вреда окружающей среде, обеспечивающая осуществление анализа (оценки) динамики психофизиологических реакций обследуемого лица в ответ на предъявляемые стимулы, в целях проверки информации, сообщенной обследуемым.

Полиграф – техническое устройство, позволяющее отслеживать динамику психофизиологических реакций обследуемого лица в ответ на предъявляемые стимулы за счет перевода физиологических показателей активности дыхательной, сердечно-сосудистой системы, электрической активности кожи и т.д. в электрические сигналы, отображаемые в виде графиков.

Тестирование на полиграфе – основной этап ПФИ, предусматривающий предъявление обследуемому лицу стимулов, объединенных в тесты в особом, методически обусловленном порядке, сопряженное с использованием полиграфа.

Обследуемый – физическое дееспособное лицо, добровольно принимающее решение о прохождении процедуры ПФИ, подтвердившее в письменной форме свое согласие на участие в ПФИ.

Полиграфолог – лицо, прошедшее специальную подготовку в области полиграфологии, имеющее свидетельство или диплом государственного образца, удостоверяющие его право на ведение профессиональной деятельности в данной сфере.

Инициатор – юридическое или физическое лицо, по чьей инициативе проводится ПФИ.

Заключение полиграфолога по результатам ПФИ – предоставляемое инициатору в письменном виде суждение специалиста по вопросам, поставленным инициатором на его разрешение.

Материалы ПФИ - заключение полиграфолога; перечень вопросов, заданных обследуемому лицу в процессе тестирования на полиграфе; полиграммы; аудио - и (или) видеозаписи, сделанные в ходе ПФИ.

2. Принципы организации и проведения ПФИ

Проведение ПФИ основывается на принципах законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также независимости специалиста, проводящего ПФИ, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники.

ПФИ осуществляется с соблюдением принципов гласности и добровольности, которые выражаются в заблаговременном уведомлении обследуемого лица о возможности, сроках, целях и порядке его проведения, предусматривающем получение от обследуемого лица письменного заявления о его согласии (несогласии) на участие в ПФИ.

Запрещается осуществление действий, унижающих честь обследуемого лица, его человеческое достоинство либо создающих опасность для его жизни и здоровья, а также принуждение к даче согласия на участие в ПФИ.

Отказ от участия в ПФИ не может служить основанием для принятия каких-либо мер, ущемляющих права обследуемого, предусмотренные действующим законодательством, и не является свидетельством сокрытия лицом запрашиваемой информации.

Информация, полученная в процессе проведения ПФИ, а также содержащаяся в материалах ПФИ, не подлежит разглашению без согласия обследуемого, за исключением случаев, предусмотренных действующими нормативными актами.

Условия хранения и использования материалов ПФИ должны исключать возможность их утраты, искажения или несанкционированного доступа к ним.

3. Задачи, решаемые при проведении ПФИ

Целью ПФИ является проверка сообщаемой обследуемым лицом информации.

Достижение цели обеспечивается путем последовательного решения задач:

- по актуализации образов, хранящихся в памяти обследуемого лица (в том числе за счет предъявления стимулов, в определенном порядке подобранных и систематизированных);

- анализу (оценке) динамики психофизиологических реакций обследуемого в ответ на предъявляемые стимулы;
- выделению совокупности стимулов, значимых для обследуемого;
- определению степени информированности обследуемого лица о событии (его деталях), послужившем поводом для проведения ПФИ.

В зависимости от подлежащих решению задач ПФИ может проводиться:

- при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в соответствии со ст.6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», а также иными требованиями законодательства Российской Федерации, регламентирующего данный вид деятельности;
- при осуществлении судопроизводства в соответствии с требованиями процессуального законодательства Российской Федерации;
- при регулировании трудовых и иных, непосредственно связанных с ними, отношений на основании положений Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ в соответствии с требованиями нормативных актов, помимо ТК РФ регламентирующих отдельные сферы жизнедеятельности общества.

Так как ПФИ является одним из элементов комплексной проверки информации, сообщаемой обследуемыми, полученные при его проведении сведения подлежат оценке уполномоченными на то лицами по общим правилам, установленным действующим законодательством, не позволяющим придавать сведениям, полученным из какого бы то ни было источника, приоритетное значение.

4. Общие условия организации и проведения ПФИ

Организационное обеспечение ПФИ на всех стадиях его проведения осуществляет Инициатор.

Инициатор в порядке, предусмотренном действующим законодательством, предоставляет полиграфологу информацию и материалы, необходимые для проведения ПФИ, характер и объем которых определяет полиграфолог.

Сроки проведения ПФИ определяются полиграфологом совместно с Инициатором с учетом времени, необходимого для подготовки и проведения ПФИ.

На Инициатора возлагается обязанность по обеспечению прибытия лица, в отношении которого планируется проведение ПФИ, в установленное время и место, а также по обеспечению безопасности проведения ПФИ.

В случае присутствия при проведении ПФИ инициатор должен строго следовать полученным от полиграфолога инструкциям, не вмешиваться в его действия, не делать каких-либо замечаний или заявлений без согласования с полиграфологом.

С целью повышения результативности ПФИ его следует проводить в условиях, исключающих общение обследуемого с лицами, непосредственно не задействованными в организации и проведении исследования. Решение о присутствии в помещении, в котором проводится ПФИ, других лиц кроме полиграфолога и обследуемого лица принимается полиграфологом совместно с Инициатором в соответствии с требованиями действующего законодательства.

Оптимальная продолжительность процедуры без перерыва составляет от 2 до 4 часов. При большом объеме задач, поставленных на разрешение полиграфолога, ПФИ следует проводить поэтапно, желательно в разные дни. Тестирование на полиграфе целесообразно проводить в первой половине дня (после хорошего сна и легкого завтрака обследуемого).

ПФИ не проводится:

- в отношении лиц моложе 14 лет (обследование лица старше 14 лет, но не достигшего 16-летнего возраста, проводится только при наличии письменного согласия законного представителя этого лица; при проведении ПФИ в отношении несовершеннолетнего, не достигшего возраста 16 лет, участие педагога или психолога обязательно);
- при физическом или психическом истощении субъекта, а также если субъект находится в состоянии сонливости или неконтролируемого перевозбуждения, не может координировать свои движения и т.п.;
- при наличии у субъекта психического заболевания или расстройства, а также в случае обострения заболевания, связанного с нарушением сердечно-сосудистой или дыхательной деятельности;
- регулярного употребления лицом психоактивных веществ, например, наркотических веществ или сильнодействующих лекарственных препаратов;
- нахождения обследуемого в состоянии алкогольного или наркотического опьянения;

- наличия данных о беременности обследуемой (вторая половина периода беременности);
- в целях прогнозирования действий обследуемого лица или его намерений, не подкрепленных конкретными действиями;
- в случае, если полиграфолог находится в служебной или иной зависимости от обследуемого лица, а также при наличии иных обстоятельств, дающих основание полагать, что полиграфолог лично, прямо или косвенно, заинтересован в необъективном исходе ПФИ.

При наличии причин, препятствующих проведению ПФИ, исследование приостанавливается. Вопрос о его возобновлении решается полиграфологом совместно с Инициатором в зависимости от возможности устранения причин, препятствующих проведению ПФИ.

При проведении ПФИ может осуществляться аудио-, видеозапись в установленном действующим законодательством порядке (при производстве судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа видеозапись должна проводиться синхронно с регистрацией физиологических показателей).

5. Обязанности полиграфолога

Полиграфолог обязан:

- проводить ПФИ только при наличии письменного согласия обследуемого лица;
- ознакомить обследуемого с вопросами, которые будут ему заданы в ходе тестирования на полиграфе;
- прекратить проведение тестирования на полиграфе в случае ухудшения самочувствия обследуемого в ходе тестирования; отказа обследуемого от продолжения тестирования; несоблюдения обследуемым инструкций полиграфолога, обусловленных методическими требованиями к проведению ПФИ;
- дать по требованию инициатора разъяснения по технологии и организации проведения ПФИ;
- представить инициатору заключение по результатам ПФИ и материалы ПФИ (при необходимости);
- сохранять в тайне информацию, которая стала ему известна в связи с проведением ПФИ, за исключением случаев, когда передача такой информации осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Полиграфолог должен:

- знать основы психофизиологии и профессионально владеть основными методиками проведения ПФИ;
- уметь профессионально обращаться с полиграфом, на котором проводится исследование;
- свободно владеть языком, на котором проводится ПФИ при работе без переводчика (при необходимости - элементами специальной терминологии, слэнга, жаргона);
- ясно выражать свои мысли при обсуждении вопросов с обследуемым (поясняя что-либо, говорить по существу, избегая употребления малопонятных для обследуемого профессиональных терминов);
- проявлять настойчивость и не упускать из своих рук инициативу во время проведения исследования;
- пресекать многословие, добиваться от обследуемого кратких, но содержательных ответов на задаваемые вопросы;
- быть бдительным и выявлять значимые изменения в поведении обследуемого;
- творчески изменять тактику проведения ПФИ в соответствии с обстановкой, поступающей информацией или динамикой состояния обследуемого;
- проявлять выдержку и такт, доброжелательность и уважительное отношение к обследуемому;
- создавать деловую, но в то же время спокойную и доверительную атмосферу на протяжении всего исследования;
- быть опрятно одетым, своими действиями и видом демонстрировать высокий уровень профессионализма;
- приступать к исследованию в хорошем физическом и психическом состоянии.

6. Требования, предъявляемые к помещениям для проведения ПФИ

Помещение, предназначенное для проведения ПФИ, должно отвечать требованиям обеспечения безопасности при проведении исследования.

Желательно, чтобы площадь помещения была 10-12 кв.м, высота потолка не менее 2,5 м; температура - в пределах 20°-24°С, влажность 70-80%; уровень внешних шумов - минимальным, освещение - комфортным, вентиляция - эффективной. Помещение должно быть оборудовано электрическими розетками.

Интерьер помещения должен быть скромным, с минимальным количеством мебели и посторонних предметов: в помещении должен быть стол для оформления документов и размещения полиграфа, два или три стула. Желательно, чтобы стул (или специализированное кресло), на котором сидит обследуемый, имел большие подлокотники для удобного расположения рук с датчиками и стоял так, чтобы обследуемый во время тестирования на полиграфе не видел полиграфолога и прибор.

При выборе помещения следует предусматривать, при возможности, наличие рядом туалетной комнаты.

Степень пригодности помещения для проведения ПФИ определяется полиграфологом.

7. Этапы ПФИ

Каждое мероприятие по проведению ПФИ состоит из следующих этапов:

- подготовка к проведению ПФИ;
- предтестовая беседа полиграфолога с обследуемым;
- инструктирование обследуемого по порядку проведения тестирования на полиграфе и установка датчиков;
- тестирование на полиграфе;
- предварительная оценка полученных данных ПФИ;
- заключительное собеседование;
- окончательная обработка и анализ результатов;
- подготовка заключения.

7.1. Подготовка к проведению ПФИ

На этапе подготовки к проведению ПФИ происходит конкретизация целей и задач исследования, определяются сроки и место его проведения.

Полиграфолог ознакомливается с предоставленными в его распоряжение материалами; при необходимости истребует дополнительные материалы от инициатора. Выбирает материал для подготовки тестов.

Подбирается и подготавливается помещение для проведения ПФИ (при необходимости - совместно с инициатором).

По месту проведения исследования устанавливается и настраивается оборудование: полиграф, компьютер, звуко- и видеозаписывающая аппаратура.

С учетом целей и задач ПФИ, процессуального статуса обследуемого обеспечивается безопасность проведения исследования.

ПФИ, в зависимости от ситуации, может проводиться с предварительным уведомлением обследуемого о дате, целях и основаниях его проведения либо без заблаговременного уведомления – с получением согласия обследуемого на участие в ПФИ непосредственно перед началом тестирования на полиграфе.

В первом случае у добросовестного обследуемого появляется время, чтобы справиться со своими опасениями (если таковые возникнут) относительно самого факта исследования и осознать необходимость своего участия в нем, тогда как у обследуемого, сознательно скрывающего интересующую инициатора информацию, известие о предстоящем участии в тестировании на полиграфе может усилить страх разоблачения. Таким образом предварительное уведомление обследуемого о проведении ПФИ будет способствовать повышению точности выводов по его результатам.

В то же время надо учитывать, что недобросовестный обследуемый может воспользоваться отсрочкой в целях получения информации о тактике противодействия процедуре ПФИ и выработке наиболее выгодной для него линии поведения. Поэтому решение о целесообразности заблаговременного уведомления обследуемого о ПФИ должно приниматься в каждом случае индивидуально.

С учетом требований действующего законодательства ПФИ может проводиться как с разъяснением обследуемому в полном объеме целей и оснований проверки, так и в условиях легендирования истинных причин ее проведения.

7.2. Предтестовая беседа

Предтестовая беседа является обязательным этапом ПФИ. Правильность ее проведения во многом определяет эффективность всей работы. Психологическая подготовка обследуемого во время предтестовой беседы чрезвычайно важна для последующего построения и определения порядка предъявления проверочных тестов, так как обеспечивает выполнение стимулами (многообразие которых отражает та или иная методика) их подлинной функции.

Предтестовая беседа проводится в целях:

- установления психологического контакта с обследуемым лицом;
- адаптации обследуемого к ситуации исследования, окружающей обстановке, полиграфологу и полиграфу;

- выявления обстоятельств, препятствующих проведению ПФИ;
- ознакомления обследуемого с процедурой в целом и правилами тестирования на полиграфе, в частности;
- разъяснения обследуемому лицу его правомочий и получения письменного заявления от обследуемого о его согласии (несогласии) на проведение в отношении него ПФИ;
- восстановления в памяти обследуемого обстоятельств, связанных с темой исследования; обсуждения события и/или его деталей, послуживших поводом для проведения ПФИ;
- обсуждения с обследуемым тематики вопросов, которые будут задаваться ему в ходе ПФИ; получения дополнительной информации об осведомленности обследуемого по обсуждаемым темам;
- убеждения обследуемого в надежности и безопасности метода психофизиологической «детекции лжи», исключая возможность ошибочных выводов, и бессмысленности любых попыток сознательного противодействия процедуре.

В ходе беседы полезно выяснить интересы и увлечения обследуемого. Эти сведения полиграфолог может использовать для установления и поддержания психологического контакта с ним на протяжении всей процедуры.

В ходе беседы полиграфолог оценивает уровень эмоционального возбуждения обследуемого и, если он чрезмерно высок или низок, принимает дополнительные меры к его снижению или повышению, соответственно. Правильно построенная и проведенная предтестовая беседа обычно позволяет непосредственно перед тестированием на полиграфе устранить чувство страха (иные негативные эмоции) у искреннего и усилить состояние эмоциональной напряженности у неискреннего обследуемого. Полиграфолог должен убедить обследуемого в том, что исследование проводится на высоком профессиональном уровне и любые попытки последнего солгать будут обнаружены.

Предтестовую беседу предпочтительнее проводить в помещении, где находится полиграф, с тем, чтобы обследуемый имел возможность адаптироваться к обстановке. В случаях, когда заранее неизвестно, будет ли получено согласие обследуемого на участие в ПФИ (например, при наличии остроконфликтной ситуации в ходе служебного разбирательства) допускается проведение беседы в ином помещении.

Беседа начинается с того, что полиграфолог представляется обследуемому и приглашает последнего пройти в помещение, где расположен полиграф. Желательно, чтобы до этого момента обследуемый не знал имени полиграфолога, но был проинформирован инициатором ПФИ о том, что исследо-

вание будет проводить опытный специалист. Во время знакомства полиграфолог проявляет одновременно доброжелательность и сдержанность.

Полиграфолог обязан заинтересоваться у обследуемого, полностью ли тот понимает цель предстоящего исследования, и что по этому поводу думает. Если обследуемый демонстрирует непонимание или неудовлетворенность предлагаемым обоснованием целесообразности проведения ПФИ, то необходимо сделать все возможное, чтобы полностью разъяснить обследуемому задачи исследования, подчеркнув, что оно носит добровольный характер и проводится исключительно в целях защиты его интересов. Только после достижения взаимопонимания обследуемому предлагается в письменной форме подтвердить свое согласие на участие в ПФИ.

При проведении ПФИ в ходе раскрытия и расследования преступлений внимание в предтестовой беседе должно быть направлено на выяснение степени информированности обследуемого о событии преступления (когда, где и каким образом оно произошло и пр.) и его деталях. Следует уточнить, когда обследуемый узнал конкретные факты и от кого именно, какова его версия произошедшего, и подозревает ли он кого-либо в совершении преступления.

Затем полиграфолог проводит сжатый, но обстоятельный опрос обследуемого по фактам его биографии. На этом этапе беседу желательно построить таким образом, чтобы добиться от обследуемого краткого (4-6 минут) монолога. Один из вопросов, который должен выяснить полиграфолог - проходил ли обследуемый ранее проверку на полиграфе или нет? Если да, то где, когда, по какому поводу и в какой форме? Данная информация используется для корректировки тактики проведения беседы.

В ходе ознакомления с биографическими данными основной упор делается на ознакомлении с периодом жизни обследуемого, непосредственно предшествовавшим событию, послужившего поводом для проведения ПФИ, а также на те аспекты, которые могут иметь к нему отношение. Все вопросы для предтестовой беседы готовятся заранее.

После обсуждения биографических данных полиграфолог переходит к вопросам о здоровье обследуемого. Целенаправленный опрос обследуемого, наблюдение за ним, оценка его поведения во время предтестовой беседы позволяют полиграфологу составить верное представление о его здоровье и интеллекте, а также решить вопрос о возможности (невозможности) проведения ПФИ.

Для получения основных сведений о здоровье обследуемого необходимо:

- провести общий осмотр его внешнего вида, обращая внимание на

состояние (бледность или покраснение) кожных покровов, наличие испарины, а также каких-либо явлений, обычно сопровождающих простуду (насморк, кашель и т.п.), характер дыхания и другие, доступные для выявления органолептическим методом признаки возможного недомогания;

- опросить обследуемого о жалобах на текущее состояние (расстройство желудка, зубную боль, свежие травмы, ушибы, порезы, и другие источники боли или физического дискомфорта);
- выяснить наличие в анамнезе хронических заболеваний сердца и сосудов (гипертония, ишемия, аритмия, кардиосклероз, пороки сердца, ревматизм и пр.), легких (бронхит, пневмония, пневмосклероз, эмфизема и пр.), почек (пиелонефрит, нефроз и пр.), крови (анемия, лейкопения и пр.), обмена веществ (ожирение, подагра, сахарный диабет и пр.) и т.д., а также уточнить, какие фармакологические препараты он принимает регулярно;
- выяснить степень пристрастия обследуемого к кофе и курению (сколько, в среднем, за день и что именно употребляет), а также обсудить отношение обследуемого к употреблению спиртных напитков, уточнив, когда в последний раз, что именно, сколько и по какому поводу он употреблял из спиртного;
- выяснить, не было ли у обследуемого в последнее время чрезмерного психического или физического напряжения, острой алкогольной или иной интоксикации;
- спросить, нет ли жалоб на «плохой» сон вообще и о том, как он спал в предыдущую ночь (не клонит ли его ко сну в данный момент);
- при необходимости, измерить артериальное давление и пульс обследуемого.

После принятия решения о возможности дальнейшего проведения ПФИ полиграфолог обсуждает с обследуемым тематику вопросов, которые будут задаваться ему во время предъявления тестов, ставя перед собой задачу - сформулировать их так, чтобы они были понятны обследуемому и не вызвали у него в ходе тестирования неожиданных реакций, обусловленных гневом, удивлением, недопониманием, домысливанием и т.п.

Содержание данного этапа предтестовой беседы видоизменяется в зависимости от того, какая методика будет применяться в ходе тестирования. Иногда появляется возможность по-новому взглянуть на уже известные факты, скорректировать цель и содержание ПФИ (например, когда обследуемый сообщает ранее неизвестную значимую информацию). Однако в любом случае обследуемый должен быть уведомлен о том, что во время

тестирования на полиграфе все вопросы ему будут задаваться только после предварительного обсуждения.

На данном этапе целесообразно обсудить с обследуемым вопросы первого теста из числа подготовленных для предъявления в ходе тестирования на полиграфе. Обследуемому поясняется, что тест будет озвучен (предъявлен) несколько раз подряд (от 3 до 5), вопросы будут одни и те же, только порядок их предъявления возможно будет меняться. Кроме того, разъясняется, что тестов будет несколько, и вопросы каждого теста будут предварительно обсуждаться с обследуемым.

По окончании обсуждения вопросов первого теста обследуемый уведомляется, что тестирование начинается с установочного теста (синонимы: стимул-тест, стимулирующий, стимуляционно-адаптирующий, ознакомительный тест). На этом предтестовая беседа заканчивается.

В процессе беседы могут возникнуть следующие ситуации, требующие внимания полиграфолога:

1. Обследуемый полностью безразличен к факту проведения ПФИ и его результатам, пассивен и физиологически ареактивен. Полиграфолог должен выяснить причины такого поведения, и принять соответствующие меры, в зависимости от того, носят ли эти причины объективный (например, плохое самочувствие обследуемого) или субъективный (недопонимание обследуемым значимости происходящего) характер.
2. Обследуемый перевозбужден. Обычно правильно построенная беседа, направленная на локализацию и устранение причин волнения, довольно быстро снижает уровень возбуждения у добросовестного обследуемого, тогда как у лиц, сознательно дающих ложные показания, он может повыситься настолько, что человек сам примет соответствующее решение и сообщит достоверную информацию.
3. Обследуемый находится в состоянии гнева в связи с предложением участвовать в проведении ПФИ и демонстрирует негативное отношение к полиграфологу. Используя приемы психологического воздействия (например, разъясняя подозреваемому в совершении преступления, что ПФИ проводится в его же интересах с целью отвести от него необоснованные подозрения), полиграфолог должен попытаться убедить обследуемого в необходимости сотрудничества. В противном случае исследование надо прекратить.

Структура и содержание предтестовой беседы могут меняться в зависимости от ситуации, в которой проводится ПФИ. Оптимальная продолжительность предтестовой беседы полчаса - час (беседа не должна за-

тягиваться более чем до полутора часов).

Во время беседы полиграфолог не должен выражать недоверия обследуемому или превращать беседу в допрос. Надо непредвзято оценивать сообщаемую им информацию, не пытаясь, используя ее, уличить обследуемого во лжи на данном этапе ПФИ (как правило, полиграфолог обсуждает появление реакций обследуемого, не согласующихся с ранее сообщенной им информацией, предоставляя ему право объяснить их появление, после окончания тестирования на полиграфе).

В ходе беседы запрещается:

- отклоняться от основной темы и обсуждать посторонние, не имеющие отношение к ПФИ вопросы;
- устанавливать датчики на теле обследуемого вплоть до завершения беседы.

Предтестовая беседа проводится с каждым из обследуемых. Индивидуальной беседе может предшествовать беседа с группой лиц по общим вопросам организации и проведения ПФИ:

- потенциальные обследуемые знакомятся с целью исследования;
- им разъясняются правовые основы проведения ПФИ, порядок его проведения и особенности использования полиграфа;
- уточняются факторы, препятствующие проведению ПФИ, и принимаются меры с целью предупреждения возможного противодействия процедуре;
- в письменной форме фиксируется согласие на участие в ПФИ или отказ от прохождения процедуры.

Если при проведении ПФИ предусматривается психологическое тестирование обследуемого, в том числе по личностным качествам, то такое тестирование проводится до или после ПФИ, но не во время предтестовой беседы.

7.3. Инструктаж по порядку проведения тестирования на полиграфе

По окончании предтестовой беседы с обследуемым проводится инструктаж по порядку проведения тестирования на полиграфе.

На время инструктажа (если предтестовая беседа и тестирование проводятся в разных комнатах или же в одной, но за различными рабочими столами) полиграфолог может пересесть в кресло, предназначенное для обследуемого на период тестирования, а обследуемого попросить встать напротив (сбоку от полиграфолога).

Примерное содержание инструкции для обследуемого:

«Во время тестирования на полиграфе Вы будете сидеть на этом месте. Устраивайтесь удобнее. На одной руке у Вас будет закреплена манжета для измерения давления, на пальцах другой руки – датчик регистрации потоотделения. Ноги поставьте, как Вам удобно, так чтобы подошва обуви полностью опиралась на пол (не скрещивая, не поджимая их под себя, и не кладя ногу на ногу). Смотреть будете перед собой, рассеянным взглядом - не фиксируйте взгляд на чем-либо. Пристально в одну точку смотреть не нужно - это тяжело, люди при этом быстро устают. Можете смотреть выше, ниже, как Вам будет удобно. Голову, когда я буду задавать вопросы, а Вы - на них отвечать, следует держать ровно, без движений: не кивайте, отвечая «да»; не качайте головой из стороны в сторону, отвечая «нет». Не надо делать глубокие вдохи и резкие выдохи, старайтесь не покашливать. Однако если Вам все же захочется кашлянуть или чихнуть - пожалуйста, не стесняйтесь, Вы – живой человек. Предупреждать меня не надо – просто откашляйтесь, и мы продолжим нашу работу. Во время теста сидите спокойно, расслабленно. Смотрите рассеянным взглядом перед собой, глаза полностью не закрывать (и то заснете). Дослушали до конца вопрос и ответили: «да» или «нет». Все вопросы Вам будут известны и понятны. Не нужно отвечать «да, конечно» или «нет, никогда»; просто «да» или «нет». По ходу тестирования не надо комментировать вопросы. Если у Вас возникнет такая потребность - сделаете это сразу по окончании теста. Старайтесь не делать даже мелких движений пальцами или головой. В противном случае у меня будут помехи, нам придется повторять вопросы лишней раз. В этом случае мы будем долго работать и Вы устанете».

Инструкция дается ровным, уверенным, негромким голосом, без перерывов и без каких-либо обсуждений с обследуемым.

7.4. Установка датчиков

Установка датчиков на теле обследуемого производится после завершения инструктажа (полиграф и датчики должны всегда иметь опрятный вид).

Перед установкой датчиков обследуемому предлагается посетить туалет (если в этом есть необходимость), покурить (если он является заядлым курильщиком) или поить воды. Если руки у обследуемого холодные, желателен предложить ему их вымыть теплой водой с мылом. Попросить снять пиджак, галстук и наручные часы, отключить мобильный телефон (телефоны).

Датчики укрепляются в следующей последовательности:

1. Под ножки стула (или кресла), на котором будет сидеть обследуемый, может быть заранее установлен датчик двигательной активности (ДА). Подобный датчик может быть выполнен иным образом (например, в виде подкладки на сиденье кресла).
2. До того, как обследуемый сел в кресло, на нем устанавливаются пояса датчиков грудного и диафрагмального дыхания соответственно на груди выше линии сосков и на уровне верхней границы живота.
3. На указательный и безымянный пальцы левой руки (в том случае, если рабочей рукой является правая), предварительно протертые салфеткой, смоченной спиртовым раствором, с образивом (или без такового), укрепляются два металлических электрода для регистрации кожно-гальванической реакции (КГР). Для улучшения контакта кожи с электродом можно применять электропроводный гель.
4. Датчик фотоплетизмограммы (ФПГ), предназначенный для регистрации реакции периферических сосудов, устанавливается на средний или безымянный палец руки.
5. На плечо другой руки (на которой датчик ФПГ не установлен) устанавливается манжета сфигмоманометра для измерения артериального давления (АД). Для повышения комфорта манжета устанавливается поверх рукава рубашки.

Температура датчиков КГР и ФПГ должна сравниваться с температурой тела обследуемого до того, как начнется предъявление тестов. Именно поэтому эти датчики, по возможности, устанавливаются первыми после того как обследуемый сел в кресло, чтобы было достаточно времени для процесса выравнивания температуры.

Одновременная регистрация сигналов датчиков ФПГ и АД не является обязательной. Достаточно одного из показателей, например, АД. Зачастую использование ФПГ может быть предпочтительнее: у обследуемого не возникает ощущения дискомфорта (из-за того, что для регистрации АД требуется накачивать манжету сфигмоманометра); снижется вероятность искажения по этой причине других физиологических показателей, в частности, КГР; уменьшается риск обратного искажающего влияния со стороны дыхания на результаты контроля за деятельностью сердечно-сосудистой системы.

Регистрируемые физиологические показатели на диаграммной ленте или экране монитора компьютера предлагается распределять по каналам полиграфа в следующем порядке (сверху вниз):

- 1) дыхание (датчик, расположенный в области груди)
- 2) дыхание (датчик, расположенный в области диафрагмы)
- 3) КГР
- 4) АД
- 5) ФПГ
- 6) ДА
- 7) отметка вопросов и ответов (от микрофона контроля акустики помещения или вручную).

Не рекомендуется вывод на диаграммную ленту или экран монитора более 7 информационных каналов, так как это осложняет работу полиграфолога по принятию решения «в режиме on-line» и, соответственно, создает трудности для корректировки тактики проведения исследования.

Полиграфолог должен устанавливать датчики на теле обследуемого быстро и уверенно, по ходу давая краткое описание их назначения, но, не вдаваясь в детали. Закрепив датчики, полиграфолог интересуется у обследуемого, не создают ли они дискомфорт и, в случае необходимости, устраняет его.

Подробное объяснение принципа работы полиграфа дается после установки всех датчиков. Полиграфолог обязан ответить на все вопросы, которые могут возникнуть у обследуемого в отношении полиграфа и ПФИ. При этом также не следует вдаваться в детали. Давать пояснения нужно лаконично, не используя специальных терминов (например, предпочтительнее говорить «потоотделение», а не «КГР» или «кожно-гальваническая реакция»).

После укрепления датчиков и ответов на вопросы обследуемого полиграфолог включает прибор, проводит его окончательную проверку и настройку, производит контрольную запись физиологических показателей. В целях исключения повреждения полиграфа работа на нем должна осуществляться в полном соответствии с технической инструкцией, прилагаемой к прибору.

Затем полиграфолог просит обследуемого закрыть глаза на 10-15 секунд, потом подвигать глазами в стороны, пошевелить пальцами ног, напрячь мышцы тела, сделать глубокий вдох. После этого полиграфолог может предъявить обследуемому полиграмму, показывая на ней, что перечисленные действия четко отображаются в физиологических реакциях. Полиграфолог подчеркивает, что эти и подобные действия не следует делать во время теста, так как, с одной стороны, они будут искажать истинную картину, а с другой - могут рассматриваться как меры противодействия процедуре.

7.5. Тестирование на полиграфе

7.5.1. Общая характеристика

Тестирование на полиграфе предусматривает предъявление обследуемому лицу стимулов, объединенных в тесты в особом, методически обусловленном порядке. Тесты предварительно обсуждаются с обследуемым. Перед предъявлением очередного теста следует убедиться, правильно ли понял обследуемый смысл обсужденных вопросов.

Тест, в зависимости от используемой методики, может содержать от 5 до 15 вопросов. Полиграфолог задает вопросы ровным, умеренно громким, монотонным голосом, избегая интонационных акцентов. Интервал между озвучиваемыми вопросами, в среднем, составляет 25-30 сек. Предъявление каждого последующего вопроса допускается *только после того*, как прекратилась реакция на предыдущий вопрос.

Непосредственно перед предъявлением следующего теста полиграфолог каждый раз дает инструкцию обследуемому сидеть спокойно, не двигаться, смотреть прямо перед собой и отвечать на все вопросы правдиво (если не было иных указаний) и однозначно - «да» или «нет». Ни при каких обстоятельствах полиграфолог не должен давать инструкцию обследуемому - «ни о чем не думать во время теста». Напротив, можно попросить обследуемого сосредоточиться на тестировании и внимательно слушать вопросы, несмотря на то, что они повторяются.

После предъявления последнего вопроса теста полиграфолог объявляет перерыв на 1-2 минуты.

Каждый тест следует предъявлять 3-5 раз. Последовательность вопросов в тесте при этом может изменяться (или не изменяться) в зависимости от того, какая методика используется. В интервалах между предъявлениями одного и того же теста полиграфолог может поинтересоваться у обследуемого, какие вопросы и почему вызвали у него неудовлетворенность или беспокойство, а также, если необходимо, предлагает переформулировать их более приемлемым для обследуемого образом.

В процессе озвучивания вопросов и регистрации реакций обследуемого при ответе на них (в целях упрощения последующего анализа и интерпретации полиграмм как самим полиграфологом, так и другими специалистами) полиграфологу следует делать отметки на полиграмме, указывая:

- границы каждого вопроса (иного другого продолжительного раздражителя);

- порядковый номер вопроса;
- ответы обследуемого «да» или «нет», соответственно;
- начало предъявления теста и его порядковый номер;
- завершение предъявления теста;
- момент центрирования графика;
- изменение усиления в канале полиграфа;
- движения обследуемого, глубокий вдох, резкий выдох, кашель, чихание, шмыганье носом, зевота, икота, изменение интонации голоса при ответе и т.п.;
- внешний шум;
- давление воздуха в манжете и сопротивление кожи до и после предъявления теста.

Примечание. Перечисленные параметры фиксируются при применении чернилопишущего полиграфа. В компьютерных полиграфах некоторые из указанных параметров регистрируются автоматически.

В процессе предъявления тестов необходимо постоянно следить за качеством регистрации физиологических показателей и за состоянием датчиков. Особое внимание надо обращать на манжету сфигмоманометра: она не должна касаться грудной клетки, давление в ней всегда должно оставаться постоянным (в пределах 40 – 60 мм рт.ст.). Если обследуемый жалуется на дискомфорт, создаваемый манжетой, ее следует перенести на другую руку, соответственно поменяв на руках положение датчиков, или заменить пальцевым датчиком давления или датчиком фотоплетизмограммы. В то же время полиграфолог не должен сам задавать вопросов о дискомфорте, связанном с манжетой, чтобы искусственно не спровоцировать его появление.

При появлении у обследуемого признаков раздражительности или гнева (например, при появлении резких и громких ответов) следует приостановить тестирование и объяснить обследуемому еще раз цель и смысл всей процедуры, напомнив, что подобные ответы приводят к искажению реакций «не в его пользу». Тестирование также прерывается, если обследуемый с самого начала непрерывно двигается, кашляет и т.д. Он еще раз предупреждается о необходимости строгого соблюдения инструкций полиграфолога. Все комментарии следует делать только после завершения предъявления теста, т.к. появление артефактов может свидетельствовать о противодействии обследуемого процедуре.

В случае, когда в процессе тестирования у обследуемого нарастает или сохраняется стойкое состояние эмоционального напряжения, и он интенсивно реагирует практически на все вопросы, целесообразно изменить

порядок исследования и предъявить длинный перечень исключительно нейтральных вопросов. Если после этого состояние гиперреактивности у обследуемого сохраняется, тестирование на полиграфе следует прекратить, тщательно разобраться в причинах беспокойства обследуемого и, по возможности, провести тестирование повторно.

Когда полиграфолог отмечает снижение физиологической реактивности обследуемого, он должен использовать различные приемы стимуляции: проведение кратковременного тестирования памяти и внимания обследуемого в перерывах между предъявлениями тестов; проведение специального теста со звуковой биологической обратной связью; дополнительное акцентирование внимания обследуемого на значимости для него проводимого исследования и его результатов; употребление, в зависимости от состояния здоровья и предпочтений обследуемого, крепкого чая или кофе в перерыве между предъявлениями тестов (надо учитывать, что стимулирующий эффект кофе развивается через 15 минут после его употребления). Не следует использовать приемы стимуляции в отношении эмоционально нестабильных обследуемых.

В качестве диагностического приема проверки реактивности обследуемого можно использовать последовательное предъявление нескольких физических (например, хлопок в ладоши, легкое касание шеи рукой) и психических (ряд простых вопросов - «удобно ли сидеть?», «не мешают ли датчики?» и т.п.) стимулов. Значительное превышение величины реакций (особенно КГР) на физические стимулы по отношению к реакциям на психические может свидетельствовать о приеме каких-либо фармакологических препаратов.

При наличии подозрений, что обследуемый преднамеренно использует фармакологические препараты с целью противодействия ПФИ, у него по завершении тестирования на полиграфе уполномоченным на то лицом могут быть взяты образцы слюны или мочи для последующего химикотоксикологического анализа.

К факторам, снижающим эффективность тестирования на полиграфе, относятся:

- дискомфорт любой природы (тугие датчики, неудобное кресло, чрезмерно продолжительное исследование, некомфортная температура в помещении и т.д.), который при обнаружении подлежит немедленному устранению;
- длительное психическое напряжение обследуемого в ожидании прохождения ПФИ, а также затянувшаяся предтестовая беседа;
- действие естественных механизмов психологической защиты (вытеснение, рационализация и др.) у обследуемого;

- негативное отношение обследуемого к полиграфологу (если последнему не удалось установить нормальный психологический контакт с обследуемым, он должен отказаться от проведения исследования);
- неверное построение вопросов с точки зрения лингвистики, особенно проверочных и контрольных;
- некоторые особенности личности обследуемого (высокий уровень психопатии, невротизма, патологическая лживость и т.п.);
- высокая ситуативная эмоциональная напряженность (если она связана с необычностью обстановки для обследуемого, то для ее ослабления полиграфолог может предъявить длинный ряд, состоящий только из нейтральных вопросов);
- индивидуально присущая обследуемому высокая нестабильность физиологических показателей;
- попытки обследуемого подавить естественные физиологические состояния и потребности (кашель, чихание, зуд, позывы в туалет и т.п.);
- активное применение обследуемым приемов противодействия исследованию на полиграфе.

На этапе тестирования полиграфолог вправе сам определять порядок проведения исследования, а также способы воздействия на обследуемого. Вместе с тем рекомендуется следующий наиболее оптимальный порядок работы на этом этапе:

1. Проведение установочного (стимуляционно-адаптирующего) теста.
2. Предъявление тестов с контрольными вопросами (как вариант, по методике «зон сравнения»);
3. Предъявление вопросов на фактическую осведомленность по методике выявления скрываемой информации.
4. Применение вспомогательных методик проведения тестирования на полиграфе.

7.5.2. Методики и тесты, применяемые при проведении ПФИ

Стимуляционно-адаптирующий (установочный) тест

Проведение стимуляционно-адаптирующего теста (САТ) в начале тестирования на полиграфе:

- способствует адаптации обследуемого к процедуре ПФИ;
- позволяет оценить общую реактивность обследуемого;

- стабилизирует динамику физиологических показателей перед предъявлением проверочных тестов;
- укрепляет уверенность добросовестного обследуемого в эффективности метода, нормализуя его психофизиологическое состояние;
- повышает уровень тревожности у обследуемых, незаинтересованных в объективном исходе проверки, способствуя усилению в последующем их реакций, связанных с ложью;
- помогает выявить приемы противодействия, которые может применять обследуемый;
- позволяет повысить качество настройки полиграфа в каждом конкретном случае.

Для решения задач, стоящих перед САТ, следует использовать вопросы в целом нейтральные, как правило, биографического характера (например, включающие перечень имен, годов или мест рождения), объединяя их в тест из 4-5 вопросов по принципу тематической однородности. Перед предъявлением САТ, к примеру, «на сокрытие» собственного имени обследуемому дают указание отвечать «нет» на вопрос, как его зовут, в качестве вариантов ответа на который предлагается перечень имен, включающий и собственное имя обследуемого. При этом надо учитывать, что обследуемый по паспортным данным может иметь одно имя, а окружающие могут обращаться к нему иначе, например, Георгий – Юра, Елена – Алена и т.п., а зарегистрированное в документах место рождения может не соответствовать реальному.

При проведении САТ можно избежать использования биографических данных, предложив обследуемому выбрать и запомнить число от 3 до 7, а затем назвать его полиграфологу. Полиграфолог записывает выбранное число на чистом листе бумаги и с помощью кнопки или липкой ленты укрепляет лист на стене перед глазами обследуемого. Затем полиграфолог дает инструкцию обследуемому внимательно смотреть на число и отвечать «нет» на все вопросы, которые будут ему задаваться в отношении выбранного числа. Вслед за этим полиграфолог включает полиграф и задает один и тот же вопрос: «Вы выбрали число ...?», упоминая цифры от 2 до 7, называя в общем порядке и ту, что выбрал обследуемый. По завершении этого теста полиграфолог сообщает обследуемому, что оборудование работает нормально, а реакция на вопрос о выбранном числе является выраженной и становится ясным, как выглядят его физиологические показатели, когда он лжет или говорит правду (для подтверждения этих слов полиграфолог может продемонстрировать обследуемому полиграмму). При этом полиграфолог подчеркивает, что обследуемому не следует волноваться, если он искрен-

нен, так как исследование с высокой точностью подтвердит его правоту.

САТ не рекомендуется выполнять в виде так называемого «угадывания», когда полиграфолог, к примеру, предлагает обследуемому вынуть из непрозрачного конверта одну из карточек (карточки могут быть с цифрами, геометрическими фигурами, иметь различные цвета и т.п.), запомнить ее содержимое и убрать в карман одежды так, чтобы полиграфолог не видел, какая именно карточка выбрана. Случайная ошибка полиграфолога при анализе такого теста может заставить усомниться обследуемого в объективности всех результатов тестирования.

Методика контрольных вопросов

Применение методики контрольных вопросов (МКВ) (современное, более правильное наименование «методика вопросов сравнения») наиболее эффективно в целях выяснения степени информированности обследуемого по одной теме, из числа интересующих инициатора, когда речь идет о необходимости исследования конкретных фактов.

В тесты, составленные по МКВ, включаются вопросы, которые принято именовать: нейтральными, жертвемыми (подготовительными), проверочными (релевантными), контрольными («вопросами сравнения»). При построении тестов вопросы обозначаются следующим образом: Н – нейтральный, Ж – жертвемый, П – проверочный, К – контрольный.

Нейтральные вопросы заведомо не должны быть значимыми для обследуемого в контексте проводимого исследования и не вызывать у него психофизиологических реакций. Они предназначены для оценки нормальных физиологических изменений в организме обследуемого, ослабления напряжения обследуемого после предъявления проверочных вопросов и восстановления его физиологической нормы, существующей на период тестирования. Нейтральные вопросы должны формулироваться четко и кратко и только на основе достоверных фактов (не следует использовать непроверенную информацию), к примеру: «Вы родились в Воронеже?», «Мы сейчас находимся в Москве?», «Сегодня среда?» и т.п.

Жертвемым называется вопрос, который задается в самом начале теста. По своей направленности он может рассматриваться в качестве проверочного, однако при анализе результатов теста его не учитывают. Вопрос озвучивается с тем, чтобы подготовить обследуемого к предъявлению основных проверочных вопросов теста, сфокусировать его внимание на главной цели исследования. Именно поэтому жертвемый вопрос иногда называют «подготовительным». Поскольку реакции на данный вопрос не

учитываются, он может иметь любую длину и должен охватывать как можно больше уточняющих признаков исследуемого события. Например, жертвуемый вопрос может быть сформулирован следующим образом: «*В отношении исчезновения денег из сейфа, которое произошло 28 февраля этого года в расположенном на втором этаже кабинете номер 5 офиса фирмы «Х». Вы будете говорить правду, отвечая на все мои последующие вопросы?»*. Сформулировав столь широко первый из числа проверочных - жертвуемый вопрос теста, остальные проверочные вопросы можно будет формулировать предельно кратко и четко.

Проверочными являются вопросы по существу проводимого исследования, анализ реакций обследуемого на которые позволяет решать задачи ПФИ.

При подготовке проверочных вопросов следует учитывать следующие основные требования:

- вопросы должны быть ориентированы на проверку информации о фактах, а не мнений, намерений или желаний обследуемого;
- каждый вопрос должен быть направлен на выяснение только одного факта и получение односложного однозначного ответа - «да» / «нет» (ни в коем случае в один вопрос нельзя включать две разные темы или два различных аспекта одного события);
- вопрос должен быть сформулирован ясно, кратко, по возможности, без излишней детализации;
- в формулировку вопроса не следует закладывать социально-правовую и эмоциональную оценку совершенных кем бы то ни было действий;
- понимание обследуемым смысла проверочного вопроса не должно зависеть от толкования им других вопросов.

Отличительной особенностью МКВ, наряду со специфической структурой построения тестов и обязательной предварительной психологической подготовкой обследуемого к предъявлению тестов, составленных по данной методике, является использование контрольных вопросов или, иначе, «вопросов сравнения». Их применение, во-первых, способствует отвлечению внимания искреннего обследуемого от проверочных вопросов, что ведет к снижению риска получения ложноположительных выводов (выводов, свидетельствующих о неискренности обследуемого при наличии его правдивых ответов на вопросы по темам, интересующим инициатора ПФИ), а, во-вторых, облегчает интерпретацию полиграмм, поскольку контрольные вопросы выступают в качестве точки отсчета при оценке реакций на проверочные вопросы, что приводит к нивелировке действия многих отрицательных факторов, снижающих результативность ПФИ.

Контрольные вопросы должны подбираться полиграфологом индивидуально для каждого обследуемого в контексте конкретной ситуации, послужившей поводом для проведения ПФИ, и перерабатываться (уточняться) в зависимости от результатов предтестовой беседы. Их надо тщательно обсуждать с обследуемым, чтобы в момент предъявления теста контрольные вопросы не стали для него неожиданными по смыслу и не вызывали состояния удивления или замешательства. При обсуждении контрольных вопросов полиграфолог должен добиваться того, чтобы добросовестный обследуемый рассматривал их в качестве исключительно важных, непосредственно связанных с риском наступления для него неблагоприятных последствий после проведения ПФИ (фактически для такого обследуемого контрольные вопросы должны носить проверочный характер и быть ситуативно более значимыми, чем собственно проверочные вопросы). Предпочтительнее работать с вопросами, ответ на которые предполагается (и после обсуждения дается обследуемым) отрицательный – «нет».

В современной практике проведения ПФИ преимущественно используется три типа контрольных вопросов:

1. Контрольные вопросы «вероятной лжи» (в международной терминологии - Probable Lie Control Questions).
2. Контрольные вопросы «на искренность» (Truth Control Question) или иначе контрольные вопросы комплекса вины.
3. Контрольные вопросы «управляемой лжи» (Directed Lie Control Question).

Контрольные вопросы «вероятной лжи» используются наиболее часто. По отношению к исследуемому событию они могут быть «включающими» или «исключающими».

Содержание «включающих» контрольных вопросов охватывает факт, событие или действие, послужившие поводом для проведения ПФИ. Например, если рассматривается вопрос о сокрытии обследуемым какой-либо информации, в качестве «включающего» контрольного вопроса может быть использован такой: *«Вы когда-нибудь обманывали кого-либо из тех, кто Вам доверял?»* Подразумевается, что обследуемый может скрывать в настоящее время искомую инициатором информацию.

Содержание «исключающих» контрольных вопросов не охватывает того факта, события или действия, на прояснение информации о которых ориентировано ПФИ. Для этого используется прием ограничения фокуса вопроса по времени и по месту. Применительно к той же ситуации, что была описана выше, «исключающий» контрольный вопрос будет звучать так: *«До 2008 года Вы хоть раз обманывали кого-либо из тех, кто Вам доверял?»*, при условии, что изучаемые факт, событие или действие имели

место в 2008 году. Другой пример «исключающего» контрольного вопроса: *«На прежнем месте работы Вы хотя бы раз присваивали себе чужие вещи?»* В данном случае используется ограничение направленности контрольного вопроса как по времени, так и по месту.

Контрольные вопросы «вероятной лжи» готовятся, формулируются и предъявляются так, чтобы в контексте конкретной ситуации проведения ПФИ они оказывались более важными для добросовестного обследуемого, чем проверочные вопросы. В то же время обследуемые, умышленно искажающие или скрывающие от полиграфолога известную им информацию, не должны придавать им такого значения, оставаясь озабоченными, прежде всего, проверочными вопросами.

С этой целью перед предъявлением теста, содержащего такого рода вопросы, полиграфолог заявляет обследуемому, что, решая вопрос относительно его причастности к конкретным событиям, необходимо знать, что вообще представляет собой обследуемый как личность, способен ли он был совершить данный проступок, не относится ли он к тем людям, которые из-за своего негативного жизненного опыта в подобных ситуациях с легкостью готовы пойти на обман. Именно по этой причине, по словам полиграфолога, он вынужден задать ряд общих, но важных вопросов в отношении добропорядочности обследуемого вообще, так называемые вопросы «на общую честность» типа: *«Вы скрывали когда-либо от других свои нечестные поступки?»* или *«Вы воровали когда-нибудь чужие вещи?»* и т.п. При этом полиграфолог должен постоянно подчеркивать, что искренность является важнейшим фактором в отношениях между людьми, а ее отсутствие может быть даже хуже, чем проступок, ставший поводом для проведения ПФИ. Такой подход способствует формированию у добросовестного обследуемого соответствующей психологической установки и делает контрольные вопросы для него более значимыми, чем проверочные.

Выбор и отработка контрольных вопросов «вероятной лжи» - сложная и ответственная задача. Чтобы успешно решить ее, полиграфолог должен соблюдать нижеследующие основные требования, предъявляемые к данному типу контрольных вопросов.

Во-первых, вопросы должны быть такими, чтобы на них практически невозможно было ответить искренне и чтобы, отвечая на них, обследуемый либо точно знал, что дает ложный ответ, либо окончательно не был уверен в правдивости своего ответа.

Во-вторых, с точки зрения содержания эти вопросы должны иметь максимально широкий охват по времени и пространству, по характеристике описываемых в вопросе действий, чтобы обследуемый не мог быть до конца уверенным в достоверности собственного ответа (пространственно-

временная расплывчатость контрольных вопросов «вероятной лжи», помимо прочего, приводит к снижению их значимости для лучшего обследования по сравнению с проверочными вопросами, ориентированными на решение задач ПФИ).

В-третьих, по содержанию они должны быть «исключающими».

В-четвертых, надо иметь в виду, если в процессе обсуждения такого типа контрольного вопроса обследуемый делает какие-либо частичные признания, полиграфолог должен детализировать их и сформулировать вопрос заново, начиная его со слов «*Помимо того, о чем Вы мне сообщили. Вы ...?*» Как только обследуемый наконец-то даст отрицательный ответ на контрольный вопрос в новой формулировке (начинающийся со слов, «помимо того...»), надо сразу переходить к обсуждению следующего вопроса. Если в процессе обсуждения обследуемый делает много малозначительных признаний, возникает опасность, что данный вопрос в итоге может стать для него незначимым, а в контексте решения задач ПФИ - неэффективным. В таком случае данный вопрос лучше исключить из предъявляемого теста.

В-пятых, если обследуемый категорически отрицает совершение действия, упоминаемого в контрольном вопросе, полиграфолог должен изменить формулировку вопроса и спросить обследуемого, не пытался ли он совершить это действие или не думал ли он о его совершении.

В-шестых, для того чтобы контрольные вопросы «вероятной лжи» сохраняли индивидуальность, «не пересекались» и «не поглощали» друг друга, в них необходимо использовать разные временные интервалы («до текущего года...», «в период с... по...», «на прежнем месте работы...» и т.п.) и «адресную принадлежность» («...у тех, кто Вам доверял», «...своему руководству» и пр.). Несоблюдение этого требования может способствовать развитию у обследуемого «привыкания» в последовательных предъявлениях тестов.

Эффективное использование **контрольных вопросов «на искренность»** также требует специальной психологической подготовки обследуемого. Контрольный вопрос «на искренность» - это вопрос, ответ обследуемого на который является заведомо правдивым, поскольку касается такого действия, которое он действительно не совершал. Контрольные вопросы «на искренность» основываются на вымышленных фактах и событиях. Правильно подготовленный и предъявленный вопрос данного типа должен быть таким же значимым для добросовестного обследуемого, как и проверочный вопрос, в то же время для обследуемого недобросовестного значимость проверочного вопроса должна оставаться преобладающей.

Возможность использования контрольных вопросов «на искренность», их выбор и подготовка зависят от конкретных задач, поставленных

перед полиграфологом, наличия информации об обследуемом, целого ряда иных факторов. Непременным условием, однако, является то, что добросовестный обследуемый должен поверить в реальность вымышленного (фиктивного) события или факта и почувствовать в ситуации обсуждения именно этого вопроса угрозу своим жизненным интересам.

Примером может служить следующая ситуация. Непосредственно перед тестированием на полиграфе полиграфолог заявляет обследуемому, подозреваемому в совершении имевшей место в действительности кражи, что его, помимо того, будут «проверять на причастность» еще к одной краже, произошедшей немногим ранее при сходных обстоятельствах. Упомянутая полиграфологом кража – вымышленное событие, но описывается она и обсуждается так, что приобретает для обследуемого реальные черты. Полиграфолог подчеркивает, что непричастность обследуемого к данной (вымышленной) краже может быть установлена только путем ПФИ и начинает готовить и обсуждать с обследуемым относящиеся к ней вопросы, которые и являются контролем «на искренность».

Важнейшим требованием при использовании контрольных вопросов «на искренность», помимо особой психологической подготовки к ним обследуемого, является сходство их формулировок с формулировками соответствующих проверочных вопросов.

Контрольные вопросы «управляемой лжи» рекомендуется использовать в тех случаях, когда возникают трудности с применением описанных выше контрольных вопросов «вероятной лжи» и «на искренность». Неформальное, эффективное применение описанных ранее типов контрольных вопросов является достаточно сложным, так как многое зависит от личностных особенностей полиграфолога, его интеллекта, компетентности, социального и практического опыта. С сожалением приходится констатировать, что сегодня в России качество профессиональной подготовки специалистов-полиграфологов все еще оставляет желать лучшего. Поэтому замена традиционных контрольных вопросов на контрольные вопросы «управляемой лжи», существенно упрощая работу для мало опытного полиграфолога, в то же время повышает ее качество.

Основная проблема выбора и подготовки контрольных вопросов «вероятной лжи» и «на искренность» заключается в том, что крайне сложно стандартизировать для всех обследуемых процедуру формулирования этих вопросов и их обсуждения. Эффективность контрольного вопроса в значительной степени определяется субъективными факторами, а именно, прямо зависит от того, как обследуемый будет воспринимать и отвечать на него во время тестирования. Для кого-то из обследуемых контрольные вопросы могут оказаться мало значимыми, и никакие попытки полиграфолога (особенно

неопытного) не приведут к усилению их субъективной важности. Для других, напротив, контрольный вопрос может стать чрезмерно сильным психологическим раздражителем, воспринимаемым сродни оскорблению, или ассоциироваться с действительно серьезными проступками, ранее имевшими место в жизни обследуемого, что может привести к отказу обследуемого отвечать на него. В любом случае возрастает вероятность ошибки.

Кроме того, иногда бывает сложно объяснить инициатору проведения ПФИ методический смысл контрольных вопросов, их роль в интерпретации результатов ПФИ - неспециалисты зачастую воспринимают наличие выраженных реакций на контрольные вопросы «вероятной лжи» как доказательство неискренности или вины обследуемого, что, разумеется, недопустимо.

Использование контрольных вопросов «управляемой лжи» в значительной мере устраняет указанные проблемы.

Типичный контрольный вопрос «управляемой лжи» выглядит следующим образом: *«В возрасте до 25 лет Вы хоть раз говорили неправду?»*. Обследуемому дается инструкция отвечать «нет» на этот вопрос, при этом ему четко объясняется, что любой человек, отрицающий, что он когда-либо говорил неправду, на самом деле лжет. Очень важно, чтобы обследуемый правильно понимал суть и цель применения вопросов «управляемой лжи». Инструктаж обследуемого рекомендуется проводить так, как описано ниже.

Полиграфолог говорит, что в процессе тестирования на полиграфе будут заданы вопросы, на которые следует давать ложные ответы: *«Так же, как и во время обсуждения установочного теста, нам необходимо выбрать такие вопросы, при озвучивании которых и Вы, и я одновременно будем знать, что Ваши ответы на них являются ложью. В этом случае я смогу контролировать адекватность Ваших физиологических реакций при ложных ответах и буду уверен, что сохраняется возможность успешного проведения исследования. Например, я задам Вам вопрос: «В возрасте до 25 лет Вы хоть раз лгали?» Попрошу Вас в ответ сказать неправду, то есть ответить «нет». Кроме того, я попрошу Вас в момент ответа вспомнить какой-либо конкретный эпизод, когда Вы лгали в прошлом. Вы помните хоть один такой эпизод? ...Очень хорошо. Я не прошу Вас рассказывать мне об этом эпизоде, я только хочу, чтобы во время теста Вы ответили «нет» на мой вопрос, то есть сказали неправду и вспомнили этот конкретный эпизод лжи из своей жизни. Благодаря такому приему, во время тестирования и Вы, и я будем точно знать, что Вы говорите неправду в ответ на этот мой вопрос. Я буду видеть, как выглядят Ваши реакции в тот момент, когда Вы лжете, и мы оба будем уверены в объективности нашего исследования»*.

Ниже приводятся типичные примеры контрольных вопросов «управляемой лжи» (как обычно, исключаящих по времени):

До работы на фирме Вы хоть раз обманывали тех, кто Вам доверял?

В возрасте до ___ лет Вы хотя бы раз говорили неправду?

До ___ года Вы хотя бы раз нарушали инструкции или законы?

До сегодняшнего дня в общении с людьми Вы всегда говорили правду?

До ___ года Вы хоть раз совершили поступок, о котором потом жалели?

В возрасте до ___ лет Вы хоть раз теряли что-нибудь важное для Вас?

Одни и те же контрольные вопросы «управляемой лжи» могут использоваться при проведении ПФИ по самым разным основаниям, при тестировании любых обследуемых (с учетом коррекции ссылок на используемые даты и возраст). Эти вопросы обычно хорошо воспринимаются обследуемыми, не возмущают, не обижают и не ставят их в затруднительное положение и не нуждаются в последующем перефразировании по ходу тестирования. Они действительно захватывают внимание добросовестных обследуемых, отвлекая их от проверочных вопросов. Такая заинтересованность практически всегда приводит к усилению реакции искренних обследуемых на вопросы «управляемой лжи», делая их более выраженными по сравнению с реакциями на проверочные вопросы.

Собственно тестирование на полиграфе при использовании тестов, содержащих контрольные вопросы «управляемой лжи», осуществляется точно так же, как и в случае использования контрольных вопросов двух других описанных выше типов, за исключением некоторых особенностей предтестового инструктажа. Непосредственно перед началом предъявления теста полиграфолог должен предупредить обследуемого: *«Пожалуйста, слушайте все вопросы внимательно и отвечайте на них только правду, за исключением тех вопросов, в ответ на которые Вы должны лгать, как мы договорились. Вы помните эти вопросы?... Не забывайте, что Вы должны давать на них ложные ответы и при этом одновременно вспоминать связанные с ними конкретные эпизоды из Вашей жизни»*. После предъявления теста полиграфолог должен поинтересоваться у обследуемого, осознавал ли он, что во время тестирования его ответы на заранее оговоренные вопросы были действительно ложными.

Существуют различные варианты построения тестов по МКВ. В настоящее время к числу наиболее апробированных, эффективных и широко применяемых на практике относится так называемый тест «зон сравнения» (в международной терминологии - Zone of Comparison Test). При его использовании реакции обследуемого на каждый проверочный вопрос сравниваются с реакциями на предшествующий ему контрольный вопрос, которые совместно образуют так называемую «зону сравнения».

В свою очередь существует несколько вариантов построения и самих тестов «зон сравнения», характеризующихся разными форматами, количеством проверочных и вспомогательных вопросов, а также разными способами оценки полученных результатов. Ниже приводится наиболее простой и в то же время наиболее эффективный вариант теста «зон сравнения», рекомендуемый для широкого практического использования. Данный тест имеет три зоны сравнения (три пары контрольный/проверочный вопрос) и минимальное количество вспомогательных вопросов. (В приводимом примере, в качестве повода для организации ПФИ рассматривается кража валюты).

Тест имеет следующую структуру вопросов:

1. (**Вводный - внетематический**) Вы полностью убеждены, что я буду задавать только те вопросы, которые мы обсудили?
2. (**Жертвуемый - подготовительный**) Вы будете говорить правду, отвечая на вопросы о хищении валюты... (далее называются место, дата и другие обстоятельства кражи)?
3. (**Нейтральный**) Сегодня вторник?
4. (**Контрольный-1 – любого типа**) После окончания школы, в возрасте до 20 лет Вы хотя бы раз что-нибудь крали?
5. (**Проверочный-1**) Вы лично причастны к похищению валюты?
6. (**Нейтральный, однако его наличие не обязательно**) Сейчас лето?
7. (**Контрольный-2 – любого типа**) Во время службы в армии Вы хотя бы раз присваивали себе личные вещи сослуживцев?
8. (**Проверочный-2**) Вы знаете точно, кто взял валюту?
9. (**Нейтральный, его наличие не обязательно**) Мы сейчас находимся в Москве?
10. (**Контрольный-3 – любого типа**) В прошлом году Вы иногда занимались воровством?
11. (**Проверочный-3**) Вы знаете точно, где сейчас находится хотя бы часть пропавшей валюты?

В зависимости от ситуации в качестве контрольных вопросов под номерами 4, 7, 10 могут использоваться вопросы любого из трех типов, описанных выше. Нейтральные вопросы № 6 и № 9 должны предъявляться, если реакции на предшествующие проверочные вопросы № 5 и № 8 окажутся чрезмерно сильными или будут сопровождаться артефактами при регистрации динамики психофизиологических показателей. В остальных случаях предъявление этих вопросов можно опустить. Таким образом, данный тест является предельно насыщенным и компактным, состоит из 9 – 11 вопросов, а его продолжительность при 25-ти секундном межстимульном интервале составит менее 5 минут.

Вышеуказанный тест следует предъявлять не менее трех раз. При

этом содержание вопросов не изменяется, однако меняется их взаимное расположение внутри зон. Для этого используется так называемый прием «двойной ротации»: проверочные вопросы перемещаются по тесту из одной зоны в другую против часовой стрелки, а контрольные – по часовой. В перерыве между предъявлениями теста полиграфолог обязательно должен (кратко) привлечь внимание обследуемого как к проверочным, так и к контрольным вопросам. Например, он может поинтересоваться адекватностью их формулировок и возникающими у обследуемого в связи с этим мыслями и ощущениями. Перед очередным предъявлением теста желательно подчеркнуть необходимость для обследуемого отвечать на все вопросы правдиво.

Если предварительная оценка полиграфологом полиграмм после 3-х кратного предъявления теста не позволяет прийти к какому-либо определенному выводу, допускается увеличение числа предъявлений до 5-ти.

Рекомендуемая схема теста, построенного по принципу «зон сравнения» в описанном варианте, выглядит следующим образом:

№ предъявления	Порядок следования вопросов								
I	П0	Ж1	Н1	К1	П1	К2	П2	К3	П3
II	П0	Ж1	Н2	К3	П2	К1	П3	К2	П1
III	П0	Ж1	Н3	К2	П3	К3	П1	К1	П2

При этом зонами сравнения, например, при первом предъявлении теста будут: «К1 - П1», «К2 - П2», «К3 - П3». Именно по этим зонам и осуществляется анализ и количественная оценка реакций на проверочные и контрольные вопросы.

Приведенная схема относится к тесту, включающему три зоны сравнения. В то же время, можно работать и с двумя или с четырьмя зонами сравнения, используя соответствующее количество проверочных вопросов.

Методика выявления скрываемой информации

Методика выявления скрываемой информации (МВСИ) или «методика вопросов на фактическую осведомленность» теоретически считается самой надежной с точки зрения защиты от ложноположительных выводов, однако, как правило, на практике МВСИ имеет ограниченное применение, поскольку далеко не всегда могут быть соблюдены методические требования, непосредственно обуславливающие ее эффективность.

МВСИ следует использовать в комплексе с другими методиками. Больше всего она подходит для перепроверки выводов, предварительно

сделанных полиграфологом по ходу тестирования относительно осведомленности обследуемого по одной из интересующих инициатора тем, т.к. позволяет выявить степень его информированности по детализирующим ему обстоятельствам.

Применение МВСИ основано на том, что обследуемый, имеющий непосредственное отношение к событию, послужившему поводом для проведения ПФИ, неизбежно узнаёт реальные конкретные детали при их предъявлении в ряду других, аналогичных, не связанных с событием, что ведет к появлению соответствующих психофизиологических реакций. Для обследуемого, не имеющего отношения к случившемуся, характеризующие событие детали ничем не отличаются от остальных предъявляемых в общем ряду, и психофизиологические реакции на все вопросы носят случайный характер.

МВСИ должна применяться только тогда, когда предположения об осведомленности обследуемого о деталях случившегося предопределяются тем, что он мог быть участником или очевидцем событий. При предъявлении тестов, составленных по данной методике, должна быть исключена возможность получения обследуемым сведений о событии из иных источников (от других участников произошедшего, лиц, ведущих расследование), а также возможность распознавания реальных (известных инициатору и полиграфологу) деталей или их домысливания.

Требования к составлению тестов по МВСИ заключаются в следующем:

- применять методику можно только в том случае, когда полиграфолог абсолютно точно знает конкретные, реально имевшие место в действительности исследуемые детали события;
- каждый тест должен быть ориентирован на изучение только одной конкретной детали, заведомо известной полиграфологу и обследуемому, скрывающему свою осведомленность по данному факту, но не известной добросовестному, не владеющему соответствующей информацией, обследуемому;
- изучаемая деталь произошедшего, по возможности, должна быть приметной для участников события (предполагается, что они могли и должны были обратить на нее внимание, запомнить или произвести с ней какие-либо действия);
- у искреннего обследуемого не должно быть информации, полученной из каких-либо источников, относительно того, какой из стимулов теста связан с реально имевшим место фактом; он также не должен догадаться об этом, исходя из контекста вопросов, или по иным косвенным признакам; все предлагаемые в тесте вариан-

ты должны быть для обследуемого равновероятными (однородными);

- с одной стороны, вымышленные детали развития события (описание тех или иных исследуемых признаков и т.п.) в альтернативном ряду должны быть той же природы, что и подлинная деталь произошедшего, но не иметь с ней явных общих признаков и логико-смысловых связей, четко отличаться от нее и друг от друга; с другой - истинная деталь произошедшего не должна во время предъявления теста выделяться по лексико-акустическим и другим второстепенным характеристикам.

Перед предъявлением тестов, составленных по МВСИ, вводная беседа обычно бывает очень короткой. Полиграфолог только подчеркивает, что данная методика является надежной защитой от ложноположительных выводов, то есть «работает» исключительно в интересах обследуемого, дающего правдивые показания. Полиграфолог информирует обследуемого о том, что при предъявлении тестов ему будет задано несколько незавершенных вопросов. Для каждого из вопросов будет предложен ряд равновероятных альтернативных окончаний, одно из которых соответствует действительности, а прочие являются вымышленными. Если обследуемый знает, как все обстояло на самом деле, то есть знает соответствующий действительности вариант ответа на вопрос, он обязательно выделит его среди прочих, что приведет к появлению характерных психофизиологических реакций.

Количество незавершенных вопросов, касающихся различных деталей произошедшего события (каждый в совокупности с вариантами окончания составляет самостоятельный тест), должно быть не менее 3-х, однако общий принцип их использования таков - чем больше тестов, тем выше достоверность выводов полиграфолога. Если в распоряжении полиграфолога имеется много деталей события, не получивших огласки (10-15 и более), то тесты по ним допускается предъявлять по одному разу каждый. Если деталей менее 10, то каждый тест, ориентированный на проверку осведомленности обследуемого по той или иной детали события, предъявляется не менее 3 раз. При повторных предъявлениях как порядок предъявления самих тестов, так и порядок озвучивания вопросов внутри каждого теста, может изменяться (за исключением того, что в каждом тесте не меняет своего положения вариант окончания вопроса, стоящий на 1-ом месте, это всегда должен быть вымышленный (жертвуемый) вариант).

Рекомендуется следующая схема предъявления теста МВСИ (предполагается, что в тесте вопрос, касающийся изучаемой детали произошедшего, размещен под № 4):

Номер предъявления	Порядок озвучивания вопросов теста				
	В каждом из предъявлений				
I	1	2	3	4	5
II	1	5	4	3	2
III	1	4	2	5	3
IV	1	3	5	2	4

В качестве примера приведем два теста, построенных по принципу МВСИ в ситуации проведения ПФИ по факту кражи денег (буквами «Зн» выделен значимый, соответствующий действительности вариант):

Тест № 1. Вы точно знаете, в какой день недели были похищены деньги:

Это было в понедельник?

Это было во вторник?

Это было в среду?

Это было в четверг? (Зн)

Это было в пятницу?

Тест № 2. Вы точно знаете, в какое время суток они были украдены:

Это было время с 10 до 12 часов?

Это было время с 12 до 14 часов?

Это было время с 14 до 16 часов?

Это было время с 16 до 18 часов? (Зн)

Это было время с 18 до 20 часов?

Далее могут быть предъявлены тесты, ориентированные на проверку осведомленности обследуемого относительно того, как были упакованы деньги, какая именно сумма пропала, в каких купюрах и т.п.

Отличительной особенностью МВСИ является то, что ее использование предполагает проведение беседы с обследуемым после предъявления очередного теста (после того, как тест будет предъявлен требуется число раз). Проведение беседы становится обязательным, когда при предъявлении теста выраженные психофизиологические реакции обследуемого всякий раз появляются при ответе на вопрос, отражающий подлинную деталь произошедшего. Обследуемого необходимо спросить о том, выделял ли он для себя по мере озвучивания вопросов какой-либо из них, и, если – да, то почему.

Методика проверочных и нейтральных вопросов

Методика проверочных и нейтральных вопросов (МПНВ) применяется, как правило, в кадровой работе. Поскольку классический вариант ее использования не позволял делать выводы с достаточно высокой степенью достоверности, в настоящее время МПНВ используется в модифицированном виде, что дает воз-

возможность предварительно оценить степень осведомленности обследуемого лица по множеству разнообразных тем, чтобы впоследствии, при необходимости, верифицировать сделанные выводы с помощью более надежных методик.

Вопросы тестов, составленных по МПНВ, обсуждаются с обследуемым, как обычно, по завершении предтестовой беседы. В классическом варианте применения методики используются вопросы двух типов: нейтральные (в среднем, их в тесте около 10) и проверочные (их количество может достигать до 20). Модифицированный вариант применения МПНВ предусматривает включение в тест нескольких (от 2-х до 4-х) контрольных вопросов, позволяющих обеспечить контроль адекватности реагирования обследуемого.

Формулировки заранее подготовленных по тематическим шаблонам как нейтральных, так и проверочных вопросов уточняются полиграфологом по окончании предтестовой беседы. Вопросы в тестах группируются по темам, интересующим инициатора (биография обследуемого, работа, криминальное прошлое, причастность к каким-то событиям и действиям и т.д.). По каждой теме готовится несколько проверочных вопросов, детализирующих ее различные аспекты.

В процессе ПФИ перед началом предъявления каждого теста полиграфолог зачитывает последовательно список подготовленных вопросов и просит обследуемого отвечать на них правдиво и однозначно - «да» или «нет». Если тот затрудняется дать однозначный ответ на какой-либо вопрос, полиграфолог должен выяснить причину затруднений, а затем перефразировать вопрос удобным, понятным для обследуемого образом. Если во время обсуждения полиграфолог замечает озабоченность обследуемого каким-либо вопросом, он помечает его, чтобы во время тестирования обратить внимание на реакции обследуемого после его предъявления.

При обсуждении теста полиграфолог корректирует не только формулировки, но и порядок предъявления вопросов. Тест обычно начинается с двух нейтральных вопросов, за которыми следуют контрольный и несколько проверочных вопросов; затем еще вопросы - один нейтральный, один контрольный, несколько проверочных, так что в рамках теста может быть предъявлено 10-12 проверочных вопросов.

В тест включается по 2-3 вопроса из каждой проверочной темы. Тест предъявляется обследуемому не менее 3-х раз в зависимости от качества регистрируемых реакций. Последовательность вопросов в серии может меняться от предъявления к предъявлению. Перед очередным предъявлением теста полиграфолог предупреждает обследуемого о том, что ему будут задаваться только вопросы, предварительно с ним обсуждавшиеся. Обследуемый не должен знать порядок предъявления вопросов.

К числу вспомогательных относятся разновидности рассмотренных выше методик. Изолированное применение данных приемов не позволяет в полном объеме решать задачи ПФИ, однако, в зависимости от ситуации, в дополнение к основным методикам может оказаться весьма эффективным.

А. Тест «молчаливых ответов»

Данный методический прием используется, как правило, во время четвертого предъявления тестов, составленных по принципу «зон сравнения» по МКВ. Полиграфолог дает обследуемому инструкцию отвечать на все вопросы теста не вслух, а мысленно (что называется «про себя»), причем, обязательно правдиво. Формулировка и порядок вопросов по сравнению с предыдущим предъявлением не изменяются.

Использование такого приема позволяет устранить:

- искажение сигнала дыхания при устном ответе обследуемого;
- сопровождение ответов обследуемого микродвижениями тела (особенно у лиц с избыточным весом);
- возможность применения некоторых приемов противодействия ПФИ со стороны обследуемого.

К достоинствам теста «молчаливых ответов» относится и то, что его применение способствует успокоению добросовестных обследуемых, а у недобросовестных усиливает страх быть разоблаченным.

Б. «Да-Нет» тест

Суть теста заключается в том, что все вопросы задаются дважды, а обследуемый получает инструкцию отвечать на них в первый раз – правдиво, а во второй – ложно. Этот методический прием обычно используется при работе с тестами, составленными по МКВ и МПНВ.

Эффективность «Да-Нет» теста обуславливается рядом причин:

- у обследуемого, умышленно дающего ложные показания, возникает внутреннее противоречие между двумя разноплановыми инструкциями (отвечать – правдиво, отвечать – ложно) и выбором соответствующего инструкции варианта ответа, что приводит, с одной стороны, к увеличению психофизиологической реактивности за счет роста психического напряжения обследуемого, а с другой – к повышению вероятности появления произвольных ответов

«да» на те вопросы, на которые он в соответствии со своей версией случившегося должен был бы говорить «нет»;

- искренний обследуемый испытывает определенный внутренний конфликт и, соответственно, психическое напряжение, когда он вынужден «признавать» правду, отвечая «да» на проверочные вопросы, касающиеся обстоятельств, ему доподлинно неизвестных;
- инструкция давать противоположные по смыслу ответы на одни и те же вопросы вынуждает обследуемых слушать все вопросы более внимательно, что также усиливает их психофизиологическую реактивность.

В. Поисковый тест «на знания виновного»

При использовании МВСИ возможно составление тестов по принципу поискового теста «знания виновного» (ПТЗВ). От стандартного варианта использования методики данный вариант отличается тем, что:

- полиграфолог не знает реально соответствующего действительности ответа на включенные в тест вопросы;
- вопросы теста объединяет общая тема, нуждающаяся в прояснении, при этом сами вопросы могут быть сложнее по содержанию и форме, чем обычно;
- каждый тест предъявляется не менее 3-х раз.

Использование описываемой вспомогательной методики можно продемонстрировать на примере выяснения с помощью карты или плана места, где была спрятана украденная вещь. Карта или план разбиваются на несколько секторов; при предъявлении теста обследуемому несколько раз подряд задается один и тот же вопрос: *«Украденная вещь спрятана здесь (в этом секторе)?»*; озвучивание вопроса сопровождается демонстрацией фрагмента карты или плана; каждый раз – нового. В заключении теста обязательно задается так называемый «всеохватывающий» вопрос: *«Украденная вещь спрятана где-нибудь в другом месте?»*

Как по психологическим, так и по техническим причинам ПТЗВ является менее надежным, чем тесты в стандартном формате МВСИ, однако возможностей для его применения на практике достаточно много.

Существует ряд иных вспомогательных методик и методических приемов проведения ПФИ в целом и тестирования на полиграфе, в частности. В пособии, как было указано, описываются лишь наиболее распространенные и апробированные. Есть также методики, эффективность которых еще недостаточно хорошо изучена:

- методика «с отсроченными ответами», когда обследуемый отвечает на вопрос не сразу, а через несколько секунд по специальной команде полиграфолога;
- методика, в которой обследуемый отвечает на вопросы с закрытыми глазами;
- методика «условного рефлекса», когда по ходу тестирования у обследуемого вырабатывается рефлекс нажатия на кнопку звонка всякий раз, когда он говорит неправду, а далее на фоне такой подготовки применяется МКВ;
- методика «биологической обратной связи», когда обследуемый по акустическому каналу получает информацию о силе своих физиологических реакций.

Полиграфолог при наличии соответствующей квалификации, при желании, может опробовать вышеперечисленные методики в конце тестирования на полиграфе.

7.6. Обработка и анализ результатов ПФИ

Обработка и анализ результатов ПФИ проводятся дважды в форме:

- предварительной оценки полиграфологом реакций обследуемого непосредственно на стадии тестирования на полиграфе и сразу по его завершении;
- полной качественно-количественной обработки, а также, в случае необходимости, независимой экспертной оценки.

Предварительная оценка результатов по ходу тестирования осуществляется полиграфологом визуально, без количественной обработки данных, по относительной выраженности психофизиологических реакций, но обязательно на основе универсальных требований и критериев, которые будут изложены ниже. Такая оценка является достаточно надежной, если психофизиологические реакции хорошо выражены, и необходима для выбора тактики проведения заключительного собеседования с обследуемым. Однако она не может использоваться для вынесения окончательного суждения полиграфологом по результатам ПФИ, так как не лишена субъективизма.

Полная качественно-количественная обработка результатов ПФИ занимает значительно больше времени, чем предварительная экспресс-оценка. Обычно она компьютеризирована и осуществляется по месту проведения тестирования на полиграфе (при наличии соответствующих условий, если тестирование проводится вне стационара для проведения ПФИ).

Качественно-количественная обработка проводится в несколько этапов:

- общий осмотр и оценка качества полиграмм;
- выявление и измерение психофизиологических реакций;
- ранжирование реакций и окончательная математическая обработка данных.

Общий осмотр полиграмм проводится с целью оценки их пригодности для анализа, определения качества записи и наличия артефактов, а также для общей оценки психофизиологического состояния обследуемого во время тестирования.

По участкам полиграмм с фоновой записью физиологических показателей обследуемого до начала и после окончания теста полиграфолог оценивает КГР-реактивность (плотность реакций на внешние стимулы) и спонтанную (без видимых причин) КГР-активность (плотность реакций на внутренние стимулы), отражающие уровень психофизиологической реактивности обследуемого.

Низкий уровень КГР-активности или КГР-стабильность обследуемого имеет место при количестве спонтанных КГР-всплесков менее 2 за 3 минуты фоновой записи. Низкий уровень КГР-реактивности (очень слабые реакции на внешние стимулы) может указывать на высокий уровень психопатии обследуемого, что является одним из факторов повышения вероятности ложноотрицательных выводов по результатам ПФИ. Для подтверждения такого предположения требуется сопоставление полученных в ходе ПФИ данных с данными психологического исследования обследуемого и наблюдения за ним.

Спонтанная КГР-реактивность считается высокой, а обследуемый признается КГР-лабильным в том случае, когда количество спонтанных КГР-всплесков превышает 10 за 3 минуты.

Высокая или низкая спонтанная КГР-активность является относительно устойчивой психофизиологической характеристикой человека и может указывать на наличие у обследуемого характерного психологического типа поведения «А» (эмоциональная лабильность) или «В» (эмоциональная устойчивость), соответственно.

Для полиграфолога важно знать, что при тестировании на полиграфе лиц с профилем поведения по типу «А» увеличивается вероятность ложноположительной ошибки, а для лиц с поведением по типу «В» - ложноотрицательной. Кроме того, неискренние обследуемые с профилем поведения по типу «А» легче поддаются психологическому воздействию в ходе заключительного собеседования по результатам ПФИ.

Выявление и измерение психофизиологических реакций может осуществляться как экспертно полиграфологом, так и с использованием компьютерных программ. Основу обработки составляет количественная оценка реакций, которая является хорошей защитой от возможного влияния на конечный результат непредсказуемых предубеждений, предвзятости и субъективизма полиграфолога, так как уменьшает влияние сторонних факторов на процесс принятия решения.

Выделение и измерение реакций проводится по каждому регистрируемому физиологическому показателю отдельно и независимо от наличия реакций по остальным показателям. К оценке реакций на конкретные вопросы можно приступить только после того, как полиграфолог убедится, что отсутствуют явные признаки противодействия со стороны обследуемого.

Возможны разные способы оценки физиологических реакций и, в принципе, за реакцию можно было бы принимать любое отклонение от нормы, сопряженное с заданным вопросом и ответом на него. Однако не следует считать реакциями такие изменения физиологических показателей как увеличение амплитуды и уменьшение периода дыхания, увеличение глубины выдоха, увеличение частоты пульса.

Рекомендуется использовать нижеуказанные стандартные критерии оценки зарегистрированных физиологических реакций.

За начало реакции принимаются изменения в физиологических показателях, которые наступают в период от начала озвучивания вопроса полиграфологом и до 5 секунд после завершения ответа обследуемого. Изменения физиологических показателей за пределами этой области, именуемой зоной реагирования, «реакциями» не считаются. К числу таких исключаемых реакций, в частности, относится реакция оживания вопроса.

Критерии кожно-гальванической реакции (КГР):

- реакцией считается уменьшение величины электрического сопротивления кожного покрова более чем на 500 Ом;
- реакция измеряется на полиграмме в виде амплитуды от исходного уровня, существовавшего непосредственно перед предъявлением вопроса, до наибольшей величины сигнала в пределах зоны реагирования;
- реакция может быть множественной (полифазной), то есть иметь несколько пиков в упомянутом интервале;
- дополнительным параметром реакции может быть также время восстановления исходной величины электрического сопротивления кожного покрова, измеряемое на полиграмме (по горизонтали)

от максимального значения сигнала до момента его возвращения к исходному уровню.

Критерии реакции в дыхании:

- уменьшение амплитуды дыхательной кривой - измеряется как разность между амплитудой первого полного вдоха после ответа обследуемого и амплитудой последнего полного вдоха перед вопросом;
- увеличение периода дыхания - разность (по горизонтали) между длительностью первого полного дыхательного цикла после ответа обследуемого и последнего полного дыхательного цикла перед вопросом (изменение периода дыхания можно также определить как длительность 2-х или 3-х циклов после ответа обследуемого);
- уменьшение глубины вдоха - измеряется как разность между минимальным значением сигнала на 15-ти секундном интервале после ответа обследуемого и тем же параметром непосредственно перед вопросом;
- апноэ - длительная задержка дыхания.

Критерии реакции в кардиосигнале (описываются ниже в зависимости от регистрируемых показателей):

- уменьшение амплитуды фотоплетизмограммы (или пьезоплетизмограммы) - измеряется как разность между амплитудой сигнала в момент предъявления вопроса и ее минимальным значением на интервале 4-14 секунд после вопроса;
- увеличение уровня изолинии диастолы - измеряется как разность между максимальным значением диастолического уровня в сигнале давления крови на интервале 4-14 секунд после начала вопроса и его значением в момент предъявления вопроса;
- уменьшение частоты пульса - измеряется как разность в миллиметрах между максимальным и минимальным значением частоты пульса в 20-ти секундном интервале после вопроса (изменение частоты пульса можно также определить как длительность 10-и циклов работы сердечно-сосудистой системы после ответа обследуемого).

В качестве двигательной реакции рассматривается появление возмущений в обычно стабильном сигнале, регистрируемом датчиком двигательной активности.

Измерение реакций с помощью компьютерных программ осуществляется по указанным выше критериям в относительных единицах в зависимости от используемой системы преобразования физиологических сигналов.

Ранжирование реакций по величине относительно друг друга осуще-

ствляется в зависимости от того, какая методика использовалась в ходе тестирования на полиграфе. Эта процедура так же, как и измерение реакций, осуществляется последовательно по каждому физиологическому показателю и по каждому отдельному предъявлению вопроса.

В случае использования МКВ ранжирование проводится на основе сопоставления реакций на соседние пары вопросов одной зоны (контрольный/проверочный). В зависимости от выраженности реакций может использоваться 3-х, 5-ти или 7-ми бальная система ранжирования. Выбранное для конкретной пары вопросов значение ранга отражает дифференциальную реактивность обследуемого, так как характеризуется не только величиной, но и направленностью.

При использовании 5-ти бальной системы ранжирования применяются следующие критерии установления ранга реакции (для примера рассмотрим пару контрольный/проверочный вопросы):

«-2» - реакция на проверочный вопрос значительно больше реакции на контрольный;

«-1» - реакция на проверочный вопрос ненамного больше реакции на контрольный;

«0» - реакции на проверочный и контрольный вопросы примерно одинаковые;

«+1» - реакция на проверочный вопрос несколько меньше реакции на контрольный;

«+2» - реакция на проверочный вопрос значительно меньше реакции на контрольный.

Величина реакции определяется как абсолютной величиной измеряемых параметров, так и их количеством, вовлеченным в процесс реагирования.

При использовании 7-ми бальной системы ранжирования градация величины реакции оказывается более детальной: значительно больше, больше, незначительно больше, нет различий.

В случае использования МПНВ применяется такая же система ранжирования, как и для МКВ, за исключением того, что за основу сравнения в паре берутся реакции на контрольный вопрос, который вызвал максимальную реакцию в целом по предъявлению. Сравнение реакций с этим вопросом проводится для любого интересующего проверочного вопроса. Для контроля адекватности реагирования обследуемого реакции на контрольные вопросы сравниваются с реакциями на нейтральные и должны значимо превышать последние.

В случае использования МВСИ ранжирование реакций осуществляется

в пределах ряда вариантов окончаний на каждый вопрос. Как показала многолетняя практика экспертного анализа, оптимальной является «трехбалльная система» (каждой реакции, в зависимости от ее величины присваивается соответственно значение 0, 1 или 2 балла). Значимость стимулов в тесте ранжируется в зависимости от суммы набранных баллов по всем физиологическим показателям и во всех предъявлениях. При этом стимул, набравший максимальное количество баллов считается наиболее значимым.

При экспертной процедуре ранжирования реакций применение описанных выше критериев носит эвристический характер и предполагает, что необходимые навыки были выработаны полиграфологом в процессе освоения специальности. При использовании компьютерных программ эта процедура осуществляется автоматически на основе объективных количественных критериев различия реакций.

Полученные в результате экспертной оценки значения рангов могут быть введены в компьютер (в определенной последовательности, предусматриваемой соответствующей программой математической обработки данных) и подвергнуты последующей обработке.

Решение, принимаемое полиграфологом, по результатам ПФИ, прежде всего, должно основываться на данных объективной качественно-количественной обработки психофизиологических реакций обследуемого.

Получив соответствующие данные, полиграфолог должен:

- еще раз ретроспективно оценить устойчивость реакций на интересующие вопросы в разных предъявлениях одного и того же теста (группы тестов, составленных по одной теме);
- проанализировать на предмет исключения возможность противодействия процедуре со стороны обследуемого;
- оценить соответствие формулируемых им выводов прочей имеющейся в его распоряжении информации, касающейся личности обследуемого и ситуации, послужившей поводом для проведения ПФИ, а также проанализировать возможность появления реакций на интересующие инициатора вопросы иными причинами, не связанными с умышленным сокрытием сведений обследуемым.

К прочей информации для полиграфолога относятся результаты:

- компьютерного акустического спектрального анализа ответов обследуемого, включая латентное время;
- лингвистического анализа речи обследуемого в ходе ПФИ;
- оценки невербального поведения обследуемого в ходе ПФИ;
- графологического анализа письменных заявлений, сделанных обследуемым, а также его почерка в целом.

Если указанная информация находится в явном противоречии с выводом, сделанным полиграфологом по результатам ПФИ, следует провести ПФИ повторно.

Кроме того, необходимо иметь ввиду следующее:

- ложноотрицательная ошибка («пропуск цели») может быть допущена из-за квалифицированного противодействия со стороны обследуемого (полиграфолог до последнего момента должен это учитывать);
- ложноположительные ошибки («ложная тревога»), как показывает многолетний опыт применения полиграфа, позитивно коррелируют с рядом социально-психологических черт обследуемого лица, таких как хорошее образование, происхождение из средних социальных слоев, озабоченность за свою репутацию, болезненная реакция на выдвигаемые обвинения и т.п. (полиграфолог должен об этом помнить);
- наличие определенной (иногда высокой) вероятности появления ложноположительной ошибки при использовании практически всех методик ПФИ делает «вывод об искренности» обследуемого более надежным и заслуживающим большего доверия, чем «вывод о неискренности».

7.7. Заключительное собеседование

Заключительное собеседование с обследуемым обычно проводится после предварительной оценки результатов тестирования на полиграфе, хотя его проведение не является обязательным. Как правило, оно проводится либо в случае возникновения сомнений в искренности обследуемого, подкрепленных наличием устойчивых выраженных психофизиологических реакций на проверочные вопросы, либо при невозможности для полиграфолога придти к однозначно трактуемым выводам. Если предварительная оценка результатов с очевидностью свидетельствует в пользу обследуемого, то заключительное собеседование не проводится.

Основная цель заключительного собеседования - получение от обследуемого полного или частичного признания в отношении изучаемых фактов на основе максимального использования в этих целях тех условий и психологической обстановки, которые предоставляет ПФИ. Для успешного достижения этой цели полиграфолог должен уметь использовать некоторые психологические факторы, способствующие получению признания со стороны обследуемого, умышленно искажающего или скрывающего интересующую инициатора ПФИ информацию. В таких случаях жела-

тельно провести полное или экспресс-тестирование обследуемого и, таким образом, получить соответствующие рекомендации по тактике дальнейшего общения с данным типом личности.

Как правило, признание в условиях проведения ПФИ обследуемые делают под воздействием сильного эмоционального импульса, связанного с чувством вины, стыда и угрызениями совести. Его легче получить, когда недобросовестный обследуемый, в частности:

- знает и понимает, что полиграфологу известна правда;
- убеждается, что противоречивость и несостоятельность его легенды становятся очевидными;
- лжет человеку или людям, к которым относится с уважением.

Имеющийся опыт показывает, что на признание чаще идут те обследуемые, которые во время тестирования на полиграфе демонстрируют выраженные психофизиологические реакции.

Признание обычно сдерживается чувством страха наказания как за сам факт сокрытия информации, так и за скрываемое деяние. Поэтому полиграфолог должен стремиться снизить это чувство страха у недобросовестного обследуемого. Следует демонстрировать сочувствие, стараться «войти в положение» обследуемого, помочь ему обосновать или даже оправдать совершенное, и тем самым сделать первый шаг к признанию. Полиграфолог может попытаться убедить обследуемого в том, что дача заведомо ложных показаний - непростое, изматывающее занятие, что обследуемому станет намного легче после признания и прекращения безнадежных попыток скрыть правду. Одна из задач полиграфолога при этом заключается в том, чтобы доказать обследуемому, что его легенда слабо отработана, совершенно несостоятельна и при сопоставлении с фактами не выдерживает проверки.

Добиваясь признания, важно помнить, что оно должно заключаться не просто в принятии обследуемым на себя ответственности за какой-то проступок, а обязательном изложении информации по существу событий. Сообщаемые во время признания сведения должны быть перепроверяемыми и доказуемыми, так как по разным причинам признания обследуемых могут оказаться ложными.

Рекомендуется проводить заключительное собеседование следующим образом:

- перед началом собеседования надо снять с обследуемого все датчики и на некоторое время оставить его одного (в это время полиграфолог, перейдя в соседнее помещение, может завершить предварительную оценку полиграмм);

- по возвращении полиграфолог спокойно садится напротив обследуемого, смотрит ему в глаза и приступает к беседе;
- прежде всего, у обследуемого выясняется его отношение к проведенному тестированию, полиграфолог интересуется, что особенно беспокоило обследуемого во время процедуры, какие вопросы и почему оказались наиболее «неприятными»;
- затем полиграфолог интересуется, как обследуемый может объяснить свои устойчивые реакции во время тестирования на те или иные вопросы; при этом полиграфолог должен принимать только состоятельные объяснения, демонстрируя нарастающую пристрастность и неудовлетворенность слабыми аргументами обследуемого, открыто подчеркивая противоречия, если таковые имеют место.

На протяжении всего собеседования полиграфолог должен внимательно слушать все, что говорит обследуемый, не перебивать его и давать по каждому вопросу высказываться полностью. Полиграфолог должен стараться проводить собеседование в форме деликатного зондирования тем, при ответах на проверочные вопросы которых были выявлены выраженные психофизиологические реакции. Не следует упускать момент, когда состояние обследуемого (его готовность к признанию) позволит поставить прямой вопрос по существу обсуждаемых фактов. При этом запрещается:

- прямо обвинять обследуемого во лжи;
- делать преждевременные выводы и раскрывать перед обследуемым свои подозрения или известные полиграфологу факты;
- проводить дополнительное (повторное) ПФИ по завершении такого собеседования.

7.8. Формулирование выводов и подготовка заключения по результатам ПФИ

В компетенцию полиграфолога входит формулирование по результатам проведенного ПФИ вывода о степени соответствия действительности утверждений обследуемого, относящихся к событиям или фактам, интересующим инициатора ПФИ. Данный вывод полиграфолог делает на основании сопоставления психофизиологических реакций обследуемого, которые возникли в ответ на предъявленные ему проверочные, контрольные и другие вспомогательные вопросы, сформулированные в соответствии с задачей ПФИ, и последующей оценки относительной значимости этих вопросов для обследуемого.

Формулирование вывода (в какой бы то ни было форме) о существовании события либо отдельных обстоятельств случившегося в компетенцию полиграфолога не входит, т.к. в соответствии с действующим законо-

дательством заключение специалиста – это источник сведений, на основе которых наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств, имеющих значение для дела, устанавливают уполномоченные на то лица в порядке, определенном соответствующими нормативными актами.

По материалам ПФИ полиграфолог составляет письменное заключение, в котором рекомендуется указывать следующее:

- дату, время и место проведения ПФИ;
- основание проведения ПФИ;
- сведения об инициаторе;
- сведения о полиграфологе;
- вопросы, поставленные на его разрешение;
- материалы, предоставленные в распоряжение полиграфолога;
- фамилию, имя, отчество и год рождения обследованного лица;
- сведения об иных лицах, присутствовавших при проведении ПФИ;
- наименование использованных при проведении ПФИ технических средств;
- методики, по которым проводилось тестирование на полиграфе;
- содержание тестов;
- общий ход и результаты ПФИ;
- обоснование и формулировки выводов по поставленным вопросам.

В Заключении также отмечается факт получения письменного согласия обследованного лица на участие в ПФИ.

Если при проведении ПФИ полиграфолог установил обстоятельства, которые имеют значение для дела, но по поводу которых ему не были поставлены вопросы, то он вправе указать на них в своем заключении.

Сведения о поведении обследуемых во время проведения ПФИ, информация, полученная полиграфологом в ходе заключительного собеседования, заявления, сделанные в письменной форме обследуемым, а также иными участниками ПФИ, данные, полученные при использовании иных, не относящихся к ПФИ, методов психологии, прикладной психофизиологии и т.д., которыми профессионально владеет полиграфолог, могут быть представлены в виде приложения к заключению.

В случае проведения ПФИ комиссией специалистов по результатам исследований полиграфологами (при совпадении мнений) составляется единое заключение. При возникновении разногласий каждый из полиграфологов, участвовавших в проведении ПФИ, дает отдельное заключение по вопросам, вызвавшим разногласие.

8. Проведение ПФИ повторно

Если по результатам ПФИ полиграфолог не смог прийти к однозначному трактуемым выводам, или же исследование было прервано по каким-либо причинам, а также при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств, послуживших поводом для проведения ПФИ, в зависимости от ситуации, допускается проведение в отношении того же лица повторного ПФИ, производство которого поручается тому же или другому полиграфологу.

В случае возникновения сомнений в обоснованности или объективности выводов, сделанных полиграфологом по результатам ПФИ, проведение повторного ПФИ по тем же вопросам, что и первое, также возможно, однако производство исследования должно поручаться другому полиграфологу или комиссии специалистов-полиграфологов.

Чтобы повторное ПФИ оказалось, по возможности более результативным, чем первоначально проведенное, полиграфолог должен учитывать следующее:

- повторное ПФИ нельзя проводить в тот же день, что и первое;
- в случае когда оба исследования проводятся одним специалистом, предтестовая беседа сводится к напоминанию обследуемому основные инструкции о том, как надо вести себя во время тестирования, и обсуждению с ним подготовленных тестов, сделав упор на контрольные вопросы (при повторном исследовании целесообразно использование МКВ).

Если при проведении ПФИ повторно снова не удастся прийти к однозначно трактуемым выводам, то проводить дополнительные исследования не рекомендуется.

Повторное ПФИ с обследуемым, подозреваемым в сокрытии интересующей инициатора информации, желательно проводить после аналогичного повторного исследования с обследуемым, в искренности которого не возникает сомнения.

При проведении ПФИ в отношении группы лиц никому из обследуемых не сообщаются его результаты, пока ПФИ в отношении всех лиц, включенных в число обследуемых, не будет полностью завершено. Обычно полиграфолог говорит обследуемому: *«На сегодняшний день наша работа завершена, но я буду еще анализировать полученный материал. Если посчитаю, что его недостаточно для того, чтобы сделать однозначный вывод, мы можем встретиться еще раз»*. Промежуточные результаты также не должны сообщаться инициатору до тех пор, пока все обследуемые не

пройдут тестирование на полиграфе, за исключением случаев, когда появляется объективная возможность сделать однозначный достоверный вывод по результатам ПФИ в отношении конкретного лица, избличенного в умышленном сокрытии интересующей инициатора информации.

9. Выявление противодействия процедуре ПФИ

В качестве противодействия процедуре ПФИ следует рассматривать осознанные, целенаправленные действия, совершаемые обследуемым, умышленно скрывающим интересующую инициатора и полиграфолога информацию, с тем, чтобы исказить естественную динамику своих психофизиологических реакций и в результате избежать разоблачения.

Противодействием нельзя считать спонтанное неадекватное поведение обследуемого, вызванное неправильными действиями и (или) инструкциями полиграфолога, а также сохраняющимся на протяжении тестирования на полиграфе негативным отношением к исследованию, которое в обязательном порядке должно было быть устранено во время предтестовой беседы. К мерам противодействия также не относится особая тактика поведения неискреннего обследуемого, когда он, объясняя наличие выраженных реакций на проверочные вопросы, постоянно делает незначительные признания, затягивая процедуру тестирования, и, в конечном счете, снижая субъективную значимость этих вопросов.

Выявление полиграфологом приемов противодействия, как правило, указывает на факт сокрытия обследуемым (в полном объеме или частично) искомой информации.

Одни приемы противодействия применяются обследуемыми спонтанно, другие - тщательно планируются и даже отрабатываются с помощью специалистов и современных специальных методов и средств. Следует, однако, подчеркнуть, что эффективность тех или иных мер противодействия зависит от многих факторов, в том числе от применяемых в ходе исследования методик, личных психофизиологических качеств обследуемого, квалификации полиграфолога и т.д. В большинстве случаев бдительный полиграфолог, вооруженный необходимыми знаниями и навыками, способен выявить, как минимум, сам факт их применения.

В настоящем пособии, исходя из требований, предъявляемых к профессиональной подготовке специалистов-полиграфологов, общая методика проведения ПФИ, а также методики проведения собственно тестирования на полиграфе, описываются с учетом предположения, что недобросовестные обследуемые могут использовать на практике приемы противодействия, подлежащие преодолению доступными для полиграфолога средства-

ми. Поэтому если в каких-то случаях меры противодействия и будут оставаться необнаруженными, их применение обследуемым, с большей вероятностью, приведет не к ложноотрицательным выводам (к признанию лучшего говорящим правду), а к неопределенному результату ПФИ, что в конечном итоге, потребует проведения дополнительной проверки в отношении обследуемого лица иными методами и средствами.

В зависимости от используемых приемов среди наиболее распространенных способов противодействия можно выделить психические, физические, физиологические, фармакологические.

Психические способы противодействия характеризуются тем, что их применение требует психических действий, которые не могут быть обнаружены при наблюдении со стороны, о характере которых полиграфолог может судить лишь опосредованно. Существует два варианта применения психических приемов противодействия:

- с целью подавления психофизиологических реакций на проверочные вопросы;
- для усиления психофизиологических реакций на контрольные и нейтральные вопросы.

Теоретически наиболее эффективным приемом подавления психофизиологических реакций является так называемое «мысленное отключение», во время которого обследуемый старается полностью игнорировать содержание вопросов и отвечать на них автоматически, переключая свое внимание на какой-то конкретный реальный или вымышленный предмет (именно из-за этого возникает важное требование к помещению, в котором проводится исследование на полиграфе, - отсутствие посторонних предметов в поле зрения обследуемого). Такой прием наиболее опасен, когда полиграфолог пользуется МВСИ, предполагающей одинаковые ответы на все вопросы. В других методиках специально предусматривается чередование вопросов, на которые обследуемый дает то положительные, то отрицательные ответы. Чтобы не ошибиться при ответе, он вынужден уделять внимание задаваемым вопросам, особенно при использовании методик с чередованием проверочных и нейтральных вопросов или «Да-Нет» теста.

Если полиграфолог подозревает, что обследуемый использует именно этот способ противодействия, например, на основании регистрации резкого падения частоты пульса или артериального давления непосредственно перед началом предъявления вопросов и сохранения их на низком уровне на протяжении всего теста, а также по общему отсутствию реакций на полиграмме, то он может осложнить условия для применения такого рода приемов противодействия. Так, согласно МВСИ подготовленные варианты окончаний к вопросам могут предъявляться не в устной, а в письменной

форме или в виде изображений (рисунков, фотографий). При этом полиграфолог дает инструкцию обследуемому вместо ответа «нет» на каждый вопрос вслух повторять предъявляемый вариант окончания (к примеру, называть предмет, изображенный на фотографии).

Другой способ снижения психофизиологической реактивности - так называемый «перенос смысла» вопроса. Обследуемый может пытаться убедить себя в том, что проверочный вопрос в конкретной формулировке к нему не относится. Например, вопрос: *«Вы присвоили деньги из сейфа?»*, он истолковывает следующим образом: *«Конечно, нет! Я не крал денег, я лишь взял то, что мне причитается, так как мне всегда не доплачивали»*. При таком подходе к ситуации ответ обследуемого «нет» на вышеуказанный проверочный вопрос будет для него субъективно выглядеть искренним. Очевидно, что успешность применения данного приема противодействия обследуемым зависит от его способности к самовнушению.

С целью профилактики и преодоления рассматриваемого способа противодействия полиграфолог должен:

- изначально тщательно готовить проверочные вопросы, отбирая из возможных вариантов оптимальные формулировки по критерию однозначности восприятия, не допускающие «переноса смысла»;
- тщательно обсуждать с обследуемым все вопросы по ходу тестирования на полиграфе до тех пор, пока не убедится, что тот правильно понимает их смысл.

Не следует путать преднамеренный «перенос смысла» вопроса как способ противодействия ПФИ с проявлением такого естественного механизма психологической защиты как «рационализация» (типичный пример такой защиты приведен выше), который не может рассматриваться в качестве приема противодействия. «Рационализация» на практике является одной из возможных причин ложноотрицательных выводов.

Психические приемы противодействия, направленные на усиление психофизиологических реакций, предполагают искусственную актуализацию обследуемым кратковременных эмоционально ярко окрашенных образов или мыслей при ответах на вопросы тестов, составленных по МКВ или МВСИ, не являющиеся проверочными.

Очевидно, что этот способ противодействия сложно применять одинаково стабильно и эффективно на протяжении всего тестирования на полиграфе, особенно если оно длится достаточно долго, при этом полиграфолог использует различные методики и методические приемы, поскольку набор «возбуждающих» мыслей и образов может истощиться, а их эмоциональная сила понизиться в результате многочисленных повторений. Тем не

менее, такого рода противодействие достаточно опасно, прежде всего потому, что на практике зачастую бывает сложно выявить (особенно неопытному полиграфологу) сам факт его применения. Если у полиграфолога возникают соответствующие подозрения, он должен перейти к использованию тестов, составленных по МПНВ. Сохранение у обследуемого при этом стабильно сильных реакций на нейтральные вопросы будет являться подтверждением первоначальных подозрений.

Совместное эффективное применение выше описанных психических способов противодействия (на подавление и на усиление психофизиологических реакций) маловероятно, поскольку:

- необходимость дифференцированного самостимулированного реагирования на определенные вопросы требует от обследуемого их внимательного прослушивания, что не позволяет использовать «мысленное отключение»;
- необходимость быстрого и своевременного переключения между двумя по сути противоположными психическими процессами требует от обследуемого чрезмерного напряжения, которое невозможно долго выдерживать и скрывать.

Физические способы противодействия охватывают целенаправленные действия обследуемого, имеющие внешние физические проявления. Чаще всего это сокращение каких-либо групп мышц, которое приводит к появлению реакций, сходных с естественными психофизиологическими реакциями, возникающими при предъявлении вопросов. Как правило, обследуемые выбирают с целью противодействия работу с такими мышцами, сокращение которых с трудом может быть визуально обнаружено полиграфологом: прижатие стоп к полу или бедер к сиденью стула, сгибание пальцев ног в ботинках, сжатие зубов, покусывание языка или прижатие его к нёбу, произвольное изменение характера дыхательных движений и т.п.

Все физические приемы противодействия чрезвычайно «уязвимы» - эффективность их применения зависит от личных данных обследуемого, продолжительности ПФИ, использования полиграфологом специальных датчиков для регистрации движений, а также бдительности, наблюдательности и квалификации специалиста.

Для профилактики использования двигательных (физических) приемов противодействия следует предупредить обследуемого о том, что к его креслу подключен очень чувствительный датчик движений, непосредственно перед тестом проверить степень расслабления рук и ног, а также попросить его, если потребуется, сделать какие-либо естественные движения (например, изменить положение стоп).

В норме дыхательные движения являются единственным из регистрируемых с помощью полиграфа физиологических показателей, который в определенной степени поддается непосредственному волевому контролю без специальной тренировки. Поэтому недобросовестные обследуемые чаще всего выбирают именно искажение дыхания в качестве приема противодействия, используя следующие способы изменения характера дыхания:

1. Регулярное дыхание. Вследствие действия механизмов гомеостатического регулирования этот прием довольно скоро приводит к гипер- или гиповентиляции и появлению задержек дыхания (апноэ) или глубоких вдохов. Одновременно начинают отмечаться относительно устойчивые синхронные изменения частоты пульса и давления крови. Данный способ противодействия достаточно легко выявляется путем сравнения с «нормой» дыхания, зарегистрированной в период настройки полиграфа или в промежутках между тестами.
2. Отдельные глубокие вдохи как после проверочных и контрольных вопросов, так и в любых иных местах по ходу предъявления теста, длительные задержки дыхания или нестабильное, «рваное» дыхание. Этот способ противодействия выявляется также, как и предыдущий. Сохранение описанных признаков в обычном для обследуемого состоянии может служить указанием на наличие патологии в дыхательной системе обследуемого.

Надо подчеркнуть, что выявлению приемов противодействия, связанных с искажением дыхания, способствует одновременное применение двух датчиков дыхания, поскольку произвольные искажения дыхания, как правило, проявляются только по одному каналу (чаще с датчика, расположенного в области груди), слабо изменяя сигнал по второму каналу. При отсутствии противодействия оба сигнала оказываются практически идентичными.

К физическим способам противодействия относится и появление у обследуемого реакций, вызванных болью, искусственно спровоцированной каким-либо образом: нажатием пальцем ноги на острие канцелярской кнопки, проткнутой сквозь подошву ботинка, умышленное раздражение имеющегося пореза кожи, нарыва, ссадины или ушиба, также чаще всего в области стоп и т.п.

Применение этого приема противодействия может быть обнаружено по необычному симптомокомплексу физиологических реакций, вызванных болью, по сравнению с реакциями на другие раздражители, в том числе вопросы теста.

Физиологические способы противодействия предполагают изменение обследуемым своего психофизиологического состояния на продолжи-

тельное время различными (но не фармакологическими) способами, к числу которых относятся: чрезмерная физическая нагрузка непосредственно перед проведением ПФИ, бессонная ночь, длительное голодание и т.д. Хотя все эти воздействия в принципе могут изменить характер психофизиологического реагирования обследуемого во время тестирования на полиграфе, их отрицательное влияние на эффективность исследования в целом маловероятно, так как методология ПФИ построена с учетом возможного воздействия подобных факторов и, в худшем случае, можно ожидать повышение вероятности неопределенного вывода. Выявлению подобного рода мер противодействия может способствовать, если позволяют условия, предшествующее наблюдение за обследуемым, его поведением и сном.

Фармакологический способ противодействия включает употребление обследуемым различных фармакологических препаратов как тормозящего, так и стимулирующего действия, в том числе алкоголя. Как правило, применение данного способа противодействия может быть легко обнаружено по характерным изменениям речи и поведения обследуемого, однако самым надежным средством его выявления является химический анализ образцов его слюны или мочи, забор которых, в случае подозрений, можно сделать по окончании тестирования на полиграфе.

Накопленный научно-практический опыт свидетельствует о том, что данный способ противодействия обычно оказывается неэффективным против большинства методик ПФИ. Однако его потенциальная опасность заключается в том, что он является пассивной формой противодействия, реализуемой обследуемым без каких-либо усилий, которые сами по себе могли бы быть быстро выявлены. Кроме того, использование данного способа может осуществляться на фоне искренней уверенности обследуемого в его эффективности, что изменяет отношение обследуемого к процедуре в целом, снижает чувство страха разоблачения и действительно повышает вероятность неопределенного вывода или ложноотрицательной ошибки. Вместе с тем у большинства обследуемых сам факт употребления фармакологических препаратов является следствием повышенной озабоченности в отношении результатов ПФИ, что делает их более уязвимыми, особенно когда подозревающий применение мер противодействия полиграфолог задает специальным образом подобранные вопросы, направленные на выявление преднамеренного употребления обследуемым фармпрепаратов.

Помимо описанных, на практике встречаются иные способы противодействия со стороны недобросовестных обследуемых, в большинстве своем включающие ряд малообоснованных и даже наивных приемов. К их числу относятся: втирание антидепрессантов в ладони рук, намазывание подмышек, употребление перед тестом 4-5 таблеток аспирина и др.

Единственным существенным негативным моментом, связанным с использованием всех этих приемов, как и в случае применения фармакологического способа противодействия, является то, что они способствуют формированию уверенности у обследуемого в возможности успешного (с точки зрения его интересов) прохождения ПФИ. Однако поскольку эффективность подобных приемов доказана не была, а элементарная медико-биологическая логика указывает на то, что эта эффективность крайне низка, в как таковом самостоятельном выявлении и преодолении подобные приемы не нуждаются.

Подводя итог изложенному, отметим, что в случае обнаружения признаков противодействия со стороны обследуемого полиграфолог должен действовать следующим образом:

- не информировать обследуемого о своих подозрениях сразу и довести до конца предъявление текущего теста с тем, чтобы убедиться в правильности своих подозрений;
- после завершения очередного предъявления теста надо поинтересоваться у обследуемого, не предпринимает ли он каких-либо усилий с целью противодействия полиграфу, и подчеркнуть, что такие действия все равно будут выявлены и будут интерпретироваться явно не в его пользу (после этого полиграфолог должен снова потребовать от обследуемого строгого соблюдения всех инструкций и повторить то предъявление теста, в ходе которого возникли подозрения о противодействии);
- далее, проверяя подозрения относительно использования обследуемым приемов противодействия, из предъявляемых тестов необходимо исключить все контрольные вопросы с тем, чтобы противодействуя, обследуемый был вынужден усиливать свои реакции на нейтральные вопросы, что сравнительно легко выявить.

Если признаки противодействия сохраняются после выполнения выше указанных действий, можно провести тест «молчаливых ответов» или «Да-Нет» тест, которые облегчают выявление мер противодействия, или же перейти к использованию МПНВ и предъявить тест, содержащий следующие вопросы:

«Вы получали от кого-либо подробные сведения о полиграфе?»

«Вы проходили ранее проверку на полиграфе?»

«Вы изучали меры противодействия полиграфу?»

«Вы получали специальную подготовку по мерам противодействия полиграфу?»

«Вы применяли меры противодействия полиграфу в ходе настоящего исследования?»

«Вы собираетесь применять приемы противодействия полиграфу в по-

следующих тестах?»

«Вы принимали фармпрепараты перед сегодняшним тестированием?»

Полиграфолог должен помнить, что после уличения в противодействии недобросовестный обследуемый может «сломаться», утратить интерес к тестированию и практически полностью потерять физиологическую реактивность. В этом случае могут потребоваться дополнительные методы стимулирования активности обследуемого.

10. Привлечение переводчика

Привлечение переводчика к проведению ПФИ крайне нежелательно, однако имеет место в тех случаях, когда речь идет о тестировании лица, с которым полиграфолог не может свободно общаться на одном языке.

Привлечение переводчика:

- осложняет установление необходимого психологического контакта между полиграфологом и обследуемым;
- не позволяет устранить возникающее у обследуемого из-за неточного перевода недопонимание в отношении процедурных моментов и, что особенно опасно, непонимание смысловых нюансов задаваемых вопросов;
- исключает применение, в случае необходимости, целого ряда приемов психологического воздействия;
- дает возможность недобросовестным обследуемым уклоняться от ответов на вопросы полиграфолога, ссылаясь на недопонимание;
- увеличивает продолжительность процедуры в 2 и более раза;
- снижает степень конфиденциальности ПФИ.

К сожалению, даже незначительная негативная реакция обследуемого на сам факт присутствия переводчика или негативное отношение к конкретному лицу, осуществляющему перевод, о которых обследуемые по разным причинам могут умалчивать, способны вызывать появление нежелательных психофизиологических сдвигов в общей картине реакций и приводить к закреплению установки у обследуемого на сокрытие искомой информации.

Учитывая вышеизложенное, в случае привлечения переводчика к проведению ПФИ необходима особенно четкая подготовка всего мероприятия и вопросов тестов. Кроме того, полиграфолог должен предпринимать перечисленные ниже меры по снижению негативного эффекта, обусловленного присутствием переводчика как «третьего лица».

Требования, предъявляемые к переводчику:

- свободное владение языком, знание которого необходимо для об-

щения с обследуемым, и способность обеспечивать точный двусторонний перевод:

- если обследуемый - мужчина, желательно, чтобы переводчик тоже был мужчиной; если обследуемый женщина, переводчик может быть как мужчиной, так и женщиной;
- хорошая информированность (с точки зрения терминологии и по существу) по вопросам, в отношении которых проводится ПФИ;
- надежность с точки зрения необходимости обеспечения безопасности мероприятия и конфиденциальности получаемой информации;
- желательно, чтобы переводчик ранее не был знаком с обследуемым.

Переводчик также должен уметь психологически адаптироваться (подстраиваться) как к обследуемому, так и к полиграфологу. Всем своим видом он должен вызывать доверие и уважение у обследуемого. Хорошо, если по общим признакам внешности и личным качествам переводчик имеет некоторое сходство с полиграфологом.

До начала ПФИ полиграфолог должен:

1. Получить полную информацию о личных данных переводчика (как правило, она предоставляется инициатором).
2. Сообщить переводчику все данные об обследуемом.
3. Разъяснить цели и методические особенности проведения ПФИ.
4. Попросить переводчика перевести подготовленные полиграфологом вопросы письменно сначала с русского на язык перевода, а затем, спустя некоторое время, снова на русский с тем, чтобы убедиться в точности перевода. Если позволяют условия проведения ПФИ, желательно, чтобы обратный перевод сделал иной (посторонний) переводчик.
5. Проинструктировать переводчика о месте его нахождения во время предтестовой беседы, тестирования на полиграфе и заключительного собеседования. Во время предтестовой беседы и заключительного собеседования переводчик садится максимально близко к обоим участникам ПФИ, не мешая им видеть друг друга (обычно сбоку между ними), если они сидят лицом друг к другу, так, чтобы иметь возможность обращаться и к полиграфологу, и к обследуемому, слегка поворачивая голову. Во время тестирования переводчик, в зависимости от ситуации по указанию полиграфолога, может сидеть либо рядом с ним за спиной обследуемого, либо перед обследуемым (во этом случае после озвучивания каждого вопроса переводчик должен опускать взгляд вниз и не смотреть на обследуемого, когда тот отвечает на вопрос).
6. Дать инструкции переводчику как надо вести себя и что перево-

- дить по ходу ПФИ (полиграфолог должен подчеркнуть, что переводчик является его «правой рукой», и что ему принадлежит исключительно важная роль в проведении мероприятия).
7. Особо разъяснить, что переводчику запрещается:
 - а) заниматься по ходу мероприятия посторонними делами (например, читать книгу), отвлекающими внимание обследуемого;
 - б) вести посторонние разговоры с обследуемым, уточнять его биографические данные, задавать собственные вопросы, высказывать личные соображения или иным образом вмешиваться в диалог между полиграфологом и обследуемым;
 - в) делать замечания обследуемому, оказывать на него психологическое воздействие или совершать иные действия, которые могли бы нарушить общий порядок проведения ПФИ.
 8. Отработать с переводчиком систему сигналов для обозначения момента предъявления очередного вопроса, повторения предыдущего вопроса, начала и окончания теста. Переводчик должен четко усвоить, что определение момента и последовательности предъявления вопросов - абсолютная прерогатива полиграфолога.
 9. Проинструктировать переводчика, чтобы тот переводил высказывания полиграфолога и обследуемого дословно, избегая выражений типа *«он хочет знать, что Вы...»*, *«он просит Вам сказать...»* и т.п.
 10. Выбрать (с учетом квалификации переводчика, его личных данных и других факторов) способ перевода - последовательный или синхронный, имея ввиду, что:
 - а) последовательный перевод требует от переводчика хорошей памяти и внимания, делает его участие в беседе более заметным и в меньшей степени способствует поддержанию психологического контакта между обследуемым и полиграфологом; в то же время такой перевод более точен, что особенно важно в случае общения на языке с отличной от русского лингвистической структурой;
 - б) синхронный перевод (хотя и повышает вероятность ошибок, особенно при работе со сложными языками) позволяет хорошему переводчику более точно передавать оттенки высказываний, что способствует улучшению контакта между полиграфологом и обследуемым; не отвлекает внимания последнего от диалога с полиграфологом, так как продолжительные паузы при таком переводе отсутствуют; не дает возможности недобросовестному обследуемому в паузах «дорабатывать» свою легенду.

Непосредственно на начальном этапе проведения ПФИ полиграфо-

лог представляет переводчика обследуемому, разъясняет ему функции переводчика во время исследования и просит избегать в процессе общения с полиграфологом через переводчика фраз типа *«скажите ему, что...»* или *«мне бы хотелось, чтобы Вы ему сказали...»* и т.п. Обследуемый должен разговаривать с полиграфологом так, будто переводчика нет и общение осуществляется лично.

Полиграфолог обращается к обследуемому напрямую, глядя в глаза, с тем, чтобы контролировать его внимание. Вопросы следует задавать медленно и четко, используя естественный, правильный язык, стараясь не употреблять редкие слова, жаргонизмы и специальные термины. Полиграфолог задает вопросы непосредственно обследуемому, не обращаясь к переводчику. Обследуемый, отвечая, также должен обращаться к полиграфологу. Переводчик выполняет техническую роль посредника в передаче информации. Если обследуемый и переводчик начинают активно обсуждать что-то, полиграфолог должен немедленно прервать их дискуссию.

Переводчик переводит вопросы и высказывания полиграфолога максимально точно, ровным голосом, с учетом интонационных нюансов, используемых полиграфологом. Ответы обследуемого он должен переводить буквально, без комментариев типа *«мне кажется, что он лжет»*.

Основные методические указания полиграфолога, которые переводит переводчик, должны повторяться обследуемым вслух и снова переводиться переводчиком на русский язык, чтобы полиграфолог мог убедиться в том, что инструкции восприняты и поняты обследуемым правильно.

При последовательном переводе переводчик должен начинать перевод только после завершения полиграфологом или обследуемым высказываемой мысли. Этому правила особенно тщательно надо придерживаться при беседе с многословными обследуемыми.

В процессе ПФИ полиграфолог (хотя именно он несет полную ответственность за качество проведения исследования) не должен делать замечаний переводчику, критиковать его или иным способом подрывать его престиж в глазах обследуемого. Необходимая критика должна высказываться только в отсутствие обследуемого.

Ведение аудио- или видеозаписи в случае привлечения переводчика к проведению ПФИ обязательно. Переводчик должен принимать участие в обработке аудио-, видеозаписей с целью устранения возможных неточностей, допущенных при переводе по ходу ПФИ, и более детальной оценки лингвистических особенностей высказываний обследуемого. Отдельные фрагменты фонограмм впоследствии могут передаваться для прослушивания другим переводчикам (как правило, более высокой квалификации).

Заключение

Содержащиеся в настоящем пособии требования и рекомендации к порядку проведения ПФИ в целом охватывают все этапы его организации и производства с учетом необходимости решения проблем, чаще всего возникающих при использовании полиграфа на практике.

Конечно, далеко не все детали и профессиональные нюансы работы полиграфолога нашли свое отражение в пособии, потому как при его подготовке ставились задачи не только по обобщению учебного материала для лиц, осваивающих новый вид профессиональной деятельности, но в первую очередь - задачи унификации требований к проведению ПФИ независимо от того, кем и на каком основании оно было инициировано.

Приложение 1.

Чтобы представить, насколько сложно бывает профессионально организовать и провести расследование конкретного преступления, далее приводится детективный рассказ «Тело на лестнице», написанный известным американским психофизиологом, автором изложенной выше «Методики выявления скрываемой информации» Дэвидом Ликкеным.

Тело на лестнице

(Поучительная детективная история)

*Вам станет все понятно,
когда вы дослушаете до конца.*

Эркюль Пуаро

* * *

Взгромоздившись на утесы и нависая над Большим озером, Дулут мог бы быть красивым городом, но его основатели имели более приземленные идеи. Деньги были вложены в судоходство, в пароходы, которые везли железную руду и зерно на восток и возвращались назад, груженные углем, станками и тяжелой техникой. Город был отделен от холодной, синей воды лабиринтом доков и сортировочных станций, складов и дымящих фабрик. Магнаты и управляющие выстроили на востоке города ряд особняков с фасадами, направленными к тогда еще не загрязненному озеру. Наиболее импозантные из этих больших домов почти не были видны с Лондонской дороги - широкой, затененной аллеи, которая дальше к востоку превращалась в шоссе Северного побережья. Все эти дома были отделены от постоянной дорожной суеты большими коваными воротами и неприкосновенными экзотическими вечнозелеными насаждениями.

Корродированная морской солью автомашина «Вега», принадлежавшая Мэрион Рорчек, в понедельник утром, мигая боковыми сигналами, свернула из раннего транспортного потока и остановилась перед самыми красивыми воротами. Миссис Рорчек в тяжелом кардигане, защищавшем ее от весеннего бриза, несущего холод от озера, сделала несколько шагов прежде, чем вставить ключ в блок управления, расположенный на левой стойке ворот. Тяжелые ворота раскрылись. После еще одной остановки уже для того, чтобы закрыть ворота, миссис Рорчек проехала по извилистой дороге примерно 200 футов и припарковалась у бокового входа в дом. Здесь уже стояла еще одна скромная машина - среднего возраста «Форд» с лобовым стеклом, слегка подернутым росой. Сара Хэнсон, ночная сиделка, конечно же еще не уехала. Миссис Рорчек всегда считала обязательным приезжать на несколько минут раньше, чтобы Сара могла покинуть дом точно в 7.00. Огромный Кадиллак хозяйки дома, стоящий в гараже, не использовался уже много месяцев. Старая миссис Хэйверсток, раздражительная дама, прикованная болезнью к постели, никуда не выезжала.

Подойдя к боковому входу, миссис Рорчек была немного удивлена,

не увидев Сару у открытой двери, которая всякий раз была рада поприветствовать свою замену и выпить вместе с ней по маленькой чашечке кофе, прежде чем вернуться в свой маленький домик в западной части города, где у нее уже были планы поработать утром в саду. Ухоженная земля, мощные молодые растения, ожидание богатого урожая - все это было важным для миссис Хэнсон, после того как два года тому назад умер ее муж, и она начала работать ночной сиделкой у старой женщины. Казалось, что Миссис Хэйверсток, вообще никогда не спала. Бывало она впадала в состояние дремоты на некоторое время, иногда примерно на час, однако потом внезапно просыпалась, не понимая, где она находится или кто такая Сара, и ее нужно было долго успокаивать, крепко обнимая. Затем бывало несколько походов в ванную, обязательно с помощью сиделки, и, по меньшей мере, одна смена постельного белья. Когда миссис Хэнсон приступала к исполнению своих обязанностей в одиннадцать вечера, женщины из других смен поначалу немного завидовали ей, поскольку ей не надо было готовить еду, выполнять различные мелкие поручения или следить за уборкой в доме. Но теперь, после почти двух лет, всем стало понятно, что миссис Хэнсон зарабатывает свои деньги тяжелым ночным трудом, имея лишь незначительный отдых утром.

Мэрион Рорчек открыла дверь своим ключом и вошла в дом. Помимо гудения большого холодильника на кухне справа от входа, в доме было тихо. Дверь, через которую она вошла, вела в восьмиугольную комнату для завтраков в восточной части дома. Это было прекрасное светлое помещение для пребывания в утренние часы, так как четыре его окна, отделанные дубом, выходили на юг и восток. У стены, расположенной напротив выхода во внутренний дворик, стоял огромный шкаф, полностью заполненный красочным китайским фарфором, необычно оттененным скошенными стеклами в дверцах, подвешенных на медных петлях. Слева, в центре угловой стены была резная дубовая дверь, которая вела в главную столовую. Стол в центре комнаты имел шесть, вместо восьми, сторон, и это несоответствие углов вместе с ярким ситцем обивки стульев смягчало строгость обстановки и делало комнату привлекательной. Миссис Рорчек завтракала за этим столом почти каждый день. Как обычно, она ожидала увидеть на столе три травяных салфетки, кофейник, поднос с горячими булочками в центре, маленькие чашки и тарелки, сервированные напротив двух стульев, обращенных к окнам. Но стол был пуст. Повернув направо, миссис Рорчек открыла оклеенную обоями дверь в кухню, чтобы посмотреть, что могло задержать Сару.

Кухня была пуста, и даже холодильник молчал. Не было приятного аромата варящегося кофе, крышка кофеварки, полная холодных остатков использованного кофе лежала в раковине. Кофейная кружка, являвшаяся

нижней частью кофеварки, отсутствовала. Возможно, она была наверху, где миссис Хэнсон обычно поддерживала себя кофе в предрассветные часы. Расстегивая на ходу теплый жакет, миссис Рорчек стала подниматься по кухонной лестнице наверх. Наверно у миссис Хэйверсток возникли какие-то проблемы, или, скорее всего, она их снова выдумала, поскольку если бы дело действительно приняло серьезный оборот, то миссис Рорчек ожидала бы увидеть перед домом Бьюик, принадлежащий доктору, или карету скорой помощи. Конечно, они могли быть в пути именно сейчас. Поэтому она поспешила наверх по крутым ступенькам и открыла дверь на лестничную площадку, где кухонный лестничный марш незаметно соединялся с главной лестницей, изгибающаяся нижняя часть которой, исчезая из поля зрения, уходила по кривой вниз в главный холл дома.

В центре лестничной площадки, площадью приблизительно 10 квадратных футов, на темно-синем ковре лежала опрокинутая кофейная кружка, окруженная отвратительным коричневым пятном уже почти засохшего кофе. Присутствие предмета из нержавеющей стали и пластика в столь необычной обстановке приковало внимание миссис Рорчек, и она почувствовала легкое движение в области затылка, вызванное сокращением сотен мышечных волокон волосяных мешочков. Все еще глядя на кружку, она странно тихим голосом позвала: «Сара?». Переведя взгляд направо, она осмотрела пустой нижний марш лестницы. Потом, как бы усилием воли, она повернула одновременно голову и тело влево и увидела смотрящую на нее Сару. Да, лежащую на лестнице и смотрящую на нее. По крайней мере, казалось, что один частично открытый глаз смотрит на нее через плечо. Другой глаз, левый, был залит кровью, кровью, которая окрасила синий ковер в фиолетово-коричневый цвет на ступеньке, где лежала голова Сары, и еще на одной ступеньке ниже. Миссис Рорчек начала медленно двигаться назад, пока ее плечи не уперлись в сходящиеся стены в углу лестничной площадки, затем она прошептала: «Помогите!». Люди не часто кричат, когда они одни. Крики хороши тогда, когда кто-то может услышать вас и прийти на помощь. Когда же человек оказывается один, горло оказывается скованным и препятствует крику, который мог бы усилиться эхом в пустом помещении и вызывать только панику, если не хуже. А миссис Рорчек, уставившись в мертвую щель глаза Сары Хэнсон, понимала, что она была одна, точнее, она надеялась, что была одна, в этом большом доме в то утро в понедельник.

Сделав несколько неуверенных шагов в сторону, слегка повернув голову, чтобы посмотреть, куда она идет, миссис Рорчек почти сбегала вниз по главной лестнице, хватаясь за перила. Затем, миновав холл и столовую, она оказалась в комнате для завтрака, куда уже заходила раньше, открыла дверь во внутренний дворик и остановилась. Чувствуя напряжение во всех

мышцах, миссис Рорчек глубоко втянула холодный воздух, затем снова повернула назад и, закрыв дверь в столовую, бросилась к маленькому письменному столу у окна и подняла телефонную трубку. Несколько мгновений она безмолвно глядела на ряды кнопок на телефонном аппарате, затем нажала «0» и испугано замерла, косясь назад, чтобы держать в поле зрения обе ведущие внутрь дома двери.

- Оператор? Оператор, соедините меня с полицией. Чрезвычайное обстоятельство!

Патрульная группа № 17 только что проехала мимо дома 2040 по Лондонскому шоссе, когда по радио поступило сообщение диспетчера, и минуты через две-три их машина с включенным красным сигналом уже подъезжала к воротам дома Хэйверстоков. Выйдя из оцепенения при виде полиции, миссис Рорчек бросилась к находящейся рядом с дверью кнопке открывания ворот, а затем выскочила на дорогу встречать полицейских. Уже полностью владея собой, она назвала свое имя и коротко объяснила ситуацию.

- Вы можете показать нам место происшествия?

Мэрион Рорчек вошла в дом вместе с двумя высокими патрульными полицейскими, провела их через столовую и дальше вверх по лестнице. Тело Сары Хэнсон выглядело теперь совсем иначе и вызывало, скорее, чувство печали, чем холодного ужаса, который охватил миссис Рорчек всего лишь несколько минут назад. Патрульный полицейский Эдстром наклонился и осторожно поднял руку Сары, лежащую около бедра. Она была холодной с признаками окоченения. Ее щека, которой он коснулся тыльной стороной руки, также была холодной. Тело было мертвым. Эдстром выпрямился.

- Где, Вы сказали, находится старая леди, мадам?

- Ее комната наверху справа.

- О'кей, мы пойдем посмотрим. Старайтесь не касаться перил или чего-либо еще.

Лестница была широкой, так что даже неестественно распростертое тело Сары оставляло полных два фута не испачканного ковра с правой стороны. Все трое, следуя друг за другом, поднялись в большую спальню, площадью около 24 квадратных футов. Ее южная и восточная стены, образованные большей частью широкими окнами, были светлы даже за опущенными шторами. Кровать миссис Хэйверсток стояла у западной стены, и по обе стороны от ее изголовья были расположены две двери, ведущие в ванные комнаты. Одна из них, расположенная дальше от входа, когда-то предназначалась для мужа, но уже много лет не использовалась. В ближней ванной горел свет, освещавший ряд темных точек размером с монету – это были пятна крови на кафельном полу. Одно из пятен было размазано.

как будто на него наступили ботинком. Однако взгляд всех троих, едва они вошли в комнату, был прикован к кровати. Правая нога, выглядывавшая из-под одеяла, была голой, тонкой и белой. Видно было, что это нога пожилого человека. Аккуратно подстриженные ногти казались желтыми на фоне бледного тела. Из-под одеяла также выглядывала рука, обрамленная белыми кружевами ночной сорочки, пухлая старая рука, которая лежала ладонью кверху, отблескивая кольцами на среднем и безымянном пальцах. Кольцо на среднем пальце, частично скрытое повернутой кверху ладонью, представляло собой старомодную россыпь бриллиантов с большим прекрасным рубином в центре. Лицо было закрыто подушкой.

Офицер Эдстром подошел к кровати и, взявшись за складку наволочки большим и указательным пальцами правой руки, осторожно сдвинул подушку в сторону. Самой пугающей деталью на ее лице был рот, пока присутствующие не сообразили, что пожилая женщина пользовалась зубными протезами, и что верхний протез выскользнул изо рта и слегка торчал наружу. Левый глаз был широко открыт и смотрел в потолок; правое веко было опущено, почти закрыто. Потрогав холодную щеку, Эдстром положил подушку на прежнее место.

- Позвони в участок, Марв. Используй тот телефон, по которому звонила леди. Скажи им, что, похоже, мы имеем дело с двойным убийством. Пусть отменяют вызов машины скорой помощи.

Однако, когда миссис Рорчек и патрульный Марвин Свэйлайн спустились по длинной лестнице, сирена скорой помощи уже известила о своем прибытии. Свэйлайн вышел наружу, чтобы поприветствовать водителя и санитаров.

- Вы нам не понадобятся, Эдди. У нас тут два трупа. Выглядит как убийство. Старая леди и ее ночная сиделка.

- Хочешь, чтобы мы взглянули, Марв?.

- Лучше не надо. Они действительно мертвы, уже коченеют. А лейтенант считает, что на месте убийства не должно быть лишних свидетелей. Я должен сейчас доложить. Всего хорошего.

После звонка офицер Свэйлайн в сопровождении миссис Рорчек сделал осторожный обход первого этажа. Они внимательно следили за тем, куда ставили ноги, и Свэйлайн брался за ручки дверей, используя свой носовой платок. Единственный предмет, на который они обратили внимание, был ореховый письменный стол в библиотеке. Три его выдвижных ящика были открытыми и несколько бумаг, внешне похожие на счета, которые обычно находились в кожаной папке на столе, были разбросаны по полу. В это же время офицер Эдстром делал аналогичной обход по второму этажу. Скрытно он держал свой служебный револьвер наготове. За пять лет работы в департаменте полиции Уиллард Эдстром видел не так уж много жертв

убийства и он был взволнован гораздо больше, чем мог это признать.

Еще одна сирена оповестила о прибытии детектива лейтенанта Джорджа Кэтлина. Диспетчер полицейского участка застал его дома за завтраком, и лейтенант попросил вызвать также на место происшествия сержанта Поулса. Кэтлин имел вид типичного агента ФБР - подтянутый, темноволосый, в аккуратном темно-синем блейзере, голубой в полоску рубашке с темным галстуком. Ему было около 30 лет. Кэтлин окончил университет штата Миннесота, главный кампус которого находился в Миннеаполисе, а филиал - в Дулуте, и специализировался в вопросах уголовного права. Во время последних двух лет учебы он уже работал в университетской полиции, зона ответственности которой по масштабам могла сравниться с городом с населением более 60000 человек, что расценивалось большинством остальных полицейских штата как служба в элитном корпусе, который, с другой стороны, ряд ветеранов полиции Сэнт-Пола и Миннеаполиса считали сборищем переученных выскочек. После получения диплома Кэтлин проработал в департаменте полиции университета еще четыре года, прошел за это время несколько курсов в ФБР и уделял большую часть своего времени работе в отлично оснащенной лаборатории, использовавшейся для обеспечения дознаний с применением полиграфа, которая была самым лучшим подразделением этого плана среди пяти соседних штатов. Когда мэр Дулута принял решение повысить уровень профессионализма городского департамента полиции, Кэтлин, будучи уроженцем этого города, согласился перейти на работу в местную полицию сначала в должности сержанта-детектива, а теперь, спустя пять лет, стал руководителем отдела уголовного розыска. Сержант Поулс, высокий, грузный и быстро лысеющий, выглядел старше Кэтлина, хотя ему было всего 27 лет. Арни Поулс, выпускник филиала университета в Дулуте, был дружелюбным, разговорчивым парнем, гораздо умнее, чем казалось со стороны, и являлся своего рода протееже Кэтлина.

Оба детектива вышли из машины Кэтлина и разговаривали с офицером Свэйлайном во внутреннем дворике, когда к ним присоединился офицер Эдстром. Миссис Рорчек, продолжая страдать от шока прошедшего получаса, опустилась на скамейку из калифорнийского дерева на другом конце внутреннего дворика, где она могла чувствовать солнце. Через некоторое время к ней подошел Кэтлин, представил себя, своего напарника и попросил миссис Рорчек оставаться на месте с офицером Свэйлайном, пока они осмотрят все внутри. Затем Кэтлин и Поулс в сопровождении Эдстрома проследовали в дом. Они осмотрели тела мертвых женщин, обратили внимание на пустую шкатулку для ювелирных украшений, лежащую на боку на туалетном столике миссис Хэйверсток (Эдстром не заметил ее, но не считал необходимым привлекать внимание к этому факту) и продолжили

осмотр второго этажа, где Эдстром также ничего не обнаружил. Они начали подниматься на третий этаж, но, не дойдя до верха лестницы. Кэтлин вдруг остановился и поднял руку. На деревянном полу перед ними лежал ровный, совершенно не тронутый слой пыли, подсвечиваемый косыми лучами утреннего солнца. На первом этаже они вновь обнаружили разбросанные бумаги в библиотеке, кофейную гущу в раковине на кухне и сломанную центральную задвижку на французском окне на террасе в западной части дома. Медные шпингалеты, верхний и нижний, были на месте, но ни один из них не был заперт. Было похоже, что двери были открыты ударом ноги с внешней стороны – об этом говорили следы грязи от подошвы ботинка на белой краске – и простенькая центральная задвижка легко оторвалась, отщепив от двери небольшой кусочек дерева. Двери, похоже, были снова закрыты изнутри, после того как взломщик вошел внутрь дома.

Осмотр большого подвала - игровой комнаты в форме буквы "Г" с баром и бильярдным столом, прачечной и котельной, нескольких кладовок и гаража оказались безрезультатными. Поулс нашел выключатель, который со скрежетом поднял огромную дверь гаража, и они вновь присоединились к миссис Рорчек во внутреннем дворике. Она, тем временем, полностью пришла в себя и была в состоянии дать Кэтлину точный и полный отчет о своих переживаниях этим утром. По его просьбе она также сообщила кое-какие сведения о жизни и облике миссис Хэйверсток.

50 лет назад, когда Мисс Хэйверсток стала невестой уже немолодого топ-менеджера горно-промышленной компании, все надеялись, что она принесет ему наследников, которых не смогла дать его умершая первая жена. Однако эта вторая женитьба также оказалась бесплодной, и через 10 лет Хэйверсток умер, так и не дождавшись потомства. Его вдова (в тот период уже на исходе четвертого десятка лет), в отличие от своего умершего мужа, совершенно не настаивала на том, чтобы ребенок был обязательно мужского пола или ее собственный. Поэтому Виктория Хэйверсток удочерила девочку, здоровенькую и красивую, как куколка, и дала ей красивое имя Мери Белл. Она баловала свою новую игрушку, делала ей всевозможные поблажки и дарила подарки, которые её состояние позволяло купить. Мери Белл Хэйверсток, теперь уже Гарнет-Микаелсон-Планкет, в свои 43 года, была замужем третий раз и с помощью своих первых двух мужей произвела на свет четырех внуков, каждый из которых за 24 года обошелся Виктории почти по полмиллиона долларов. Генри и Патрисия Гарнет - 24-х и 22-х лет соответственно, выглядели так же хорошо, как их отец, и были эгоцентричны и своенравны, как их мать.

Эрик и Ганс Микаелсон были наследниками от второго брака. Эрик, 19 лет, подобно своему отцу, по натуре был интриган, но не обладал его шармом; Ганс, 17 лет, был очень скрытным, и никто никогда не мог узнать

его секреты.

Джон Мартин Планкет, третий и теперешний зять Виктории, не был ни аристократичным красавцем, подобно Гарнету, ни энергичным и космополитичным, как Микаелсон. Несмотря на недостатки двух первых мужей, все же можно уверенно утверждать, что браки с ними были для Мери Белл скорее удачными. Со своей стороны Планкет был совсем обычным парнем - беззаботным, наслаждался жизнью, не имел глубоких интересов и высоких принципов. Мери Белл, похоже, было в целом комфортно с Планкетом, хотя она и не испытывала полного удовлетворения от этого брака. Надо сказать, Мери Белл по существу никогда не была всем довольна. Она знала, что заслуживала чего-то особого в жизни, поскольку Виктория постоянно воспитывала в ней мысль, что *она* является чем-то особенным, однако это «что-то особенное» почему-то всегда ускользало от нее. Планкет не был ответом на ее проблему, но, видимо, мужчина вообще не являлся решением ее загадки.

Конечно, все эти сведения лейтенант Кэтлин получил не только от миссис Рорчек тем утром. От нее он узнал имена и примерный возраст, а потом с помощью справочников - адреса и номера телефонов. Младший Микаелсон, Ганс, посещал подготовительные курсы в Миннеаполисе. Эрик учился в университете и, как новичок, с большим неудовольствием проживал в студенческом общежитии. Он настаивал на получении отдельных апартаментов на следующий год. Пэт Гарнет жила в Нью-Йорк Сити, «изучая искусства». Генри Гарнет вел жизнь холостяка в Миннеаполисе. Его мать и Джон Планкет также имели особняк в Миннеаполисе, и, кроме того, шикарнейший летний дом на Северном берегу в 20-ти милях вверх по озеру от того места, где жила Миссис Хэйверсток, и экстравагантную виллу в Пуэрто Пеньяска, на озере Кортеса. Со слов миссис Рорчек, в последнее время они находились в Миннеаполисе. Кэтлин позвонил в участок и вызвал судмедэксперта, полицейского фотографа и двух специалистов по снятию отпечатков пальцев. Он также освободил на все утро Эдстрома и Свэйлайна от обычных обязанностей по несению патрульной службы, поскольку они могли быть полезными. Эдстром был отправлен к въездным воротам, а офицер Свэйлайн - к противоположной стороне дома так, чтобы оба полицейских могли вести наблюдение за всей территорией. Затем Кэтлин позвонил мистеру Рорчек, который работал на местной лесопилке, и после длительных объяснений убедил его на время оставить работу, чтобы забрать свою жену и отвезти ее домой. Когда Рорчек прибыл, Кэтлин собрал всех присутствующих в комнате для завтрака.

- Господа, как вы понимаете, это серьезное дело, и я хотел бы с самого начала обеспечить необычно высокий уровень секретности, пока мы не разберемся в нем. Миссис Рорчек, я, конечно, не могу рассчиты-

вать, что вы ничего не расскажете мужу о пережитом Вами сегодня утром, но я хочу попросить вас обоих дать мне клятвенное честное слово, что вы не будете обсуждать это событие ни с кем: ни с репортерами, ни с вашими родственниками, ни с вашими друзьями. Вы пришли сюда как обычно на работу, обнаружили двух женщин **убитыми из огнестрельного оружия** и сообщили в полицию. Вы не должны говорить ничего больше до того, как дело будет передано в суд. Согласны?

- А они обе были застрелены, лейтенант? - переспросила миссис Рорчек, - Именно так это произошло?

- Да. Именно таким образом это пока выглядит для нас, но мы будем знать наверняка, когда сюда прибудет медицинский эксперт.

- Зачем вся эта секретность, лейтенант? - спросил мистер Рорчек, - Что происходит?

- Позвольте мне это Вам объяснить, мистер Рорчек, потому что я хотел бы быть полностью уверенным, что вы осознаете причины моих требований и не считаете, что я просто стараюсь повысить свою значимость. Тот, кто убил этих двух женщин, знает в деталях то, что случилось здесь прошедшей ночью. Он знает, что он делал в этом доме, где он оставил тела, как они выглядели, когда он оставил их здесь. Если бы он вошел в дом прямо сейчас, то не увидел бы ничего, чтобы могло бы удивить его – все соответствовало бы тем впечатлениям, которые остались у него в памяти, когда он покинул дом прошедшей ночью, и это должны быть достаточно яркие впечатления. К счастью у нас есть метод, своего рода вариант детектора лжи, который позволяет определять, какие впечатления сохранились в памяти человека. Это означает, что когда мы найдем подозреваемого в этом деле, мы сможем выявить, знает ли он о том, что случилось в доме, узнает ли он, как выглядела обстановка в момент преступления, сможет ли он определить разницу между правдой и искаженными вариантами событий, которые мы ему приготовим. Если он не сможет определить разницу между правдой и вымыслом, наш прибор покажет это, и мы будем знать, что этот человек не виновен. Если он будет узнавать истинные факты, то аппарат сообщит нам об этом, и мы будем знать, что у нас в руках нужный нам человек. Но это сработает только тогда, когда мы будем на 100% уверены, что занятые этим делом полицейские и вы двое, а также и убийца – являетесь единственными лицами, кто знает о том, что здесь случилось. Я понимаю, это будет трудно, я также знаю, это может быть самое страшное переживание в жизни, через которое Вам, миссис Рорчек, пришлось пройти, и поэтому очень трудно не обсуждать такое с людьми, которые будут осаждать вас вопросами. Но я также хорошо знаю, что

малейшая утечка информации к своему другу, соседу или к коллеге на работе может оказаться тем ручейком, который снесет плотину. Итак, сделаете ли вы то, о чем я вас прошу?

Подобное разъяснение очевидно произвело на Рорчеков должное впечатление, они пообещали сохранять секретность и ушли. Кэтлин позвал Эдстрома и Свэйлайна и стал давать обоим полицейским дополнительные разъяснения.

- **Итак, вы знаете, что на обоих телах нет никаких огнестрельных ранений, хотя я еще не до конца уверен относительно сиделки. Однако в любом случае для информирования публики с этого момента и впредь фактом должно являться, что они обе были застрелены. Для расследования этого дела мы планируем применить «Тест на Знания Виновного», и я сдеру кожу и бляху с каждого офицера, который проболтает своей жене, или матери, или друзьям что-нибудь о том, что он видел в этом доме. Если появится хотя бы одно упоминание в прессе о том, что тело сиделки обнаружено на лестнице или что богатая старуха была задушена в своей постели, я немедленно приостановлю расследование этого дела до тех пор, пока не найду болтуна и не устрою ему адскую жизнь. Понятно? А сейчас я хочу, чтобы вы оставались на своих постах, пока не закончат снятие отпечатков пальцев, и затем мы вместе осмотрим весь дом еще раз сверху донизу.**

Затем Кэтлин склонился к сержанту Поулсу.

- Арни, это выглядит как подходящее дело для применения «Теста на Знание Виновного». Мы пустим слух, что обе женщины были застрелены, и если это сработает, у нас будет возможность использовать способ убийства для составления двух вопросов. Затем мы можем использовать информацию о том, где были найдены тела, какая на них была одежда. Мы также можем получить пару ключевых признаков, связанных с этим кофейником. И, послушай, Арни, давай сфотографируем эти тела в разных положениях. Вон как раз идет Билли Уистер. Поручи ему сделать несколько снимков, пока судебные медики не двигали тела, а потом мы расположим их в четырех-пяти разных положениях и сделаем еще снимки.

- О'кей. Джордж. Как насчет того, чтобы поговорить с соседями и с семьей этой сиделки? И не осмотреть ли нам досконально весь дом? Этот бандит все еще может скрываться где-нибудь под кроватью.

Кэтлин улыбнулся.

- Ты думаешь, Арни, что я не смогу использовать мой ТЗВ, если мы сначала не схватим подозреваемого? О'кей, сержант, ты прав. Давай, займись соседями, а я поработаю с Билли.

Билли Уистер, полицейский фотограф, и два специалиста по снятию

отпечатков пальцев проследовали за лейтенантом Кэтлином в дом. Отправив дактилоскопистов на первый этаж, Кэтлин помог Уистеру поднести его оборудование к лестнице. Опрокинутый кофейник на лестничной площадке был сфотографирован сверху, как его мог бы видеть человек, находящийся вблизи тела сиделки Хэнсон. Тело миссис Хэнсон также было сфотографировано как с нижних ступеней лестницы, так и с лестничной площадки. В комнате хозяйки были сфотографированы кровать так, как она была видна от входа; подушка, все еще находившаяся на лице старой женщины; лицо убитой, как оно виделось бы стоящему над телом человеку; пятна крови на полу ванной комнаты. Был сфотографирован туалетный столик с пустой шкатулкой для украшений, а также и, очевидно, обысканный письменный стол, и разбросанные кругом бумаги. Веранда и французское окно были сфотографированы снаружи и изнутри с закрытыми и открытыми дверями.

Когда судмедэксперт ушел, у Кэтлина на руках появились следующие факты и предположения: обе женщины, по-видимому, умерли между двенадцатью и двумя часами ночи. Сара Хэнсон получила сильный удар сзади, скорее всего, острым предметом, который проломил ее череп в левой затылочно-теменной области. Она также получила сильный удар в левое плечо, вероятно до нанесения фатальной раны на голове. Этот удар был также сильным, поскольку привел к перелому ключицы. Вид повреждения плеча указывал на то, что это могли быть узкая труба или прут. Важно было то, что этот предмет отличался от того, которым был пробит череп, или же это могли быть разные части одного и того же предмета. Специалисты уже изучали каминные инструменты из кованого железа, которые были найдены аккуратно сложенными рядом с камином в спальне. Виктория Хэйверсток, вероятнее всего, была задушена подушкой, хотя аутопсия должна была еще исключить остановку сердца или кровоизлияние в мозг, причиной которых могли стать страх и стресс. С некоторым нежеланием судмедэксперт согласился на время поддержать предложенную Кэтлиным публичную версию о том, что «первичные признаки свидетельствуют о наступлении смерти обеих жертв от огнестрельных ран». Однако он предупредил, что после аутопсии он не сможет больше участвовать в сознательном искажении сведений, и самое большое, на что он сможет пойти, так это на то, чтобы заявить, что результаты экспертизы были изъяты «по требованию полиции».

Специалисты по отпечаткам пальцев закончили свою работу с довольно пессимистичным результатом. Им удалось собрать лишь незначительное количество отпечатков, хотя было много размазанных следов на письменном столе, на перилах лестницы, на ручке кочерги, что свидетельствовало об использовании перчаток. С открытым неудовольствием оба

специалиста отнесли к просьбе Кэтлина помочь переместить тела для получения дополнительных фотографий. Тело Миссис Хэнсон было сначала положено таким образом, что голова была обращена книзу лестницы, после чего было сфотографировано как сверху, так и снизу. Кофейник был убран со своего первоначального места в центре лестничной площадки, а тело сиделки было перемещено таким образом, будто она получила удар, находясь на последней ступеньке над лестничной площадкой, и затем упала вперед. Четвертое положение тела наводило на мысль о том, что она получила удар в тот момент, когда она как раз начала спускаться по нижнему маршу лестницы, а поэтому упала назад на лестничную площадку. Еще две фотографии тела были сделаны на самой нижней, поворачивающей в сторону части лестницы, в положениях, при которых голова была направлена вверх и вниз. Затем вся эта жуткая активность переместилась в спальню. Тело старой женщины было сначала сфотографировано в двух различных, но правдоподобных положениях на кровати, а затем в трех положениях на полу. **Целью всей этой работы было получить шесть снимков каждого тела так, чтобы одна из шести фотографий точно отражала бы ту картину, которая должна была почти наверняка запечатлеться в памяти убийцы. А для невинного подозреваемого, не имевшего тех же впечатлений, которые получил убийца, все пять положений каждого трупа воспринимались бы как одинаково возможные, так и одинаково ужасные.**

Наконец, после всех этих неприятных действий, тела Виктории Хэйверсток и Сары Хэнсон были отправлены в морг. Сержант Поулс, вернувшийся после безрезультатных визитов к соседям, был несколько ошеломлен, поскольку никогда раньше не был внутри такого огромного дома, как дом Хэйверстоков. Он продолжал ощущать гложущее его беспокойство в отношении того, что незваный ночной гость все еще может прятаться в доме; это, конечно, было маловероятно, но он все же испытывал неловкость от того, что они целенаправленно не искали его. Тем не менее, Поулс и два дактилоскописта продолжали методично обследовать весь дом от подвала до крыши. Однако, как это часто случается в полицейской работе, у них не было никаких интересных находок.

Кэтлин и фотограф внимательно рассматривали кофейник.

- Он должен был заметить, что сиделка несла его в руках, когда он ударил ее по голове. И еще он должен был увидеть кофейник, когда спускался по лестнице.
- Откуда вы знаете, что она несла его? Может быть, она швырнула вещь в парня, когда слышала, что он спускается по лестнице.
- Нет, медэксперт говорит, что он ударил ее сзади, вероятно на верхних ступеньках, когда она шла вниз, может на шестой или седьмой ступень-

ке. Я думаю, он использовал вот эту кочергу с острым краем, а затем смыл след от крови в ванной. Он сломал ей сначала левое плечо, кофейник полетел вперед. Она, похоже, повернулась кругом налево, вот так, и в этот момент он ударил ее по голове. Она упала на спину. Я вот думаю, не был ли он левшой? Судмедэксперт, наверное, нам сообщит по результатам своей экспертизы, наносил ли он удар слева направо. Я думаю, Билли, этот парень был кем-то из тех, кого они знали. Сиделка впускает его внутрь; он поднимается вверх поговорить со старой леди; сиделка забирает кофейник и направляется вниз в кухню; может быть, он переворачивает кочергой дрова в камине, когда она выходит из комнаты; он следует за ней и бьет ее по голове. Если бы он проник в дом со взломом, прокрался наверх и ждал, когда сиделка выйдет из спальни, то он должен был бы сначала стремительно вбежать в комнату, схватить кочергу и затем также стремительно выбежать, пока она не ушла далеко. Но откуда он мог знать, что в спальне есть кочерга? Кроме того, старая леди наверняка закричала бы, увидев его, и он не смог бы подкрасться к сиделке сзади? Нет, Билли, я думаю, это кто-то из друзей или родственников.

Это выглядело действительно правдоподобным, что миссис Хэнсон именно несла кофейник, когда она получила удар сзади; остатки кофе в кофейнике были бы разбрызганы гораздо шире, если бы он был брошен с силой. **Что еще могла бы нести ночная сиделка из комнаты больной? Какой другой предмет мог бы казаться достоверным невинному подозреваемому, то есть человеку, чью память не сверлила бы ясная картина именно этого кофейника из нержавеющей стали, лежащего на лестничной площадке? Кэтлин и Билли Уистер нашли на кухонном столе сложенную вечернюю газету. Стоя посредине лестничного пролета, Кэтлин бросил газету вниз, и она упала слегка смятой и частично развернутой на середине лестничной площадки, прикрыв кофейное пятно. Затем Билли сфотографировал газету в тех же ракурсах, как он фотографировал кофейник. В ванной комнате они нашли почти пустую бутылку с минеральным маслом. Вылив остаток в туалет, положили бутылку на то место, где до этого лежали кофейник и газета, и сфотографировали ее; сиделка вполне могла бы нести бутылку с лекарством. Следующей была пара журналов из спальни. Затем, становясь все более изобретательными, они бросили на пол площадки поднос с тарелкой, чашкой и блюдцем. Последней была ваза с цветами, найденная в комнате для завтрака, цветы разбросали по лестничной площадке и тоже сделали снимок.**

После этого Уистер продолжил фотографировать обстановку в доме в более общем плане, запечатляя виды, которые ночной посети-

тель обязательно видел бы на своем пути вверх по лестнице. Если предположение Кэтлина было верным, и убийца действительно посещал дом раньше, то тогда эти снимки останутся не использованными. Но если они будут иметь дело с подозреваемым, который утверждает, что он не видел дома и никогда не был внутри, то тогда эти снимки можно было бы использовать для его проверки. Для этого они найдут снимки внутренних интерьеров других больших домов Дулута и посмотрят, будет ли подозреваемый реагировать избирательно на снимки дома Хэйверстоков. В библиотеке Поулс собрал разбросанные бумаги.

- Билли, нам надо подготовить вопрос на основе вида этой комнаты. Что-то типа: Как выглядела библиотека после того, как убийца поработал в ней? Сначала давай сделаем снимок от входа в библиотеку, когда она будет полностью прибранной. Затем сфотографируем ее с этим опрокинутым креслом, еще один снимок со свернутым на полу ковром и давай посмотрим, что здесь можно придумать еще?

- Как насчет груды книг на полу, как будто он искал что-то в книгах или за книгами?

- О'кей, - сказал Поулс. - И посмотри-ка сюда, Билли, приятель. Клянусь, здесь за картиной в стене есть сейф. Я никогда прежде не видел такого. Давай-ка пригласим ребят попудрить его, а затем сделаем снимок сейфа с открытой дверкой. Должно быть, кто-то знает комбинацию кода.

Между тем Кэтлин просматривал выдвижные ящики комода миссис Хэйверсток. В момент убийства на ней была ночная сорочка с длинными рукавами, кружевными манжетами и яркой голубой лентой вокруг ворота. Как Кэтлин и предполагал, у богатой леди был большой ассортимент ночных рубашек, и он выбрал из них пять, которые не были похожими друг на друга и на ту, что была на теле убитой. Ладони убийцы наверняка должны вспотеть, когда он снова увидит эту голубую ленту и кружевные манжеты, выдавая то, что он узнает одну из этих шести рубашек.

Когда Поулс с помощниками завершил обследование дома, Кэтлин еще раз произнес Уистеру и двум дактилоскопистам свою речь о безопасности и сохранении в тайне известной им информации и отослал по своим лабораториям. Настало время начать устанавливать контакты с ближайшими родственниками. Это работа никогда не была легкой, но проще всего было начать с Сары Хэнсон. По словам миссис Рорчек, Сара была вдовой, и теперь жила со своим братом, в свое время работавшим моряком на Больших озерах, который, как полагала миссис Рорчек, в последнее время стал дряхлеть и, возможно, начал пить. Оставив двух полицейских в форме на посту в усадьбе Хэйверсток, Кэтлин и Поулс отправились в дом Хэнсонов на западной стороне. Когда они позвонили в дверь,

им никто не ответил, после чего они воспользовались медным дверным молотком. Наконец из открытого окна над ними хриплый пьяный голос спросил: «Что вам нужно?».

Уильям Фостер, 57-летний брат Сары был действительно очень пьян. Его стошнило на пол спальни, и густое зловоние в холле на втором этаже однозначно указывало на присутствие можжевельника и джина. Фостер не помнил, где он был прошедшей ночью, и, похоже, не мог понять, что они пытались сообщить ему о его сестре. Он был то агрессивным, то внезапно отключался. Кэтлин принял решение включить его в число подозреваемых. У него возникла идея тщательно допросить Фостера, пока его сознание все еще было затуманено алкоголем, но, уже доставив его в тюрьму, стало ясно, что в ближайшие несколько часов у них не будет реальных возможностей допросить Фостера.

Используя разные телефоны, Кэтлин и Поулс начали разыскивать родственников Миссис Хэйверсток: Планкетов, Микаельсонов и Гарнетов. Служанка в доме Планкетов в Миннеаполисе сказала, что Мери Белл и Джон вчера (в воскресенье) отправились в Мехико. Эрик и Ганс были найдены в своих школах, оба были очень взволнованы, услышав о событиях в Дулуте, и ни один из них не знал о планах матери отправиться в Мехико, хотя ни тот, ни другой не были удивлены этим. Квартира Генри Гарнета в Миннеаполисе не отвечала, однако, когда Поулс позвонил в дом на Северном побережье, то после пятого звонка ему наконец ответили. Это был Гарнет. Он был там с пятницы с друзьями, в том числе, с женщинами. После того, как Поулс сообщил ему новость о смерти бабушки, на другом конце провода возникла длинная пауза.

- Мне очень жаль, инспектор (инспектор - подумал Поулс - или он хочет выглядеть умным, или же слишком много читает английские детективные романы). если необходимо, я к Вашим услугам - продолжил Гарнет.
- Мы хотели бы поговорить с вами сегодня, мистер Гарнет. Лейтенант и я могли бы быть у вас примерно через полчаса. Вы не возражаете?

На другом конце провода опять возникла длинная пауза.

- Да, это подойдет. Я буду ждать вас - ответил Гарнет и повесил трубку.
- Мне кажется, Вам будет интересно посмотреть на него, лейтенант - объяснил Поулс Кэтлину - он назвал меня Инспектором. Может быть, Вас он назовет Шефом полиции.

Миссис Хэйверсток отдала дом на побережье своей приемной дочери Мери Белл во время ее первого замужества. Это было одно из немногих мест на всем Северном побережье, где имелась естественная защита для небольшого лодочного причала, представлявшая собой скалистый выступ, который закрывал вход в маленькую песчаную пещеру. Сам дом был выстроен из бревен норвежской сосны, все соединения которых были тща-

тельно подогнаны. Большой камин находился в конце центрального зала, высотой в два этажа, со сводчатым потолком, и тысяче-долларовыми окнами двойного остекления, которые смотрели на озеро. В пещере покачивался хорошо оснащенный шлюп, в котором могли спать четверо, а в доке была пришвартована круизная яхта с высоко расположенным капитанским мостиком. Большое озеро было слишком холодным для купания; а поэтому развлечения необходимо было искать на берегу. Кэтлин вдруг почувствовал, что ему **будет трудно относиться с симпатией** к любому, кто живет в таком месте, за которое он отдал бы свою душу и душу Арни в придачу, чтобы иметь такое же. Но как выяснилось, он мог бы невзлюбить Генри Гарнета и без этого. Двадцатичетырехлетний красавец был гладок и самоуверен. Он был одет в бархатный жакет и плавки, и у него был слишком хороший загар для начала весны. Он правильно уловил должности посетителей – лейтенант и сержант – и после этого обращался исключительно к Кэтлину. Пока они разговаривали, Пуулс вышел на открытую веранду, где трое приятелей Гарнета, также в пляжных костюмах, с нескрываемым интересом наблюдали за его приближением.

- У нас здесь вчера вечером был ужин, лейтенант - говорил Гарнет - потом мы какое-то время играли в триктрак, немного слушали музыку и рано пошли спать. Мне кажется, мы все были в постелях еще до полуночи.

Пуулс выяснил, что мужчина и одна из двух женщин посещали этот дом на побережье и раньше.

- Генри часто выезжает в город провести время со своими друзьями из Дулуга, когда бывает здесь, сержант - сказала самодостаточная маленькая блондинка - он отсутствовал некоторое время в предыдущий уикенд, но не в этот раз. Мы провели целый день на озере и чертовски устали. Я думаю, Генри пошел бай-бай около одиннадцати.

Только ко вторнику Кэтлин нашел и опросил сменщицу, которая заменяла Мэрион Рорчек в выходные дни. Это была Эдит Гармоли, медсестра предпенсионного возраста. От миссис Гармоли он узнал, что Генри Гарнет действительно навестил свою больную бабушку поздним субботним вечером, но неделей раньше, просто явившись около 11.30 вечера. Так как он никогда раньше не наносил визиты своей бабушке подобным образом, и уж тем более в середине ночи, обе женщины - Сара Хэнсон и старая миссис Хэйверсток - были настолько сильно удивлены его приходом, что рассказали об этом миссис Гармоли на следующее утро. И к тому же Генри Гарнет был левшой. Это Кэтлин выяснил, когда попросил его записать свой адрес и номер телефона в Миннеаполисе в записной книжке. Медэксперт пока еще не был уверен, что сиделка Хэнсон была убита ударом левши, но это выглядело достоверным. Приятели Гарнета не могли точно знать, не покидал ли он их в воскресный вечер: они спали. Как и его

сестра Пэт, Гарнет стал бы наследником миллиона долларов после смерти Виктории Хэйверсток. Аналогичная сумма должна была быть ему передана в доверительное управления как опекуну двух его младших сводных братьев до тех пор, пока они не достигнут совершеннолетия. Итак, Кэтлин и Поулс имели своего второго подозреваемого.

Брат Сары Хэнсон, их первый подозреваемый, находился в сильно подавленном настроении, когда, наконец, проснулся в своей тюремной камере. Уильям Фостер утверждал, что он «немного выпил» прошедшим вечером и еще до полуночи пошел спать. Завсегдатаи трех обычно посещаемых им дешевых забегаловок вспомнили, что видели его накануне вечером, льющим в одиночестве, менее разговорчивым, чем обычно, хотя он и был известен как постоянно досаждавший всем человек с непредсказуемым поведением. Никто не помнил, чтобы он забрал с собой бутылку, да и винные магазины по воскресеньям закрываются в Дулуте в 8 часов вечера. Фостер обычно пил пиво или дешевый разливной виски. Сара Хэнсон вообще не пила. Однако пустая бутылка, обнаруженная в комнате Фостера, была из-под Бомбейского Джина, весьма дорогого напитка. В хорошо оснащенном баре в доме Хэйверстоков имелись три нераспечатанные бутылки Бомбейского Джина. Соседка Сары Хэнсон, миссис Прохаска, была совершенно уверена, что слышала, как «этот пьяница» возвращался домой далеко за полночь, ругаясь и создавая много шума, как он всегда это делает. С ее слов, было бы удивительным, если бы этот бездельник не отправился к месту работы сестры, чтобы потребовать у бедной Сары еще спиртного или денег или даже ограбить дом. «Он становился дьяволом, когда пил, а пил он все время!» - рассказывала миссис Прохаска, у которой была только единственная претензия к Саре Хэнсон, заключающаяся в том, что Сара никогда по настоящему не рассказала ей о своих страданиях от этого отвратительного пьяного брата. Посещал ли Фостер дом Хэйверстоков поздно вечером в то воскресенье, чтобы достать деньги или спиртное? Не он ли проломил сестре голову в приступе гнева и затем, чтобы убрать свидетеля, задушил старую женщину?

Когда Фостера в первый раз привели в офис Кэтлина, он выглядел поникшим и, сидя на стуле, смотрел в пол.

- У меня плохие новости, Фостер - сказал Кэтлин - речь идет о твоей сестре, Саре - слезящиеся и постоянно мигающие глаза поднялись вверх - боюсь, что она мертва.

Моргнув еще раз, Фостер глубоко вздохнул, а затем его взгляд снова устремился в пол. Он сидел тихо, безразлично, но мигание стало более частым, а глаза еще больше повлажнели. Никакой другой видимой реакции на новость о том, что его сестра и миссис Хэйверсток убиты, не было. Не поднял он глаз и тогда, когда Кэтлин спросил о его передвижениях про-

шедшим вечером. Его ответы были короткими, едва слышимыми, их разделяли длинные паузы.

- Где ты достал джин, Фостер? Я имею ввиду ту бутылку джина, которую ты распил прошедшим вечером. Откуда она появилась?
- Нашел ее дома - Фостер, казалось, пытается заставить работать свою память - она была там дома, на столе. Должно быть, ее принесла Сара.
- Сара пила джин? - спросил Кэтлин. Последовала длинная пауза.
- Нет, Сара ничего не пила - Фостер посмотрел озадаченно - она просто стояла на столе.

Кэтлин зачитал Фостеру его права, включая поправку Миранды, разъясняющую, что он может отказаться отвечать на вопросы и что он имеет право на то, чтобы его представлял адвокат. Затем он сказал:

- Послушай, Фостер, не выходил ли ты вечером в воскресенье повидать свою сестру в доме Хэйверстоков?
- Нет, зачем мне это? Я вообще там никогда не был.
- Ты никогда не был внутри дома? Даже не входил в ворота?
- Нет, зачем мне это нужно? - Фостер поднял на мгновение глаза, как бы стараясь показать, что не понимает смысл этих вопросов - я достаточно вижу с Сарой дома.

Кэтлин наклонился вперед, опираясь локтями на колени.

- Послушай, Фостер, убиты две женщины, а ты не можешь ответить, где находился вечером в воскресенье. Я имею в виду, что у нас нет возможности проверить, что ты действительно пришел домой, как ты говоришь, и все время оставался там. И ты не можешь объяснить, откуда эта бутылка джина. Это дорогой напиток, Фостер. А в доме у Хэйверстоков есть такой джин. Ты его явно не покупал. И Сара его не покупала, не так ли? Сара когда-нибудь покупала тебе дорогую выпивку?

Влажные и измученные глаза поднялись и снова опустились. Фостер покачал головой.

- Она стояла на столе - пробормотал он - я спал, потом спустился вниз, и она стояла на столе. В передней комнате.

Кэтлин вспомнил планировку коттеджа Хэнсонов. Впереди закрытая веранда, зимние штормовые ставни еще не заменены на летние экраны. дверь, открывающаяся в маленькую жилую комнату, старый библиотечный стол, приставленный к стене, с телевизором и несколько фотографий в рамках, узкая лестница у правой стены со стороны входа.

- Бутылка была там, когда ты пришел домой?
- Нет, я не видел ее.
- Хорошо, когда ты увидел ее? Ты сказал, что был наверху. спал. Почему ты сошел вниз?

Кэтлин продолжал давить на него. Фостер уставился в пол, будто

пытался смотреть сквозь доски.

- Я спустился вниз. Проснулся по какой-то причине, от какого-то шума внизу. Я спустился, чтобы посмотреть. Потом я увидел бутылку на столе.

Кэтлин откинулся назад на своем стуле и смотрел на этого апатичного, беспомощного и отверженного человека.

- Ты согласишься пройти тест на полиграфе, Фостер? Если ты не можешь объяснить, каким образом эта бутылка оказалась на столе, мы должны будем арестовать тебя как подозреваемого в убийстве. Возможно, если мы проведем тест на полиграфе, то мы проясним этот вопрос. Что скажешь?

Фостер снова поднял покрасневшие, влажные глаза.

- Пожалуйста, мне все равно. Может это Сара принесла бутылку домой? Она была на столе.

Эта беседа проходила во вторник утром. Фостер вернулся в свою камеру, уже зная, что тест на полиграфе будет проводиться на следующий день. Билли Уистер увеличил фотографии, сделанные в понедельник на месте преступления, и принес их Кэтлину поздним утром во вторник. В присутствии сержанта Поулса Кэтлин перебрал пачку фотографий, выбрал снимок игровой комнаты в подвале, на котором в глубине был виден бар, а также снимок библиотеки, сделанный после того, как разбросанные бумаги были помещены в папку на письменном столе, и внешний вид закрытого французского окна. Лейтенант вручил отобранные фотографии сержанту Поулсу.

- Арни, отправляйтесь вместе с Билли по округе и посмотрите, сможете ли вы найти пятерых соседей здесь на Лондонском шоссе, чтобы они позволили вам сделать несколько снимков в своих домах. Я хочу получить фото пяти задних дверей, пяти комнат, подобных этой библиотеке, и пяти помещений, сопоставимых с этой игровой комнатой. Я думаю, подойдут бары, или кабинеты со спиртными напитками, и они не обязательно должны быть в подвале.

Около 3 часов пополудни Кэтлин и Поулс закончили работу над подготовкой Тест на Знания Виновного, который планировали провести в отношении Уильяма Фостера в среду утром. Кэтлин вызвал сержанта Риди, который должен был выполнять в этом деле функции оператора полиграфа, и они встретились внизу в кабинете для проведения опросов. Риди намеренно держали в стороне от расследования дела Миссис Хэйверсток, чтобы он был осведомлен о деталях дела не больше, чем мог знать о нем любой местный житель. Стандартная процедура, к которой обычно прибегал Кэтлин, заключалась в том, что он поручал следователям готовить вопросы, которые должны быть использованы в Тесте на

Знания Виновного, а затем предъявлял эти вопросы какому-либо третьему детективу, который, подобно Риди, не был знаком с фактами дела и, следовательно, мог служить в качестве заведомо невиновного подозреваемого.

Если результаты теста однозначно не идентифицируют Риди как не располагающего Знаниями виновного, то это будет означать, что один или несколько вопросов теста должны быть переработаны. Если же в ходе подобного пробного прогона теста, Риди не выделял своими реакциями ключевые признаки, т.е. конкретные варианты ответов на вопросы или фотографии, прямо относящиеся к материалам дела, то впоследствии Риди мог сам предъявлять этот тест подозреваемому. Таким образом, подобная процедура, с одной стороны, проверяет качество подготовленного теста, а, с другой - обеспечивает, чтобы Риди неумышленно не выдал правильные ключевые признаки какой-нибудь особенностью своего поведения или голоса.

Оборудованная в подвале полицейского участка, комната для проведения опросов на полиграфе имела четыре глухих кирпичных стены, чтобы полностью исключить посторонние шумы. На полу лежал толстый ковер, а потолок и верхняя половина стен были покрыты специальной акустической плиткой. В смежной комнате располагался полиграф и специализированный высококачественный магнитограф для записи всех регистрируемых физиологических сигналов. Этот магнитограф являлся страховкой от потери существенных данных в результате утраты или повреждения полиграмм; полная картина вопросов и ответов испытуемого, как и его физиологических реакций всегда могла быть полностью восстановлена. В комплект оборудования также входил стандартный стереофонический магнитофон. Он был соединен с двумя микрофонами, подвешенными к потолку в комнате для опросов, один из которых был направлен на обследуемого, а другой - в глубину комнаты, где располагался оператор полиграфа. **Когда проводился опрос подозреваемого в преступлении, этот магнитофон был включен в течение всего времени, пока подозреваемый находился в комнате.** Таким образом, обеспечивалась полная аудиозапись как собственно опроса на полиграфе, так и всех разговоров, предшествовавших тестированию и следовавших за ним.

В одну из стен помещения для опросов, расположенную напротив обследуемого, был вмонтирован большой прямоугольный аквариум, в котором плавало несколько тропических рыб. Помимо того, что этот аквариум притягивал внимание и взгляд обследуемого лица, сидевшего на расстоянии двух метров от него, он также выполнял функции одностороннего зеркала, через которое обследуемый и вся процедура тестирования могли наблюдаться оператором полиграфа, а также адвокатами обследуемого или

другими заинтересованными лицами. После того как Поулс укрепил вокруг груди и живота два датчика, предназначенных для регистрации дыхания. Риди сел на обитый мягкой тканью стул с большими подлокотниками. Используя маленькие клейкие бумажные диски, Поулс укрепил электроды на кончиках указательного и безымянного пальцев левой руки. **Вторая пара электродов** была укреплена таким же образом на правой руке. Миниатюрный фотоплетизмографический датчик, используемый для регистрации сердечного ритма и амплитуды пульса, был зафиксирован на среднем пальце правой руки Риди. Так, подключенный к инструменту и хорошо знакомый с содержанием процедуры, Риди спокойно сидел в кресле, положив руки на мягких подлокотниках. Поулс вышел в соседнюю комнату, чтобы начать работу с полиграфом.

- Начинаем запись - объявил Кэтлин - проводится проверка Теста на Знание Виновного, подготовленного для Уильяма Фостера. Сегодня вторник, 26 мая 1978 года. Время 16 часов 45 минут. В качестве испытуемого для проверки теста привлекается сержант Фред Риди из департамента полиции по уголовным делам. Используемый Тест на Знания Виновного подготовлен сержантом Арни Поулсом и мною, лейтенантом Джорджем Кэтлиным.

- О'кей, Фред, мы откалибровали полиграф, и начинаем тест. Были ли Вы когда-либо внутри дома или видел ли когда-нибудь либо задний вход в дом Хэйверстоков на Лондонском шоссе?

- Нет - ответил Риди.

Кэтлин продолжал.

- Хорошо. Сейчас я покажу Вам шесть фотографий, пронумерованных по порядку от 1 до 6, которые показывают задний вход шести разных домов, в том числе, дома Хэйверстоков. Если Вы действительно никогда не видели обращенную к озеру сторону дома Хэйверстоков, Вы не узнаете, какой из этих шести снимков показывает действительно заднюю дверь их дома. С другой стороны, если Вы раньше видели этот задний вход, то Вы сразу узнаете его на одном из снимков. Я буду показывать Вам фотографии последовательно, одну за другой. Пожалуйста, сидите спокойно, не двигайтесь и внимательно смотрите на снимок, пока я держу его перед Вашими глазами. Как только я покажу Вам снимок, пожалуйста, назовите вслух номер, написанный на нем в левом верхнем углу. Просто назовите номер и продолжайте смотреть на снимок. Понятно? Начинаем. На каком снимке изображен задний вход в дом Хэйверстоков? Это снимок номер один? - Кэтлин предъявил первую фотографию так, чтобы Риди хорошо видел ее.

- Номер один - ответил Риди, глядя на снимок.

Примерно через пятнадцать секунд неяркий красный свет, загоревшийся на стене позади тестируемого, известил Кэтлина о том, что Поулс видит на полиграфе нормальное состояние сигналов и можно предьявлять следующую фотографию. Кэтлин положил первый снимок лицевой стороной на стол и показал сержанту Риди следующую фотографию.

- Это номер 2? - спросил Кэтлин.
- Номер 2 - ответил Риди.

Аналогичным образом процесс продолжался далее примерно с 15-секундными интервалами между предьявляемыми фотографиями. Затем Кэтлин взял другой набор фотографий.

- Теперь, Фред, я покажу Вам снимки комнат каждого из этих шести домов. Если Вы имеете отношение к расследуемому делу, то узнаете, на каком именно снимке изображена комната в доме Хэйверстоков. Начали. Какая фотография показывает комнату в доме Хэйверстоков? Это фото номер 1?
- Номер 1 - ответил сержант Риди.

На специальном планшете за спиной Риди, был укреплен перечень Тестов на Знание Виновного, который составили Кэтлин и Поулс. Тесты выглядели следующим образом.

Тесты на Знания виновного.

Проверяемый: *Уильям Фостер.* Дело: *Хэнсон Хэйверсток убийство*

Тест 1. На какой фотографии показан задний вход в дом Хэйверстоков?
(шесть фотографий)

Тест 2. На какой фотографии показана комната в доме Хэйверстоков?
(шесть фотографий)

Тест 3. На какой фотографии показан застекленный шкаф со спиртными напитками в доме Хэйверстоков?
(шесть фотографий)

Тест 4. Где было найдено тело Сары Хэнсон?
1) в подвале? 2) в ванной? 3) на лестнице?
4) на кухне? 5) на софе? 6) в спальне?

Тест 5. Как была одета Сара Хэнсон, когда она была убита? На ней был:
1) розовый халат? 2) белый халат медсестры?
3) темный свитер и брюки? 4) зеленый свитер и юбка?
5) коричневая юбка и жакет? 6) желтая блузка и брюки?

Тест 6. Где находились зубные протезы миссис Хэйверсток, после того как она была убита? Они были:

- 1) в прихожей? 2) в ванной?
3) у нее во рту? 4) на прикроватном столике?
5) на полу около кровати? 6) на туалетном столике в ванной?

Тест 7. Какая ночная рубашка была на Миссис Хэйверсток?
(шесть предметов)

Тест 8. Как выглядело тело сиделки, когда его обнаружили?
(шесть фотографий)

Тест 9. Что было в руках у Сары Хэнсон, когда на нее напали? Что она уронила, когда она падала? Это была:

- 1) газета? 2) несколько журналов? 3) ваза с цветами?
4) поднос с посудой? 5) бутылка с лекарством? 6) кофейник?

Тест 10. Как выглядело тело старой леди, когда его обнаружили?
(шесть фотографий)

Тест 11. Каким предметом был нанесен удар Саре Хэнсон? Это был:

- 1) деревянный стул? 2) дубинка?
3) длинная труба? 4) каминный инструмент?
5) бейсбольная бита? 6) медная настольная лампа?

Тест 12. Какого типа кофейник был обнаружен на лестничной площадке?
Как он выглядел?

(шесть предметов)

Независимо от того, были ли используемые альтернативы к ключевым признакам фотографиям, вербальными описаниями или конкретными предметами, как, например, набор из шести различных кофейников, каждый из которых имел большую бирку с номером от одного до шести, Кэтлин всегда начинал вопрос со слов: «Это был...?» Что бы он ни спрашивал, проверяемый никогда не отвечал собственно на вопрос, а просто повторял последние одно или два слова вопроса.

- Фред, если ты совершил это убийство, то должен знать, где ты оставил тело сиделки. Итак, где было найдено тело Сары Хэнсон. Это было в подвале?

Фред флегматично повторил за ним:

- В подвале.

На первом месте в ряду предъявляемых альтернатив ключевому признаку всегда располагается неверный вариант ответа, поскольку люди склонны реагировать более сильно на первый стимул в любой серии. Если все остальные альтернативные варианты, расположенные в тесте под номерами от двух до шести, среди которых находится и ключевой признак, правильно подобраны, то все они должны казаться одинаково правдоподобными для невиновного проверяемого, кото-

рый, таким образом, будет иметь один шанс из пяти дать наибольшую психофизиологическую реакцию на интересующий стимул. Это означает, что за исключением первого стимула, ответы на остальные четыре неверных альтернативных варианта должны давать оценку того, как сильно обследуемый будет реагировать на ключевой признак, если он не знает, какой из предложенных стимулов является истинным. В то же время обследуемый, обладающий знанием виновного, должен был узнать этот истинный признак, и это узнавание будет порождать кратковременную психофизиологическую реакцию по типу "ориентировочного рефлекса", которая и будет зарегистрирована полиграфом.

Уверенно и без спешки Кэтлин проработал все двенадцать тестов менее чем за 25 минут. Затем, после небольшого перерыва, он повторил тесты еще раз. Теперь тесты шли в том же порядке, как и в предыдущий раз, с теми же стимулами на первых позициях, но все остальные альтернативные варианты, включая ключевые признаки, были расположены в другой последовательности. Около 18 часов вся работа была завершена. Сержант Риди был отправлен домой, а Поулс и Кэтлин сели обсчитывать тест. Две пачки сложенной гармошкой полиграфной ленты содержали физиологическую информацию, записанную 7 перьями полиграфа. Две верхние кривые показывали динамику сигнала дыхание в области груди и живота, чуть ниже был записан сигнал, отражавший состояние пульса и объема кровенаполнения в пальце. Четвертый канал отражал динамику частоты сердечных сокращений, которая выделялась из сигнала плетизмографического датчика с помощью электронного устройства, называемого **кардиотахометром**. Следующие два канала несли информацию об изменении электропроводимости, **измеряемой на левой и правой руке**. Наконец, самый нижний канал содержал маркерные отметки, показывавшие моменты начала и окончания предъявления вопросов и соответствующих ответов обследуемого. Все вопросы были пронумерованы на ленте фломастером. Кэтлин и Поулс взяли каждый по пачке полиграфной ленты и для каждого вопроса начали выяснять стимулы, которые вызвали наибольшую электрокожную реакцию отдельно для каждой руки. Реакции на первый стимул всегда исключались из оценки. Ключевой признак считался обнаруженным только тогда, когда соответствующий ему стимул вызывал очевидную наибольшую реакцию на обеих руках на фоне остальных четырех оцениваемых альтернативных вариантов.

- У меня выделяются ключевые вопросы в тестах номер 3 и номер 7 - сказал Кэтлин, который обрабатывал полиграмму первого блока тестов.
- А у меня он попался только в тесте номер 12 - ответил Поулс, завершив анализ полиграммы второго блока.
- О'кей, давай сравним оба блока тест за тестом - сказал Кэтлин и, взяв

свою записную книжку, в которую он занес результаты первого прогона, начал последовательно зачитывать так, чтобы Поулс имел возможность сравнивать их со своими записями.

Оказалось, что только в случае теста номер 10, включавшего шесть фотографии тела миссис Хэйверсток в разных положениях, ни одна из которых не вызвала положительных эмоций, Риди выдал наибольшую электрокожную реакцию на обеих руках на один и тот же альтернативный стимул, не совпадавший с правильным ключевым признаком.

Кэтлин еще раз просмотрел на полиграмме реакции на стимулы теста номер 10.

- Я думаю, здесь все в порядке, Арни. Его наибольшие реакции были на стимул номер 2, но они лишь слегка были больше остальных реакций. Я не думаю, что здесь какие-то проблемы с этим снимком. Если Фостер видел то тело, как оно лежало в действительности, я думаю, он обязательно среагирует на соответствующую фотографию.

Но во время тестирования на следующее утро Фостер выдал наибольшие реакции только на ключевой признак в тесте номер 5. Он не знал, как была одета его сестра, когда она уходила на работу в тот воскресный вечер, но он точно знал, что Сара никогда не носила специальной униформы сиделки. И когда Риди зачитал шестой альтернативный вариант: «Были ли это желтая блузка и брюки?», последовала длительная пауза, прежде чем Фостер смог пробормотать: «Желтая», и два пера, регистрировавшие электрическую реакцию кожи, взметнулись вверх. Он также сильно реагировал на снимки тела своей сестры, однако реакции на истинное его положение были не больше, чем на другие, полученные путем искусственных перемещений.

- Я думаю, он просто вспомнил, что у Сары была какая-то желтая одежда, Арни. Судя по всему, Фостер не наш клиент. Но все же он может продолжать врать о бутылке из-под джина. Пока он у нас на полиграфе, я попробую вытянуть из него кое-что об этом.

Вернувшись в комнату, где находился обследуемый, Кэтлин сказал Фостеру:

- Вы прошли тест. Мы верим, что Вы никогда не приходили в дом Хэйверстоков, так что вам не надо больше беспокоиться по этому поводу. Скоро мы отпустим Вас, но сначала нам необходимо выяснить, откуда все-таки появилась эта бутылка. Если Вы расскажете мне об этом, то можете идти домой.

Фостер не показал никакой видимой реакции на эту новость, выражение его лица было по-прежнему апатичное. В соседней комнате перья полиграфа зарегистрировали незначительную активность, которая затем снова утихла.

- Я ничего не знаю об этой проклятой бутылке. Может быть, купил ее когда-то, а может быть Сара принести ее домой - Фостер говорил очень тихо, как обычно, глядя в пол, так что Кэтлин даже засомневался, уловят ли микрофоны эти слова. Затем его глаза внезапно вспыхнули, как будто туман развеялся на мгновение.
- Может быть, ее прислали по ошибке или что-то в этом роде, когда я спал наверху. Она вдруг оказалась там на столе. Мне кажется, я увидел бы ее, если бы она была там раньше - состояние подавленности вновь овладело этим человеком, и он еле слышимо произнес - можете спросить соседей или кого-нибудь еще. Может быть, кто-то приходил, пока я спал. Я не знаю.

Кэтлин продолжал что-то записывать на своем планшете.

- Хорошо, послушайте, Фостер. Сейчас мы намереваемся провести обычную проверку на детекторе лжи. Я задам Вам несколько вопросов, а Вы просто сидите тихо и отвечайте на каждый вопрос «Да» или «Нет». Вы меня поняли? Отвечать надо только «Да» или «Нет», а наша машина в другой комнате будет показывать, говорите ли Вы правду или нет. Вы меня поняли?
- Да - ответил Фостер – о'кей.

Встав за спиной проверяемого, Кэтлин произнес официальным тоном: «Проводится Тест с Контрольными Вопросами в отношении Уильяма Фостера. Среда, 27 мая 1978 года. Тест проводит лейтенант Кэтлин. Время 10 часов 20 минут. Итак, Фостер, начинаем тест. Сидите спокойно, внимательно слушайте мои вопросы, а затем отвечайте на них однозначно «Да» или «Нет». Начали».

- Ваше имя Уильям Фостер?»
- Да - ответил Фостер, прочищая горло и двигаясь на стуле.
- Старайтесь сидеть спокойно, Фостер. Сегодня среда?
- Да.
- Вы покупали когда-нибудь бутылку Бомбейского джина?
- Нет.

Кэтлин делал 10-15-секундные паузы между вопросами, чтобы дать время реакциям успокоиться прежде, чем задавать следующий вопрос.

- Являетесь ли Вы человеком, которого люди называют пьяницей?

Последовала пауза, затем Фостер пробормотал:

- О'кей.

Спокойным тоном Кэтлин напомнил ему, что надо отвечать только «Да» или «Нет».

- В отношении вечера прошедшего воскресенья. Были ли Вы пьяны в этот вечер?
- Да.

- В период до начала прошлой недели брали ли Вы спиртное, которое Вам не принадлежало, и не платили за него?
- Нет - каждый раз Фостер делал паузы в несколько секунд, прежде чем ответить, как будто старался что-то вспомнить.
- В отношении вечера прошедшего воскресенья, знаете ли Вы точно, откуда появился этот джин и кто принес его в дом?
- Нет.
- Вы когда-нибудь дрались со своей сестрой, Сарой, когда-нибудь спорили с ней?
- Да, иногда.
- Вы знаете точно, что Сара выносила вещи из дома Хэйверстоков, чтобы передать их Вам?
- Нет.
- Вы рассказали мне все, что Вы знаете об этой бутылке джина?
- Да.
- Вы знаете, кто убил Вашу сестру?
- Нет.
- Хорошо, Фостер, Вы можете расслабиться и отдохнуть минутку. Я сейчас вернусь.

Кэтлин прошел в соседнюю комнату, где сержант Поулс уже завершал разметку полиграфной ленты.

- У него нет ничего серьезного, босс - сказал Поулс - есть реакции на четвертый и восьмой вопросы, оба контрольные, и немного меньшая реакция на последний вопрос.
- Да, он действительно ведет себя и реагирует как алкоголик, не так ли? Медленные и затянутые реакции на все стимулы, как будто кто-то выкручивает ему руки. Кажется, он не проявляет особого интереса к этой бутылке джина. Что ты думаешь, Арни? Стоит ли нажать на него по сильнее?
- Да что ты, Джордж, я не думаю, что он знает что-нибудь. Его мозги напроць заспиртованы.

Тем не менее, Кэтлин, вернувшись в комнату, где находился проверяемый, решил сделать последнюю попытку.

- Фостер, послушайте, прибор говорит, что Вы знаете больше об этой бутылке джина, чем рассказываете мне. Вам не удастся обмануть полиграф, Фостер. Пока этот прибор не подтвердит, что Вы говорите правду, у Вас могут быть проблемы. Все, что я хочу знать, так это - где Вы достали этот джин. Ну, что скажете?

Но все было бесполезно. Казалось, Фостеру совершенно все равно, что показывает прибор и верит ли ему Кэтлин. Было очевидно, что ничто его не волнует. Поулс отсоединил Фостера от полиграфа, и отвел его снова

в тюрьму, чтобы вернуть ему ремень и другие мелкие вещи, отобранные при задержании. Наблюдая за уходящим Фостером, который еле волочил ноги, удаляясь в этот более чем когда-либо пустой мир, Поулс подумал: «Бедный старик. Не очень-то мы были любезны с тобой».

Секрет Арни Поулса в отношениях с женщинами состоял в том, что он относился к ним так же, как и к мужчинам. легко, заинтересовано, но без оценки сексуальных возможностей. Если возникала необходимость внести нотку флирта, то обычно инициативу должны были проявлять женщины. И они это делали довольно часто. Арни сидел на краю стола секретарши и о чем-то болтал с ней, когда в приемной появился Кэтлин, который прибыл на конференцию по делу Хэйверсток, назначенную его начальником Уолтером Андерсонном на послеобеденное время. Результаты экспертизы тел показали, что Виктория Хэйверсток была задушена. Следы крахмала, которым была пропитана наволочка подушки, сначала растворились в слюне, а затем засохли на ее языке. Сара Хэнсон умерла от массивного кровоизлияния в мозг в результате удара, нанесенного каминной кочергой из спальни. Проникающее ранение головы было вызвано острым Г-образным концом кочерги, который в этой части был покрыт тонким налетом свежей ржавчины. В лаборатории верхняя часть кочерги была смочена водой и затем выставлена на ночь. На следующий день в этом месте появилась точно такая же ржавчина. Никаких отпечатков пальцев найдено не было. Кровь, обнаруженная на полу ванной, соответствовала крови Сары. Имевшаяся под пятном крови выщерблина плитки была свежей.

- Он схватил кочергу, вышел из спальни и ударил сиделку по голове. затем побежал обратно, чтобы покончить со старой женщиной. Он швырнул кочергу на пол в ванной, когда он пробежал мимо, отбив при этом небольшой осколок от плитки. Задушив старую леди, он обмыл кочергу и тщательно вытер ручку, хотя, возможно, он работал в перчатках. Да, скорее всего, в перчатках, так как отпечатков пальцев не было ни на шкатулке для украшений, ни на перилах, ни на письменном столе внизу. Затоптанные следы крови были также обнаружены на ковре в холле, но мы не знаем, были ли они принесены им или появились в период обследования дома полицией - подвел итог Кэтлин.
- Вы уверены в том, что брат не имеет отношения к делу? - поинтересовался шеф.
- Здесь нужно учитывать два момента. Он был переполнен спиртным на следующее утро, и я не могу с уверенностью утверждать, что закоренелый алкоголик, подобный ему, не способен с помощью бутылки джина полностью вычистить свои мозги и иметь ретроградную амнезию, как после хорошего удара по голове. В то же время интере-

сующий нас человек, очевидно, был трезв и целеустремлен, когда он делал свою дьявольскую работу. Я не могу представить Фостера, действующего подобным образом. Тем более, нам доподлинно известно, что он достаточно много выпил в тот вечер, посетив свои обычные забега-ловки. Да еще эта бутылка джина, о которой он ничего не может сообщить. Я уверен, что Фостер действительно не знает, откуда она взялась.

- Послушай, Джордж - вмешался Арни. - я проверил, как ты опросил, все магазины в округе, которые поставляют спиртное. Ни один из них не рассылал продукцию в этом районе в воскресенье вечером. Более того, ни один из них вообще не продал Бомбейский джин в воскресенье. В то же время эта Миссис Прохаска, живущая в соседнем доме, утверждает, что слышала удар дверью поздно вечером, но не стала подниматься с постели, а потому она только предполагает время, когда это было: с ее слов, «после полуночи». Однако парень по имени Уолтерс, Леонард Уолтерс, проживающий на другой стороне улицы напротив дома Хэнсонов, утверждает, что когда он встал около 2 часов ночи, чтобы пойти в ванную, с его слов, он всегда просыпается в это время, чтобы посетить туалет; так вот он слышал, как напротив его дома, на другой стороне улицы остановился автомобиль, постоял с работающим мотором и снова отъехал примерно через минуту. Он не выглядывал из окна и не может сказать, что автомобиль останавливался именно у дома Хэнсонов, но он думает, что это было именно так, поскольку он слышал, как захлопнулась дверь на террасе как раз перед отъездом машины, как будто кто-то вышел из дома Хэнсонов. Он подумал, что это забрали Сару Хэнсон для ночной работы или что-то в этом роде. Никто из других соседей ничего не слышал. В этом округе большей частью живут пожилые люди, которые рано ложатся спать.

- Знает ли Фостер, кто отвез его домой на машине? - спросил Кэтлина Андерсон.

- Это точно было не такси - вмешался Поулс - я это проверил.

- Я точно не знаю, шеф. Мы можем снова побеседовать с ним, но он, наверняка, сейчас снова пьян.

- Нет, Джордж. Он был дома после обеда - вмешался Поулс - он выглядел сломленным, после того как мы поработали с ним утром. Он просто сидел в своей комнате. Он сварил себе кофе. Продолжает утверждать, что в тот вечер был дома и в полночь уже лежал в постели, потому что у него не было денег на выпивку. Я еще раз спросил его, почему он вдруг спустился вниз, когда, как он говорит, нашел бутылку на столе. На этот раз он более уверенно сказал, что услышал какой-то шум внизу, как будто захлопнулась дверь. У меня сложилось впечатление, Джордж, что он говорит правду. Может быть, Санга-Клаус принес эту бутылку. Я спро-

сил Фостера, не мог бы он отдать мне эту бутылку. Она все еще была на верхнем этаже. Сейчас ее исследуют на наличие отпечатков.

- Вы непременно станете лейтенантом, Арни» - похвалил его Шеф.
- Обязательно, как только этот департамент сможет позволить себе должность капитана - отреагировал Кэтлин - Арни, до конца дня нам с тобой надо выяснить, видел ли кто машину, въезжавшую или выезжавшую после полуночи в воскресенье из этого дома на побережье. И давай поговорим с соседями Хэйверстоков еще раз. Может быть, все-таки кто-нибудь вставал в туалет этой ночью.
- Установили ли вы уже местонахождение дочери Хэйверстока, Джордж? - поинтересовался Шеф.
- Нет еще - ответил Кэтлин - мы оставили сообщение в месте их пребывания в Мехико. Дорога сюда может занять четыре или пять дней.

Однако дальнейшее развитие событий не позволяло ждать ответа из Мехико. Бутылка джина оказалась кладью отпечатков. Большая их часть была расплывчатой и принадлежала Фостеру. Вместе с тем на дне бутылки были обнаружены два четких неидентифицированных отпечатка указательного и большого пальцев, принадлежащих мужчине. Они были расположены так, как будто бы бутылку брали за дно, как мяч. Это довольно необычный способ брать бутылку, если только она не лежит на боку, например, на сиденье автомобиля. Оба отпечатка принадлежали Генри Гарнету.

Темпы следствия возросли. Владелец бара вспомнил, как Фостер разговаривал с «изыскано выглядевшим юным пижоном» во время предыдущего уикенда. Владелец небольшой сантехнической фирмы, живший рядом с домом Гарнета на побережье, сообщил, что около полуночи в воскресенье выгуливал свою собаку. Он видел машину, выезжавшую с территории интересующего дома, и был удивлен тем фактом, что фары зажглись только, когда машина выехала на главную дорогу. Он узнал «Порше» Гарнета, когда автомобиль пророкотал мимо него. Медсестра Кармоли, опрошенная во второй раз, вспомнила дополнительные детали рассказа Сары Хэнсон о позднем визите Гарнета. Он, якобы, встретил ее брата, и пытался выяснить у нее его пьяные привычки: пьет ли он дома, отключается ли он, помнит ли, где был и что с ним было? Сара не любила рассказывать о своих личных проблемах, но Генри был настойчив, объясняя это тем, что отец его подруги – алкоголик, и ему интересно знать, каково это жить вместе с таким человеком.

- Поговорите с ним тогда сами - ответила, наконец, ему Сара, заканчивая обсуждение этой темы.

Гарнет был еще в постели, когда Кэтлин позвонил ему утром в четверг. После обычной для него паузы перед ответом он согласился приехать в департамент полиции, чтобы ответить на некоторые дополнительные во-

просы. Беседа, на которой присутствовал и сержант Поулс, проходила в кабинете Кэтлина. На вопрос о том, что он делал в воскресенье за неделю до убийства, Гарнет спокойно сообщил, что он выезжал в город около 9 часов вечера, посетил несколько баров на побережье, пил пиво и наслаждался местной природой. Затем по дороге домой заскочил, навестить бабушку. Дома был около полуночи, некоторое время провел со своими гостями, беседуя и слушая музыкальные записи. Он также утверждал, что не покидал дома на побережье в ночь убийства и отрицал всякое знакомство с семьей Сары Хэнсон.

Лейтенант Кэтлин внимательно изучал этого самоуверенного молодого человека, вальяжно развалившегося в кресле, положив ногу на ногу и высокомерно сжимая кулак в серой фланелевой перчатке.

- Послушайте, Гарнет, я должен сказать Вам, что в Вашем рассказе есть несколько несоответствий, которые мне необходимо проверить. Я не намерен Вас арестовывать, пока вы будете сотрудничать с нами, однако будет лучше, если вы ознакомитесь со своими правами, прежде чем мы двинемся дальше.

Кэтлин передал Гарнету затертую копию принципов Миранды. Гарнет быстро пробежал ее глазами.

- Послушайте, лейтенант, - сказа он, возвращая копию назад - Я не знаю, что за «несоответствия» вы имеете в виду. В воскресенье ночью я был дома в постели, и у меня имеются три свидетеля, чтобы доказать это. На самом деле, Джинни Гэбэй является тем, что называется «железным алиби»; она точно знает, где я был всю эту ночь.

- Хорошо, хорошо. Если вы рассказываете правду, Вам не о чем беспокоиться, Гарнет. Самый быстрый путь установить это - пройти тест на полиграфе. Если вы чисто пройдете полиграф, тогда мы будем знать, что нам надо искать где-то еще. Вы согласны на это? Например, сегодня во второй половине дня?

Кэтлин был поражен тем, как Гарнет встретил его взгляд во время длинной паузы, последовавшей за вопросом. Казалось, что за этими неподвижными серыми глазами работает какой-то вычислительный механизм.

- Я хочу сотрудничать, лейтенант, но я мало что понимаю в полиграфах. Это то, что называют «детектор лжи»? Как я могу быть уверенным, что он работает без ошибок?

- Нет, это не детектор лжи - ответил Кэтлин - хотя мы используем точно такой же инструмент - полиграф. Однако то, что мы делаем, это не детекция лжи. Мы называем это Тестом на Знания Виновного. Идея заключается в том, чтобы выяснить, были ли Вы на месте преступления, узнаете ли Вы обстановку и некоторые предметы, которые мог видеть и запомнить только убийца, потому что он был

там.

- Ну, конечно же, я был там много раз, вы знаете; это же дом моей бабушки. Я был там как раз на прошлой неделе - видно было, что Гарнет проявлял осторожность, обдумывая каждое слово.
- Мы понимаем это - сказал Кэтлин - тест будет касаться не того, что Вы знаете об обстановке в доме, а того, как выглядели вещи в момент убийства, тогда, когда убийца покидал дом. Другими словами, мы постараемся выяснить, имеются ли у Вас знания, которыми обладает только преступник.

За серыми глазами Гарнета еще раз заработала счетная машина. Наконец, откинув голову назад, он сказал:

- О'кей, лейтенант. В какое время после полудня?

Сверившись с планами сержанта Риди, Кэтлин назначил время - 14 часов дня. Гарнет отбыл, и офицеры приступили к подготовке. Было решено, оставить тот же самый перечень тестов, который они использовали в отношении Уильяма Фостера. Гарнет должен был дать однозначные реакции на ключевые стимулы первых трех тестов, так как он был знаком с домом Хэйверстоков, но они не будут приниматься во внимание при оценке остальных девяти. Или, точнее, десяти тестов, поскольку они решили дополнительно использовать набор фотоснимков библиотеки, находящейся в разной степени беспорядка.

Тест 13. Как выглядела библиотека в момент, когда ее покидал убийца?
(Шесть фотографий.)

Затем они набросали дополнительный набор тестов, относящихся к возможной связи Гарнета с Фостером и этой мистической бутылкой джина.

Тест 14. Вы утверждаете, что не были знакомы с кем-либо из семьи Сары Хэнсон, но мы думаем, что вы разговаривали с одним из них. Если это так, то вы узнаете, кто был этот родственник. Слушайте меня и просто повторяйте последнее слово, которое я произношу. С кем из родственников Сары Хэнсон Вы недавно разговаривали? Был ли это:

- 1) Ее муж? 2) Ее сестра? 3) Ее брат? 4) Ее племянник?

Тест 15. Родственник, которого мы имеем в виду, является Братом Сары Хэнсон. Если вы разговаривали с ним, то вы узнаете его имя. Как его зовут?

- 1) Томас Хэнсон? 2) Уолтер Ларсон? 3) Роберт Аткинсон?
4) Герберт Бэттс? 5) Арнольд Гордин? 6) Уильям Фостер?

Тест 16. Мы думаем, что вы могли бы знать, где жили Сара Хэнсон и ее

брат. Как называется улица, на которой живет брат Сары Хэнсон?
Это:

- 1) Первая авеню? 2) Приозерная дорога? 3) Пятая улица?
4) Мэриленд Авеню? 5) 16-я авеню? 6) Портленд авеню?

Тест 17. Мы полагаем, что вы могли кое-что взять с собой, направляясь в дом Хэнсон в вечер убийства. Если это действительно было так, Вы узнаете, что это был за предмет. Что Вы принесли и оставили в доме Хэнсонов в тот вечер, когда произошло убийство? Это было:

- 1) Какая-то одежда? 2) Какой-то спиртной напиток?
3) Какие-то инструменты? 4) Какие-то бумаги?
5) Какие-то деньги? 6) Какая-то еда?

Тест 18. Кто-то оставил бутылку спиртного в доме Уильяма Фостера тем вечером. Если это были Вы, то Вы узнаете, что это было за спиртное. Какое спиртное было оставлено в доме Фостера в тот вечер? Это был:

- 1) Ром? 2) Бурбон? 3) Водка?
4) Бренди? 5) Джин? 6) Виски?

Тест 19. Кто-то оставил бутылку джина в доме Фостера тем вечером. Если это сделали Вы, Вы узнаете, какой марки был джин. Какой марки джин был оставлен в доме Фостера тем вечером? Это был:

- 1) Джин Сиграмс? 2) Джин Хаус ов Лордс? 3) Джин Бутс?
4) Джин Бомбейский? 5) Джин Джилбейз? 6) Джин Тэнквери?

Тест 20. Человек, который принес бутылку, не вручал ее Фостеру, а просто оставил ее где-то в доме. Где он оставил бутылку? Это было:

- 1) На передней террасе? 2) На кухонной стойке?
3) На столе в жилой комнате? 4) На лестнице?
5) На столе в столовой? 6) На кухне на стуле?

В отличие от Фостера Гарнет был въедливой и внимательной личностью. Он спрашивал обо всем: о микрофонах на потолке, об аквариуме, о каждом датчике полиграфа, пока их укрепляли на его теле. Ему дали инструкцию во время теста сидеть спокойно, внимательно слушать каждый вопрос, обдумывать каждый предлагаемый вариант ответа примерно в течение пяти секунд и затем повторять последнее слово, если варианты ответов формулировались устно, или назвать соответствующий номер, если это был фотоснимок или демонстрация предмета. Затем Гарнету было разъяснено, что он без сомнения узнает правильные варианты ответов на первые три теста, которые будут использоваться в качестве **дополнительного контроля**. Гарнет оказался идеальным испытуемым, дышал без напряжения, был внешне расслаблен, делал, как инструктировали, паузу в течение

нескольких секунд после каждого предложенного варианта ответа и затем отвечая спокойным голосом.

Отработав тест номер 3 сержант Риди сообщил Гарнету:

- **Остальные тесты будут предъявляться с помощью магнитофона. Я буду включать и выключать его в положенное время так, что вопросы будут звучать, как «вживую».**
- В чем смысл, сержант? - спросил Гарнет, который не привык безропотно подчиняться.
- Чтобы обеспечить справедливость по отношению к Вам, мистер Гарнет - ответил Риди - **на тесты, которые я уже задал, я не знаю правильного ответа, а поэтому не мог ни своим голосом, ни поведением выдать Вам его. На тесты же, которые сейчас последуют, я знаю правильные варианты ответов. Поэтому мне было предложено сделать их звукозапись, до того, как они стали мне известны. Таким образом, Вы не можете даже по косвенным признакам получить информацию от меня, а значит полностью защищены.**

Другой возможный способ использования тестов подобного связанного типа, когда каждый последующий тест основан на ключевом признаке предыдущего, заключается в том, что они печатаются на отдельных карточках так, чтобы ведущий опрос не мог видеть, скажем, тест номер 15, пока он не закончил предъявлять тест номер 14. Однако Кэтлин и Пуул считали, что эти тесты могут понадобиться им еще раз, а поэтому они поручили Риди записать их на пленку с заранее подготовленного набора карточек так, чтобы, сколько бы раз эта пленка не использовалась, его голос не мог выдавать никаких намеков на правильные ответы.

Когда Риди перешел к тесту номер 14, хладнокровие стало отказывать Гарнету. Он выпрямился на стуле и откашлялся.

- Послушайте, сержант, я полагал, что вопросы касаются только того, что произошло в доме моей бабушки. Я не понимаю, какое отношение к этому имеет семья сиделки?
- Весь этот блок тестов имеет отношение к убийству вашей бабушки, мистер Гарнет. Тесты готовил лейтенант Кэтлин, и он хочет, чтобы они были заданы. Если вы невиновны, вам нечего беспокоиться. Поэтому продолжайте сидеть спокойно, как и прежде. Я сейчас прокручу пленку назад, и мы еще раз пройдемся по этому тесту.

Гарнет с явной неохотой снова откинулся на спинку кресла и принял позу полного внешнего спокойствия. На тесте номер 16 он еще раз энергично прочистил горло перед тем, как ответить на предъявление первого признака. Риди был вынужден сделать замечание.

- Мистер Гарнет, если вы чувствуете, что вам надо откашляться или про-

чистить горло, дайте мне знать заранее, и я подожду с вопросом.

К концу тестирования Гарнет выглядел совершенно мрачным. В комнату вошел Лейтенант Кэтлин и сказал:

- Результаты в целом выглядят неплохо, мистер Гарнет, но нам необходимо повторить несколько тестов, просто чтобы быть полностью уверенным. С вами все в порядке?

Теперь Гарнет выглядел совершенно расстроенным, он был бледен под своим плотным загаром и явно не желал дальше участвовать в этой процедуре. **Кэтлин же продолжил объяснять ему, что последняя группа тестов больше не будет повторяться, а точнее она не может быть повторена после того, как все последующие вопросы, относящиеся к бутылке из под джина, раскрывали правильные ответы на предшествующие вопросы.**

- На данный момент результаты теста указывают, что вы не убивали никого из этих женщин, Гарнет, но просто должны пройти эту часть тестирования снова, чтобы быть окончательно уверенным.

Повторив тесты с 8 по 13, сержант Риди снял датчики. Он обратил внимание на тщательно наманикюренные пальцы Гарнета, а также на то, что его лоб вдоль линии волос, слегка покрылись потом. В это время в соседнем помещении, где находился полиграф, Кэтлин достал свой карманный калькулятор.

- Окей, Арни, он дал самую большую реакцию на обеих руках на правильные варианты ответов во всех последних семи тестах. **Если вероятность его случайной реакции на правильный ответ в пределах одного теста составляет 0.2, то тогда вероятность того, что он случайно отреагирует на все семь правильных ответов будет 0.2, возведенное в седьмую степень, то есть - 0.000013.** Это означает, что мы имеем только 1 шанс из 50000, что полученный результат является случайным. Этот сукин сын действительно подбросил ту бутылку джина брату Сары Хэнсон. Или, по крайней мере, он знает все об этом. Но он не убивал женщин! Что, черт возьми, мы теперь будем с этим делать?

Генри Гарнет не хотел давать никаких объяснений. Он был сыт по горло всеми этими вопросами и тестами и настаивал на встрече с адвокатом. Тем не менее, на основании наличия отпечатков его пальцев на бутылке джина, а также показаний свидетеля, который видел «Порше» Гарнета, покидавшее дом на побережье в вечер совершения убийства, молодой человек все же был арестован. После обеда Кэтлин встретился с Шефом Андерсоном и изложил ему ситуацию.

- Он среагировал на первые три теста, но только потому, что хорошо знает дом Хэйверстоков, и это нам ни о чем не говорит. Он также показал сильные реакции на последние семь тестов, и это доказывает, что либо

он доставил эту бутылку джина в дом Фостера, либо он все знает об этом, например, от того, кто мог принести ее. Но в тестах, непосредственно относящихся к убийству, он дал реакции только на два из десяти при первом предъявлении блока и только на один - при втором. Таким образом, мы не думаем, что он был в доме во время или сразу после убийства. К тому же на полиграммах обнаруживается довольно странная вещь. При первом предъявлении он дал правильную реакцию на тест номер 13, в котором предъявлялись снимки библиотеки, находящейся в разной степени беспорядка. Он проявил повышенную активность, когда тест прозвучал впервые, как будто это была первая тема, которая беспокоила его. Затем, когда ему предъявлялись семь тестов о Фостере и бутылке из-под джина, его возбуждение существенно усилилось, он давал правильные реакции на каждый вопрос, более того, было заметно, что он предпринимал определенные попытки исказить свои реакции. Он покашливал после предъявления первого варианта ответа на тест номер 17, и какие-то странные вещи наблюдались при предъявлении тестов 19 и 20. В обоих случаях он делал паузу перед своим ответом, которая сопровождалась задержкой дыхания и постепенным развитием медленной, но достаточно сильно электрокожной реакцией. Мы думаем, что он кусал свой язык или оказывал воздействие еще на какие-то болевые точки. Но даже, несмотря на эти попытки, он все равно выдал наибольшие реакции на ключевые признаки, и вероятность того, что он мог бы случайно показать такой результат, ничего не зная об этой бутылке, составляет 1 к 77000. Затем, когда мы повторяли некоторые тесты по второму разу, он все еще был в возбужденном состоянии, его пульс и давление были повышены, а реакции намного сильнее, чем в первом прогоне. При повторе мы уже не могли использовать первые семь тестов. Предъявлялись только тесты с 8 по 13, и он опять дал правильную реакцию только на один из них. Это снова был тест номер 13. Более того, при ответе на него он опять предпринимал попытки исказить свои реакции.

- И что это все означает? - нахмурился шеф.
- Я думаю, у Гарнета был напарник. В задачу Гарнета входило подбросить Фостеру бутылку, в то время как кто-то другой осуществил убийство. Я думаю, частью плана было произвести беспорядок на письменном столе в библиотеке. Гарнет действительно не видел, как выглядела библиотека, когда мы появились там, но он предположительно знал, как она должна была выглядеть, а поэтому он мог легко выделить нужный снимок из предложенного ряда, чтобы дать повышенную реакцию на него.

Во взгляде Шефа Андерсона появилось сомнение.

- Зачем Гарнету вообще нужно было быть в Дулуте в ночь убийства? Он мог каким-нибудь образом подбросить эту бутылку в дом Фостера зара-

нее, а в ночь убийства благополучно пребывать в Ротари Конвеншен в Чикаго или где-нибудь еще. Зачем создавать столько сложностей, Джордж? Вы установили, что парень уезжал из своего дома на побережье, а он скрывает это. Вы узнали, что он разговаривал с Фостером в местной забегаловке за неделю до убийства, а он это отрицает. Вы выяснили, что он принес бутылку джина в дом Фостера. Вы установили, что он наносил поздний визит своей бабушке неделей раньше. После всего этого Гарнет запросто в это воскресенье снова возвращается в город, убивает двух женщин, подбрасывает джин и возвращается домой спать. Что-то здесь не так.

Это не совсем верная цепь событий, шеф. Полиграф показывает, что Гарнета не было в доме, когда убивали женщин. Мы прорабатывали эту тему с ним два раза. Он правильно реагирует на первые три теста, достоверные ответы на которые он знает, но в процессе двукратного предъявления остальных десяти он дал верные реакции только на три, три реакции из 20 возможных. Хорошо, пусть это будет три из 16 возможных, поскольку мы использовали только шесть тестов при повторном прогоне. Он мог знать правильный ответ на тест номер 13, поэтому он среагировал на него оба раза, но он наверняка не знал правильные варианты ответов на остальные тесты.

Мне кажется, вы говорили, что ваша методика с меньшей надежностью выявляет невиновность, чем виновность - настаивал Шеф - вот Вы провели одно тестирование, которое доказывает, что парень знает о брате и о бутылке, потому что, как иначе он мог бы всегда реагировать именно на правильный вариант ответа из пяти возможных. Хорошо. А если он не реагирует на правильный вариант, о чем это говорит? Может быть, он растерялся или не обратил внимания на то, как лежало тело или как оно было одето. Кстати, какая одежда на моей секретарше в данный момент, Арни? Вы ведь только что разговаривали с ней.

Вы знаете, Шеф, эта маленькая куколка была голой последний раз, когда я смотрел на нее. У меня все время проблема с этим рентгеновским видением - ответил сержант Поулс.

Вы правы, Шеф - продолжил Кэтлин - отрицательный результат тестирования всегда менее убедителен, чем положительный, потому что есть много факторов, которые необходимо принимать во внимание. Хорошо ли были подготовлены тесты и альтернативные ответы к ним? Заметили ли парень все эти вещи, если он был в этом месте? И так далее. Но в данном деле мы немного подстраховались. Я поручал Риди и Поулсу провести этот же самый тест с полицейскими, которые первыми прибыли в дом по вызову. Они ходили по всему дому и видели тела, и я дол-

жен сказать, они были прилично возбуждены в это время. Какой у них результат, Арни?

- Ну, мы использовали 10 тестов, относящихся к убийству, это тесты с 4 по 13. Эдстром отреагировал на все, кроме тестов номер 11 и 13, а Свэйлайн дал правильные реакции на все. В тесте номер 13, как вы помните, использовались снимки библиотеки, а Эдстром никогда не видел ее. Тест номер 11 касался орудия убийства, о котором ни один из них официально ничего не знал. Однако, при последующем опросе о причинах реакций Свэйлайн сказал, что запомнил камин в спальне и уже размышлял о том, чем могла быть нанесена рана на голове сиделки. Он дал верную реакцию в тесте 11, потому что сразу сообразил, что ее ударили чергой.
- Таким образом, вы видите, Шеф - продолжал Кэтлин - что у этих двух полицейских было гораздо меньше шансов, чем у убийцы, запомнить эти 10 ключевых признаков, которые мы подобрали для тестирования, и все же один среагировал на 8 из них, а другой на все 10. Таким образом, если Гарнет дает правильные реакции только на 1 или 2 вопроса, я утверждаю, что он просто не был в доме той ночью.
- А что, если он подбросил еще что-нибудь? - вдруг вмешался Поулс - послушай, Джордж, а Шеф ведь прав насчет бутылки. Он мог подбросить ее за день до убийства и сидеть себе где-нибудь спокойно с твердым алиби. Этот Гарнет слишком умен и слишком хладнокровен, чтобы мотаться по городу, в то время как его сообщник убивает двух женщин. Вероятно, для этого у него были веские причины. А что, если он подбросил старому Фостеру еще что-нибудь, кроме бутылки? Например, где находятся ювелирные изделия из той шкатулки на туалетном столике в спальне старой леди? Может быть, идея состояла в том, чтобы тот, кто был в доме в тот вечер, специально забрал что-нибудь, передал это Гарнету, а тот подбросил бы в дом Фостера?

Шеф Андерсон повернулся к лейтенанту Кэтлину, удивленно подняв брови.

- Послушай, это очень интересно, Арни - сказал Кэтлин - может быть, нам следует поскорее навестить Фостера еще раз и действительно там все хорошенько осмотреть.

Уильям Фостер был дома и не стал возражать против предложенного обыска. На самом деле, ему нужен был совет Кэтлина. Он был совершенно без денег и хотел бы узнать, ввиду смерти сестры, было ли бы допустимым, чтобы он получил наличные по чеку, выписанному на ее имя. Кэтлин обратил внимание, что этот чек был датирован 1 апреля; Сара Хэнсон умерла 24 мая. Чек был подписан личным бухгалтером миссис Хэйверсток, и телефонный звонок этому джентльмену выявил, что он готовил эти чеки

заранее. Затем он обычно посещал миссис Хэйверсток в первую неделю каждого месяца и оставлял в папке на письменном столе в библиотеке два чека, каждый для оплаты работы за две недели. Дневная сиделка, миссис Рорчек, знала об этой системе, именно она выдавала их на руки в день оплаты. Арни Поулс вспомнил, что какие-то обрывки бумаги, поднятые с пола библиотеки утром в понедельник в момент осмотра, были похожи на чеки. Фостер показал двум детективам, где именно он нашел чек, роясь в ящиках стола, расположенного в жилой комнате.

Эта находка была очевидным успехом и подтверждала предположения Поулса и заставила их с еще большим рвением продолжать поиски украшений, чем это могло бы быть в иной ситуации. Они обыскали террасу, первый этаж и маленький подвал. Хотя казалось маловероятным, чтобы Гарнет рискнул подняться наверх в тот вечер, когда Фостер был дома, они все же обыскали и второй этаж, но все безрезультатно. Оба были несколько озадачены, поскольку найденный чек все же убеждал их в том, что ювелирные изделия Хэйверстоков, должны были быть где-то в доме. Не скрывая отворачивания, Поулс начал перебирать содержимое мусорного ведра за дверью кухни. Кэтлин вдруг почувствовал непонятное раздражение по отношению к Фостеру, который, сидя сгорбившись на стуле, непрерывно курил, вытирая нос рукавом, и выглядел жалким и никому ненужным.

- Черт побери, Фостер, если это ты взял или спрятал эти драгоценности, я точно надеру тебе задницу - сказал он, доставая его старое пальто из маленького шкафа под лестницей.

Фостер пробормотал что-то в виде протеста в тот момент, когда Кэтлин накинул пальто ему на плечи и прошупал карманы на предмет наличия в них ключей от машины. Затем детектив снова вернулся к шкафу и еще раз внимательно проверил его содержимое. Впереди на крючке висел старый морской бушлат Фостера. Кэтлин вспомнил, что этот бушлат висел на спинке стула в спальне Фостера, когда они его забрали в понедельник утром. Кроме того, в шкафу были зимнее пальто Сары, тяжелая, подбитая мехом шуба и голубой плащ. Кэтлин начал просматривать карманы.

- Вот оно! Все в порядке! Фостер, иди и скажи сержанту Поулсу, чтобы он немедленно шел сюда. У меня для него подарок.

То, что обнаружил Кэтлин, включало двойную нитку жемчуга, хотя и искусственно выращенного, но очень крупного; старомодное кольцо с гранатами, обрамленными золотом; несколько сережек в том же стиле и крупное кольцо, украшенное небольшими рубинами и бриллиантами. Все это находилось глубоко в кармане дождевика Сары, который, как отметил для себя Кэтлин, в глубине темного шкафа легко было перепутать с мужским. Да, они оказались правы. Гарнет точно намеревался выдать этого старого, отвергнутого всеми пьяницу за убийцу собственной сестры и его

богатой бабушки. Но если Фостер не убивал женщин и Гарнет тоже не убивал, то кто же убийца? Почувствовав прилив новой энергии, Кэтлин позвонил в департамент и потребовал, чтобы все трое гостей в доме Гарнета были немедленно задержаны для допроса. Он позвонил также сержанту Риди, который в это время обедал дома, и предупредил его, что он может понадобиться этим вечером для проведения дополнительных тестов на полиграфе. Затем, уже не в первый раз, когда дело у них бывало «на мази», Кэтлин повез Арни Поулса обедать к себе домой. После повторного звонка в департамент стало известно, что все три человека из дома на побережье обнаружены и задержаны.

- Пусть они немного поголодают. Арни, тогда они с большей легкостью согласятся на полиграф, поскольку в этом случае мы пообещаем отпустить их до того, как закроются рестораны.
- Какие вопросы ты собираешься использовать? - спросил Поулс.
- Полный набор - ответил Кэтлин - я хочу знать, были ли они в том доме, были ли они там во время убийства и знают ли они что-нибудь о краде-ном. Мы начнем с девицы, с этой маленькой блондинки, затем пойдет мужчина. Я хочу поработать с ними сегодня вечером, до того, как у Гарнета появится возможность поговорить с ними.

Прятели Гарнета были не так голодны, как сердиты и напуганы. Кэтлин объяснил, что Гарнет будет на следующий день передан в суд по обвинению в убийстве, и что при этих обстоятельствах они все могут быть задержаны, по меньшей мере, как свидетели по данному делу. В качестве альтернативы провести ночь в тюремной камере каждый из них неохотно согласился пройти тест на полиграфе. Около 10 часов вечера все трое успешно прошли испытание на полиграфе и были отпущены. Кэтлин и Поулс были уверены, что ни один из них не имел отношения ни к убийствам, ни к подтасовке улик.

Это были последние тесты с использованием полиграфа, проведенные в связи с делом об убийстве в доме Хэйверстоков, хотя расследование все еще не было завершено. Некоторые другие возможные подозреваемые были исключены, благодаря информации, полученной просто по телефону. Двое сыновей Микаельсонов провели ночь 24 мая в своих общежитиях в Миннеаполисе. У Пэт Гарнет нашлось несколько друзей, которые подтвердили ее присутствие в тот вечер на вечеринке в Гринвич Виллидж. Достиagnутые успехи подогревали в Поулсе уверенность в наличии у него особого полицейского инстинкта, и к утру в пятницу этот инстинкт вдруг начал нашептывать сержанту Поулсу мысль об Оскаре Рорчке, чья жена обнаружила это двойное убийство. Рорчек был хорошо известен в тавернах Дулута, посещаемых работающим людом. Этот крупный человек являлся непобедимым чемпионом по арм-реслингу, был поклонником спорта и не-

много играл. Арни Поулс довольно быстро установил, где Оскар Рорчек провел прошлый воскресный вечер. Результаты его разочаровали. Как выяснилось, все воскресные вечера Рорчек всегда начинал с игры в боулинг, за которым следовала игра в покер с партнерами по боулингу. Между 10.00 часами вечера и 2.00 часами в ночь на воскресенье Оскар Рорчек выигрывал примерно 35 долларов у пяти приятелей, не выходя из своей жилой комнате.

Переломный момент в деле наступил примерно неделю спустя, после того как Джон и Мери Белл Планкетты вернулись из Мехико, так что Мери Белл смогла организовать необходимую правовую помощь своему первому сыну. В соответствии с обычным порядком Кэтлин получил подробный график поездки Планкеттов на юг, которая заняла у них пять дней. Джон Планкет подписывался при регистрации в отелях в Канзас Сити, Альбукерке и Фоенексе, а во время самой первой остановки в Холлидэй Инн в Де Муане подписывалась Мери Белл. При этом номерной знак автомашины она записала неправильно. Официантка этого мотеля вспомнила Джона Планкета, так как она подавала им поздний завтрак утром в понедельник. Планет сказал ей, что он из Миннеаполиса, и оставил на столе купюру в 10 долларов за еду стоимостью менее 5 долларов. Но никто не помнил, чтобы Планкет был в мотеле предыдущим вечером. Когда Планкет, уже имевший к этому времени возможность пообщаться с Генри Гарнетом, отказался пройти тест на полиграфе, Кэтлин решил действовать, исходя из предположения, что Планкет является соучастником убийства. Это означало, что Мери Белл должна была проделать путь до Де Муана в одиночестве, вероятнее всего, самолетом, в то время как Планкет мчался на сером Кадиллаке в сторону Дулута. Полиция штата Айова получила задание найти автомашину, которая, возможно, отвезла Мери Белл из аэропорта Де Муана в Холлидэй Инн, расположенной на шоссе 35. Мысленно представляя себе долгую поездку на машине от Дулута до Де Муана, Кэтлин попросил Дорожную полицию проверить все работающие ночью бензоколонки, на которых Планкет мог бы заправить свой бросающийся в глаза автомобиль. И как он узнал, прибыв на место, где найти Мери Белл в этой Холлидэй Инн? У них ведь не было предварительно заказанного номера. Обязательно должен был быть телефонный звонок к Мери Белл, после того как она зарегистрировалась, или она сама должна была позвонить Генри Гарнету, возможно в дом на побережье или даже непосредственно в дом Хэйверстоков. В противном случае Планкет должен был бы заказать номер лично для себя при регистрации в отеле или же его жена должна была бы мучиться в холле отеля всю ночь до рассвета, ожидая его прибытия.

Телефонный звонок так и не был установлен. Однако какой-то серый Кадиллак «Севилья» действительно заправлялся дизельным топливом на

севере Миннеаполиса около 4.00 часов утра в понедельник утром, а «Севилья» Джона Планкета имела дизельный мотор. Была также установлена студентка из Университета Дрейка, которая, возвращаясь самолетом после посещения родителей в Сэнт-Поле, сидела рядом с женщиной в мехах и дорогих украшениях, издававшей аромат духов стоимостью 100 долларов за унцию при взлете, и стойкий запах двойного мартини при посадке. Эта наблюдательная девушка не испытала ни малейшей трудности при выборе фотографии Мери Белл Планкет из десяти предложенных ей снимков. Водитель такси тоже был установлен. Мери Белл попросила доставить ее в мотель СейвМор, который находился на другой стороне улицы, но после разворота для того, чтобы вернуться в город, он увидел ее перебегающей шоссе по направлению к Холлидэй Инн, и это странное поведение очень удивило его.

В ходе судебного процесса способный и дорогой адвокат Планкета выбрал наилучшую тактику в сложившейся ситуации. Против его клиента были использованы косвенные доказательства, но такие же доказательства существуют и против Уильяма Фостера. Имея другого возможного подозреваемого, жюри присяжных должно обоснованно сомневаться в виновности Планкета. Со своей стороны Обвинение в качестве доказательства привело результаты применения в ходе расследования Теста на Знания Виновного. В частности то, что офицеры Эдстром и Свэйлайн, посещавшие место преступления, не прошли тест, в то время как Фостер прошел его. Несмотря на возражения защиты, результаты теста Генри Гарнета были объяснены жюри присяжных так, что всем стало очевидно, что Гарнет действительно принимал участие в подбрасывании бутылки джина в дом Фостера, но не присутствовал на месте убийства. Когда жюри присяжных удалилось на совещание, Планкету еще раз официально предложили пройти тест на полиграфе, и после жаркого обсуждения суд вынес решение, что его отказ является существенной информацией, которая может быть передана жюри присяжных.

В итоге Джон Мартин Планкет, Мери Белл Планкет и Генри Гарнет были признаны виновными и приговорены к разным срокам заключения за преступный сговор и совершение убийства первой степени.

Использование результатов тестирования на полиграфе в американских судах сопряжено с особой процедурой. Как известно, длительное время в большинстве штатов действовал запрет на их использование в суде. В настоящее время этот запрет преодолен и по решению верховного суда США действует так называемый прецедент Дауберта (Daubert). В соответствии с этим прецедентом устанавливается порядок, по которому решение о допустимости использования результатов тестирования на полиграфе в качестве доказательств принимает лично судья, ведущий дело. Однако прежде чем принять такое решение, он обязан в ходе судебного разбирательства сначала убедиться в научной обоснованности метода тестирования (мы говорим – «методики»), использованного в данном конкретном случае, а затем в том, что этот метод был применен правильно. Иными словами судья должен в суде установить теоретическую и практическую валидность (научную обоснованность) примененного специалистом метода. Обычно для прений в зал суда приглашаются, помимо полиграфолога, эксперты, выступающие с позиций «за» и «против» использования полиграфа.

Чтобы получить представление о том, как американское правосудие рассматривает результаты тестирования на полиграфе, полезно ознакомиться с выступлением в суде одного из выдающихся полиграфологов США Дэвида Раскина в ходе слушаний по уголовному делу Woodworth. Далее приводится фрагмент стенограммы его допроса

(чтобы с максимальной точностью передать атмосферу событий в зале суда, фрагмент приводится без купюр). Из вопросов, которые выносил на обсуждение судья, видно, насколько глубоко и серьезно подходит американское правосудие к принятию решения о возможности использования заключения полиграфолога в качестве доказательства.

Свидетельские показания д-ра Д. Раскина

(14 июля 1997 г.)

Сокращения:

свид. - свидетель

М.Д. - мистер Джэллиан, представитель стороны обвинения

В. - вопрос

О. - ответ

М.Гуд - мистер Гуд, представитель стороны защиты

Заседание суда до обеда

Судья: Свидетельские показания доктора Раскина будут вещественным доказательством № 6 (названный документ получен и помечен как вещественное доказательство № 6).

Судья: У меня есть письменное свидетельство доктора Раскина, но это не оригинал. Однако нас это не остановит. Оно будет вещественным доказательством № 6.

(Дэвид Раскин дает клятву)

Судья: Назовите нам Ваше полное имя.

Свид.: Дэвид С. Раскин: Р-А-С-К-И-Н.

Судья: Ваша дата рождения, пожалуйста.

Свид.: 28 июля 1935 года.

Судья: Тридцать пятого?

Свид.: Да.

Судья: Хорошо. Итак, письменное свидетельство доктора Раскина является вещественным доказательством №6, и Вы можете подвергнуть его перекрестному допросу.

М.Д.: Благодарю Вас, Ваша честь.

Перекрестный допрос мистера Джэллиана

В.: Доктор. Вы имеете докторскую степень в области психологии от Калифорнийского Университета в Лос-Анджелесе, которую Вы получили в 1963 году, правильно?

О.: Да.

- В.:** Она относится к какому-то конкретному разделу психологии?
- О.:** Ну, в целом это экспериментальная психология. Моя специализация была в области исследования памяти и психофизиологии человека.
- В.:** И в то время это являлось признанным разделом психологии?
- О.:** Да.
- В.:** Вы упустили указать это в Вашем письменном показании, это правильно?
- О.:** Если этого нет в моих письменных показаниях, значит, этого нет.
- В.:** Итак, ответом на мой вопрос является: да, я упустил...
- О.:** Я бы не стал рассматривать это как «упущение». Просто этого там нет.
- В.:** Вы указали, что являетесь лицензированным полиграфологом в штатах Юта и Нью-Мексико, так ли это?
- О.:** Да.
- В.:** Есть ли у Вас лицензия на использование полиграфа в Массачусетсе?
- О.:** Насколько я знаю, лицензирование там не требуется.
- В.:** Если бы я сказал Вам, что лицензионное законодательство штата Массачусетс требует лицензирования частной исследовательской деятельности, это повлияло бы на Ваше решение получить лицензию для осуществления проверок на полиграфе в Массачусетсе?
- О.:** Простите?
- В.:** Имеете ли Вы лицензию на проведение частных расследований в штате Массачусетс?
- О.:** Нет.
- В.:** Известно ли Вам, что для того, чтобы быть лицензированным полиграфологом, Вам необходимо иметь лицензию частного детектива в штате Массачусетс?
- О.:** Простите, я не понял.
- Судья:** Извините меня. Доктор говорит, что он понимает, что не требуется лицензия, чтобы быть полиграфологом в Массачусетсе. Если Вы хотите обратить его внимание на то, что он ошибается, пожалуйста, Вы можете сделать это.
- В.:** Известно ли Вам, что для того, чтобы быть практикующим полиграфологом в Массачусетсе, Вы должны быть лицензированы как частный детектив?
- О.:** В Массачусетсе?
- М.Д.:** Да.
- О.:** Мне это не известно.

В.: У Вас нет медицинского образования, не так ли?

О.: Нет.

В.: А есть ли у Вас какая-либо университетская степень в области статистики?

О.: Моя докторская степень относится к области психологии; одна из моих специализаций в рамках докторской степени включала раздел статистики и измерений.

В.: Есть ли у Вас ученая степень в области статистики?

О.: Самостоятельно - нет.

В.: Теперь скажите, правда это или нет, что Вы всегда свидетельствовали в пользу полной научной обоснованности использования полиграфа?

О.: Нет, это не так.

В.: Когда Вы свидетельствовали против полной научной обоснованности применения полиграфа?

О.: В самый первый раз, когда я выступал по этому вопросу.

В.: Когда это было?

О.: В 1970 году.

В.: Где это было?

О.: В Солт-Лейк Сити, штат Юта.

В.: И Вы свидетельствовали только один раз против полной научной обоснованности использования полиграфа?

О.: Знаете, я должен прояснить свой ответ, я не могу ответить просто «да» или «нет».

В.: Свидетельствовали ли Вы больше, чем один раз, против полной научной обоснованности использования полиграфа?

О.: Я могу разъяснить свой ответ?

М.Д.: Сэр...

Судья: Извините, в 1970 году свидетельствовали ли Вы «за» или «против» полной научной обоснованности использования полиграфа?

Свид.: Против.

Судья: И Вы утверждаете, что это был единственный раз, когда Вы делали это?

Свид.: Единственный раз я сделал это в отношении вполне определенного метода тестирования на полиграфе, примененного в уголовном расследовании. Кроме того, я свидетельствовал против **универсальной научной обоснованности** использования полиграфа, включающего много разных методов тестирования на полиграфе.

В.: Свидетельствовали ли Вы против универсальной научной обоснованности использования полиграфа в рамках общей концепции психофизиологии?

О.: Частично. Проблема заключается в том, что, отвечая на Ваш вопрос...

В.: Хорошо, позвольте мне спросить у Вас следующее...

О.: ...хотел сказать, что имеются различные типы тестов на полиграфе, которые, так или иначе, укладываются в общую концепцию психофизиологии.

Судья: Свидетельствовали ли Вы когда-либо против обоснованности научных принципов, лежащей в основе психофизиологических методов детекции лжи?

Свид.: Нет, этого я не делал.

В.: Никогда?

О.: Ну, да, только в тот первый раз.

В.: Не считая того первого раза, в последующем Вы всегда свидетельствовали в пользу научной обоснованности принципов, лежащих в основе использования полиграфа?

О.: Да, за исключением их применения к отдельным типам тестов обследования на полиграфе...

В.: Узко специализированных тестов?

М.Гуд: Ваша честь, свидетель пытается дать ответ.

Судья: Да, но свидетель... Я сожалею, но вопрос является специфическим, а свидетель дает общий ответ.

Свид.: Извините, Ваша честь, я не расслышал Вас.

Судья: Я отклонил возражение.

В.: В параграфе 2 Ваших письменных показаний... перед Вами есть показания?

О.: Нет, но я достану их, если Вам угодно.

В.: В параграфе 2 вы свидетельствуете: «Методы использования полиграфа для оценки достоверности высказываний людей...»

Судья: Помедленнее.

В.: «Методы использования полиграфа для оценки достоверности высказываний людей построены на основе базовых научных принципов и исследований в области психологии и психофизиологии человека». Это правильно?

О.: Да.

В.: Для начала, что это за «базовые научные принципы»?

О.: Базовые научные принципы имеют отношение к психофизиологии человека и касаются того, почему и как в теле человека возникают физиологические реакции.

Судья: Нет, нет. Я думаю, что понятие «базовые принципы» подразумевает перечисление этих принципов, их четкое определение.

Свид.: Извините меня, Ваша честь. Вы говорите о еще более общих вопросах?

В.: Какие базовые научные... это написано в Ваших показаниях, мистер Раскин, - «базовые научные принципы» Вы имеете в виду.

О.: Очень хорошо, если Вы хотите, чтобы я сейчас перешел к этому, пожалуйста. «Базовые научные принципы» используются для разработки эмпирически проверяемых гипотез, формулируемых на основе теорий и концепций науки...

Судья: «Базовые научные принципы» означает следующее. Если я беру два пушечных ядра, одно большое и одно маленькое, поднимаю их наверх Пизанской башни и бросаю вниз, то они оба приземлятся в одно и то же время. Вот это является «принципом». А говорить: «Если я поднимусь на вершину Пизанской башни, я буду исследовать общие идеи в отношении законов притяжения» - нет, это не базовый принцип. Мне больше нравится первое, а не последнее.

Свид.: Да, Ваша честь, именно поэтому я отвечал в терминах принципов психофизиологии.

Судья: Было бы понятней, если бы Вы сделали таким образом: «Принцип номер один такой-то, принцип номер два такой-то, принцип номер три такой-то».

Свид.: Да, я как раз...

Судья: Хорошо. Какой принцип номер один?

Свид.: Принципом номер один является то, что наше тело функционирует таким образом, что когда мы его стимулируем, то появляются определенные реакции. При этом необходимо учитывать условия, в которых предъявляются стимулы. Второе, физиологические реакции могут быть зарегистрированы с помощью прибора, такого как полиграф. Третье, когда все это делается в специально структурированных условиях, то можно производить измерения и интерпретацию этих реакций на основе уже известных критериев, которые позволяют нам различить лиц, говорящих правду, и тех, кто стремится ввести нас в заблуждение.

В.: Это и есть те базовые научные принципы, которые позволяют делать выводы о правдивости высказывания, это Вы утверждаете?

- О.:** В том смысле, как это обозначил Его честь, да. Потому что на практике это превращается, в конечном счете, в эмпирическую проблему, а именно, можно или нет применить эти принципы на практике для подтверждения получаемых результатов.
- В.:** Где этот базовый научный принцип описан?
- О.:** Имеется целый массив исследований в области психофизиологии человека, описанный в базовых учебниках.
- В.:** Каких учебниках? Назовите один из них.
- О.:** Ну, любой из учебников, рассматривающих законы психофизиологии, который начинается...
- В.:** У Вас есть название?
- О.:** Гринфилд, например, учебник Гринфилда...
- В.:** Этот учебник говорит о том, что существует базовый научный принцип, который позволяет использовать полиграф для определения лжи?
- О.:** Нет, Вы не дали мне закончить мой ответ.
- Судья:** Простите меня, но я думаю, профессор Раскин, что Вы, возможно неумышленно, все время сползаете от специфики к общему. Примером того, как я понимаю, что такое базовый принцип, является то, что давление крови изменяется в ответ на воздействие стимула. «Базовым принципом» не является то, что на этой основе опытный исследователь может сказать, что кто-то говорит ложь. Это скорее результат применения базовых принципов. Но когда Вы в Ваших показаниях говорите, что «методы использования полиграфа для оценки достоверности высказываний людей построены на основе базовых научных принципов», это предполагает, что в ответ на вопрос о том, «что Вы подразумеваете под базовыми научными принципами», Вы назовете принципы, а не будете говорить об использовании принципов. Я думаю, нам бы помогло, по крайней мере, помогло бы мне, если бы Вы могли, если я сформулирую это таким образом, каталогизировать то, что Вы имеете в виду, когда говорите о «базовых научных принципах».
- Свид.:** Я понимаю, Ваша честь. Думаю, мне надо пояснить. Использованный мной термин «построены на основе...» означает целый процесс. И потом, когда Вы сказали, что можете бросить ядра и видеть, как они приземлятся в одно то же время, это тоже относится к конечному результату. Так что, если Вы предпочитаете, чтобы я не заострял внимания на финальной стадии, то я согласен. Я просто не совсем понимаю, в чем собственно заключается вопрос, но базовые...

Судья: Хорошо, «строить на основе» означает, что если Вы применяете принципы, то Вы приходите к результату, к теории или к методу. И мы просим Вас сообщить нам, что собой представляют те блоки, на основе которых Вы строите свой метод, и вообще, что Вы строите.

Свид: Да, я понимаю, Ваша честь. На базовых принципах строятся методы, а не результаты. Методические приемы остаются методическими приемами, до того момента, когда можно сделать выводы. Таким образом, описанный метод включает автономное...

Судья: Простите меня, я не хотел прерывать Вас, но надо, чтобы Вы придерживались сути.

Свид: Да.

Судья: Итак, вопрос в том, что представляют собой принципы.

Свид: Да. Принципы заключаются в том, как я сказал перед этим, что тело человека определенным образом реагирует на определенные стимулы. Если Вы предъявляете различные типы раздражителей, то автоматически возникают определенные виды реакций, которые контролируются автономной нервной системой. Они включают ряд изменений, которые регистрируются с помощью полиграфа: изменения в электрокожной активности, или активности потовых желез на ладонях рук, изменения в давлении крови, изменения в дыхании. Это все может быть измерено с помощью приборов. Это стандартные процедуры в психофизиологии.

Судья: Вы, кажется, прошли мимо одного главного принципа, являющегося, как я понимаю, базовым. Он состоит в том, что — и я хотел бы, чтобы Вы поправили меня, если я неправ, но мне он кажется принципом, по крайней мере, на основании материалов, которые я читал, — что, если кто-то преднамеренно лжет, то обязательно наблюдаются физиологические реакции. Это является базовым принципом...

Свид: Нет, это относится к эмпирическим наблюдениям. Это то, что может быть зарегистрировано и измерено. Это применение тех принципов, о которых я сказал. Таким образом, метод подразумевает измерения, а происходит или не происходит фактическое изменение, является эмпирическим вопросом, который должен быть решен с помощью научных исследований.

Судья: Вы утверждаете, что это не является базовым принципом, лежащим в основе использования полиграфа, если человек лжет, то у него появляются реакции в вегетативной нервной системе, которые не наблюдаются, если он говорит правду? Вы хотите сказать

именно это?

Свид.: Нет, я говорю не это, Ваша честь. Я говорю, что это является частью теории применения полиграфа, это не является частью базовых принципов психофизиологии, это применение. Это выведено из... это специальное применение.

Судья: Таким образом, это не является научным принципом, не так ли? Я сформулировал это правильно? Итак, научным принципом не является то, что, если кто-либо говорит неправду, то давление крови поднимается, например?

Свид.: Это научный факт.

Судья: Это не принцип? По меньшей мере, это не является одним из принципов, о которых Вы говорили в параграфе 2 Ваших показаний. Я только хочу быть уверенным, что я точно понимаю то, о чем Вы говорите.

Свид.: Да, Ваша честь. А я хочу быть уверенным, что мои высказывания здесь являются понятными. Имеются две проблемы, которые заключены в этих вопросах: одна имеет отношение к науке, лежащей в основе метода, а другая имеет отношение к применению этой науки и этого метода для решения конкретной практической задачи, а именно, оценки достоверности, правды или лжи.

Судья: Нет, я не говорю о... Меня интересуют основы. Так, как я их понимаю, и я хочу, чтобы меня поправили, является ли это основой общей идеи обоснованности использования полиграфа...

Свид.: Да.

Судья: ...что физиологические изменения происходят в ответ на умственную активность. Или по-другому. Если Вы лжете, Ваше кровяное давление поднимается.

Свид.: Это один из примеров так называемых произвольных реакций, да.

Судья: Продолжайте.

М.Д.: Спасибо, Ваша честь.

В.: Вы знакомы с рентгеновскими лучами, это так?

О.: Простите?

В.: Рентгеновские лучи, Вы знаете о них?

О.: Да.

В.: Врачи обычно сравнивают один снимок кости с другим снимком кости?

О.: Да.

- В.:** А Вы знакомы с понятием «достоверная истина» (Ground Truth), это так?
- О.:** Да.
- В.:** Теперь, реакции, которые Вы регистрируете с помощью полиграфа и на основании которых Вы приходите к заключению о том, что человек лжет, конечно, не похожи на рентгеновские снимки, которые Вы можете количественно измерять и сравнить, не так ли?
- О.:** Процессы различные, но глубинные принципы те же самые.
- В.:** Глубинными принципами является то, что Вы можете перепроверить результат рентгена, не правда ли. Вы можете сравнить рентгеновский снимок одной и той же кости, полученный сегодня, со снимком, сделанным месяц тому назад, или десять лет тому назад. И сравнить их путем привлечения независимых экспертов и с использованием ясных количественных характеристик, не так ли?
- О.:** Да, хотя Вы...
- В.:** Но Вы не можете сделать то же самое с тем, что регистрирует полиграф?
- О.:** Извините меня. Вы всегда должны делать какие-то заключения в отношении того, на что указывают полученные данные.
- В.:** И эти заключения в случае рентгеновских снимков основаны на структуре кости, отложениях кальция и анатомии человека?
- О.:** Заключения, конечно, основываются на этом, но также на сделанных измерениях, которые также необходимы в качестве основы для заключения. Все это верно и для исследований с помощью полиграфа.
- В.:** Все это верно для исследований с помощью полиграфа? Вы свидетельствуете, что Вы можете сравнить количественный результат оценки реакции, полученной на контрольный вопрос, с количественным результатом оценки реакции, полученной на проверочный вопрос, и прийти к такому же точному заключению, как и при сравнении рентгеновских снимков?
- О.:** Это другой вопрос. Проблема точности является эмпирической. На самом деле вопрос заключается в том...
- В.:** Вы говорите, что заключения...
- Судья:** Нет, дайте ему закончить.
- О.:** Один вопрос относится к процессу и показывает, как Вы приходите к заключению, и это фундаментально является одним и тем же типом процесса, применяемого к различным проблемам. Вопрос о том, насколько точна интерпретация рентгеновского снимка и насколько точен полиграф - это эмпирический вопрос, вопрос опыта.

- В.:** И опытным путем на основе количественных данных Вы можете сравнить первый и второй рентгеновские снимки, не правда ли?
- О.:** Да, это можно сделать.
- В.:** А Вы можете сделать то же в случае с полиграфом?
- О.:** Да, могу.
- В.:** Исходя из убеждения, что контрольный вопрос создает основу для сравнения?
- О.:** Ну, мое убеждение состоит в том, что наблюдаемые различия в паттернах реакций, допускающие количественное измерение, предоставляют необходимую информацию для вывода.
- В.:** И что является основой, относительно которой измеряются реакции?
- О.:** Я не уверен, что понимаю Ваш вопрос.
- В.:** Не правда ли, что основа, относительно которой Вы измеряете реакции, находится в пределах того же теста, т.е. реакции на контрольный вопрос сравниваются с реакциями на проверочный вопрос, так ли это?
- О.:** Это зависит от того, как Вы количественно обрабатываете результаты конкретного теста, точно так же, как и в случае анализа рентгеновских снимков. Это совершенно другой набор данных, **другая природа** данных, но там и там это процесс измерения и количественной оценки.
- В.:** Но данные, полученные рентгеноскопией, являются подтверждаемыми, количественно определяемыми и проверяемыми при осмотре пациента и ощупывании его руки, не так ли?
- О.:** Не обязательно.
- В.:** Однако, они поддаются проверке, не так ли, физической проверке?
- О.:** Имеются различные показатели, которые могут быть использованы для подтверждения вывода рентгеновского исследования.
- В.:** Одним из которых является реальное, непосредственное подтверждение, не так ли?
- О.:** Я не понимаю, что Вы имеете в виду под «реальным и непосредственным подтверждением».
- В.:** Осмотр пациента.
- О.:** Да, но тогда по результатам осмотра Вы опять же делаете вывод, который также должен на чем-то основываться.
- В.:** Ну, если у пациента торчит кость из руки, то не надо долго приходить к выводу, не так ли?
- О.:** Нет, но тогда Вам не нужно делать рентгеновский снимок, чтобы узнать, что рука сломана.
- В.:** Но это определенно помогло бы Вам подтвердить вывод по рентгено-

грамме?

О.: Я не думаю, что помогло бы подтвердить заключение о состоянии, но помогло бы понять, как лучше лечить.

Судья: Хорошо, пусть будет так. Человек жалуется на боль в руке, возникшую после падения. Ничего не видно, нет никаких внешних признаков. Только рентгеновский снимок показывает перелом.

Свид: Да, Сэр.

Судья: Это можно проверить. Я думаю, что Мистер...

Свид: Рентгеноскопия дает Вам убедительные сведения в отношении причины боли.

Судья: И если у Вас есть рентгеновский снимок, сделанный у того же пациента и на той же руке шесть месяцев тому назад, и он не показывает перелома...

Свид: Да.

Судья: ...это укрепляет Ваши...

Свид: Тогда Вы предположите, что у пациента в то время рука не была сломана.

В.: Могли бы Вы дать определение «контрольной группе» в научном смысле?

О.: Контрольной группой в научной исследовании является группа, которая обеспечивает определенную основу для сравнения с экспериментальной группой, на которую производятся исследуемые воздействия.

В.: И контрольная группа в этом смысле контролируема, не так ли? Вам известно, каковы характеристики контрольной группы, так?

О.: До определенной степени.

В.: Например, можно рассматривать плацебо как контрольную группу для группы, которая получила определенное лекарство?

О.: Содержания воздействия на эту группу известно. Другие ее характеристики могут быть, а могут и не быть известными.

В.: Но Вы знаете, какое воздействие оказывается на контрольную группу. Это контрольная группа именно потому, что Вы знаете, как Вы на нее воздействуете, это правильно?

О.: Да, это верно, это основа для сравнения.

В.: Это основа. А в случае полиграфа так называемой «контрольной группой» является контрольный вопрос, это правильно?

О.: Нет, это полнейшее искажение смысла понятия контрольной группы.

В.: Это полнейшее искажение смысла контрольной группы?

- О.:** Это совершенно разные вещи. Это не группа, это не экспериментальное условие. **Тестирование на полиграфе не является научным экспериментом.** Это совершенно неправильно.
- В.:** Итак, Вы утверждаете, что это не научный эксперимент?
- О.:** Тестирование на полиграфе не является научным экспериментом, точно так же, как если бы Вы пошли к доктору и сделали ЭКГ, то это тоже не научный эксперимент. Это диагностическая процедура, базирующаяся на результатах научного эксперимента.
- В.:** Когда Вы проводите тестирование на полиграфе, что является основной, по которой Вы определяете истину? Являются ли основой ответы на проверочные вопросы и контрольные вопросы?
- О.:** Так, имеются две вещи, содержащиеся в вопросе, который Вы задали.
- В.:** Сэр, это не... Я задаю вопросы, требующие ответа «да» или «нет». Если Вы не можете понять их или Вы не можете ответить на них, пожалуйста, скажите об этом, и я перефразирую вопрос. Но если Вы хотите дать Ваш собственный ответ...
- Судья:** Нет. Послушайте, это очень просто, доктор. Вопрос заключается в том, как Вы узнаете, что является истиной для данного обследуемого, то есть для индивида, как образом Вы устанавливаете, что человек говорит правду, для того, чтобы потом установить, что он лжет?
- Свид.:** Проблема, которая поднимает этот вопрос, Ваша честь, заключается не в том, как устроен полиграф, и не в том, как делается вывод, и именно в этом-то и состоит проблема. Основа, о которой мы пытаемся говорить, кроется в данных, на основании которых мы делаем выводы. А также в том, какие измерения мы делаем для того, чтобы приходиться к выводам, которые делаются на основе научных данных. Во время теста на полиграфе мы регистрируем определенные типы реакций, и именно различия в реакциях на контрольные и проверочные вопросы, как по величине, так и по паттерну, составляют базу для последующих выводов. Затем полученные результаты соотносятся с имеющимися научными данными, на основании которых, в случае наличия устойчивых реакций определенного типа, делается **вероятностный вывод**, о том, что они, возможно, связаны с ложью. Если же мы имеем устойчивые реакции другого типа, то это, скорее всего, может указывать на искренность. То же самое справедливо и для электрокардиографии. Когда Вы оцениваете функцию сердца, Вы не измеряете непосредственно состояние миокарда на предмет наличия в нем болезни. Вы измеряете электрические характеристики среды. Вы на-

ходите в них определенные признаки и затем Вы сопоставляете их с совокупностью данных, полученных на больших группах обследованных людей, у которых была или отсутствовала эта болезнь. И если обнаруженные Вами на ЭКГ признаки ассоциируются с этой болезнью, то тогда Вы можете сделать научно обоснованный вывод о том, что Вы, вероятно, имеете дело с конкретной болезнью сердца. Вот так же работает полиграф.

Судья: Да. Но при обследовании на полиграфе Вы не оцениваете одного человека, сравнивая его с рядом других людей, имеющих такие же характеристики. То, что Вы делаете, по меньшей мере, как мне стало ясно из прочтенных мною различных материалов, Вы оцениваете, что происходит с физиологией человека, когда он говорит правду. И Вы также оцениваете, что происходит с физиологией человека, когда он обманывает. И затем Вы берете проверочные вопросы, то есть вопросы, которые имеют отношения к расследуемому событию, и сравниваете реакции человека на эти вопросы со своим представлениями о том, как должны выглядеть эти реакции, когда человек говорит правду или когда он, наоборот, обманывает. Именно в этом состоит суть процесса? Если это не так, скажите мне.

Свид.: Да, отчасти это соответствует процессу. Но к этому же процессу относятся и результаты предшествующего изучения на большой группе испытуемых характера реакций, сопутствующих правде и лжи, на основании которого появляется возможность делать корректные выводы о правдивости или лжи конкретного человека в условиях конкретного тестирования. Смысл здесь в различиях, и когда различия постоянно проявляются в больших исследованных группах, то это позволяет утверждать: «Когда я осуществляю такие-то действия с человеком, и картина развивается таким-то образом, и это соответствует изменениям, наблюдавшимся на большой группе людей, которые в действительности говорили правду, то делается вывод о том, что и данный конкретный испытуемый говорит правду. Или если наблюдаемая картина имеет характерные отличия и соответствует тому, что наблюдается в большой группе людей, говорящих ложь, то, соответственно, делается вывод о лжи».

Судья: Не нужно ли Вам сначала накопить такие данные, характерные для конкретного человека, прежде чем Вы начнете сравнивать его с другими?

Свид.: Нет, мы должны собирать эти данные в ходе научных исследова-

ний на большом объеме людей, а потом на их основе делать вывод в отношении информации полученной от конкретного человека. Точно так же как в рентгеноскопии: умение читать рентгеновские снимки базируется на обширном опыте, свидетельствующем о том, что появление определенных линий и теней на рентгенограмме соответствует определенным патологическим состояниям.

Судья: Послушайте, если Вы... Предположим, кардиолог сделал ЭКГ в тот момент, когда не было никаких проблем с сердцем. Он будет использовать эту кардиограмму как основу для последующего сравнения. Затем при прохождении ежегодного врачебного обследования, кардиолог снова сделает ЭКГ и будет сравнивать последнюю запись с той предыдущей. Теперь скажите, что является аналогом кардиограммы, которая используется для сравнения с последующими записями ЭКГ, в случае исследования человека на полиграфе?

Свид. Ну, Ваша честь, здесь нельзя проводить прямые аналогии с ЭКГ. Прежде всего, у нас нет материала, аналогичного предварительной ЭКГ, мы только имеем человека, который показывает определенные симптомы. И наша задача заключается в том, чтобы диагностировать, что именно эти симптомы означают. Вы берете человека и проводите с ним тест со стрессовым воздействием. Вы измеряете его электрокардиограмму до того, как он поднимется и спустится по лестнице сто раз, а затем Вы измеряете ЭКГ после этого. Затем Вы сравниваете запись, сделанную перед нагрузкой, и запись, сделанную после нагрузки. Вы видите, что появились определенные изменения, которые позволяют Вам сделать вывод о состоянии человека именно в данный момент после нагрузки. Потому что мы знаем на основе большого объема научных данных, что если люди находятся в определенном состоянии, то в условиях воздействия нагрузки у них появляются вполне определенные признаки. Аналогией с полиграфом является то, что Вы предъявляете испытуемому контрольные вопросы, или, точнее, вопросы для сравнения, и Вы наблюдаете возникающие реакции. Затем Вы предъявляете проверочные вопросы и наблюдаете соответствующие им реакции. Затем Вы сравниваете эти реакции и устанавливаете величину и направленность различий между ними. Затем Вы сравниваете обнаруженные Вами различия с аналогичными различиями, обнаруженными ранее в результате исследований на больших группах людей, в отношении которых было точно известно, что они говорили ложь или правду, и Вы смотрите, что чему соответствует.

Судья: Хорошо, что является аналогией с... и что... Извините меня, дайте мне начать заново. Что в контексте использования полиграфа является аналогией с ЭКГ, сделанной перед началом теста с лестницей?

Свид: Это могут быть контрольные вопросы или, иначе, вопросы для сравнения. Они обеспечивают уровень отсчета для конкретного человека. Но реакции на них не могут быть истолкованы изолированно сами по себе, потому что они используются только в сравнении с реакциями на проверочные вопросы, только различие в реакциях указывает на состояние испытуемого, на обман или правдивость.

Судья: Да, но то, что вызывает эту дискуссию и что смущает меня, так это то, как Вы подбираете контрольные вопросы, в отношении которых Вы можете быть уверены, что ответы на них являются правдой.

Свид: Нет, Ваша честь, наоборот. Контрольные вопросы, или, точнее, вопросы для сравнения, в методе контрольных вопросов, подготавливаются таким образом, чтобы побудить испытуемого к ложным ответам на них или вызвать у него сомнения относительно правдивости этих ответов, в частности, если Вы используете в качестве контрольных вопросы «вероятной лжи» (probable lie questions), или Вы инструктируете испытуемого специально лгать на определенные вопросы при использовании в качестве контрольных так называемые вопросы «управляемой лжи» (directed lie questions).

Судья: Хорошо, все равно это вопросы, так или иначе базирующиеся на правде. Или они базируются на правде, поскольку ответы на них действительно правдивы, или же они базируются на правде, потому что достоверно известно, что ответы на них ложные.

Свид: В принципе всегда известно, что они ложны, особенно в случае методики «управляемой лжи», когда они изначально создаются как предполагающие ложные ответы.

Судья: Ладно, жаль, конечно, что Вы так и не прояснили полностью эту проблему для меня, но я позволю адвокату продолжать.

Свид: Я с удовольствием попытался бы сделать это еще раз.

В.: Вы сказали, что базисом для сравнения является контрольный вопрос, это правильно?

О.: Вопрос, используемый для сравнения, часто называют «контрольным вопросом», но правильнее его так и назвать – «вопрос для сравнения».

- В.** «Вопрос для сравнения» был бы лучшим названием?
- О.:** Да.
- В.:** То есть он не является контролем, в смысле не является контролем в научном понимании этого термина?
- О.:** Нет, мы имеем дело не с научным экспериментом.
- В.:** Итак, термин «контрольный вопрос» на протяжении многих лет являлся искажением его сущности, это правильно?
- О.:** В действительности изначально его не называли «контрольным вопросом», этот термин как-то вполз в литературу, и его следует признать литературной ошибкой.
- В.:** Но он продолжает использоваться, термин «контрольный вопрос»?
- О.:** Да.
- В.:** Хорошо, в ходе перекрестного допроса примерно пять минут назад, отвечая на вопрос Суда, Вы указали, что научным фактом является наблюдение, что кровяное давление человека увеличивается, когда он говорит неправду?
- О.:** Это феномен, который можно продемонстрировать.
- В.:** Это является научным фактом?
- О.:** Да.
- В.:** Подъем кровяного давления является физиологической реакцией, правильно?
- О.:** Правильно.
- В.:** В 1986 году Вы написали статью для журнала «Обзор законов штата Юты»?
- О.:** Да, написал.
- В.:** Это точно? И в ней Вы описали свое свидетельство в суде в феврале того же года по делу «Государство против Грэхема».
- О.:** Да.
- В.:** И в ней Вы написали, что «не существует специфических признаков физиологической реакции, которые были бы характерны только для состояния, когда человек говорит ложь».
- О.:** Это так.
- В.:** Но тогда, каким же образом может быть научным фактом увеличение давления крови в тот момент, когда человек лжет, если не существуют специфические признаки физиологической реакции. характерные для лжи?
- О.:** Нет, Вы опустили в Вашей формулировке вопроса одну важную вещь, а именно слова «характерны только для...». Явление повышения кро-

вяного давления в тот момент, когда человек лжет, действительно имеет место, но оно наблюдается и в других ситуациях. Оно не является уникальным только для лжи.

В.: Итак, по Вашему свидетельству, абсолютным научным фактом является то, что кровяное давление человека повышается, когда он говорит неправду?

О.: В целом. Не у каждого, но у многих...

В.: То есть это не является научным фактом?

О.: Простите?

В.: Тогда это не научный факт, не так ли?

О.: О, да, это научный факт, но это вопрос **вероятности**, а не отсутствия закономерности.

В.: Сэр, если это не происходит в определенных условиях, то это не научный факт.

О.: Фактом в науке является то, что это происходит в большинстве условий, это является научным фактом.

В.: Фактом является то, что происходит в большинстве условий? Нет, значит, это не является научным фактом, что у человека повышается кровяное давление, когда он лжет. Фактом является то, что это явление происходит чаще всего.

О.: У каждого человека можно наблюдать это явление, но не абсолютно во всех ситуациях. Именно поэтому нужно регистрировать и измерять больше, чем один физиологический показатель.

В.: Так, в процессе... другие раздражители тоже могут вызвать сходные физиологические изменения, не правда ли?

О.: Да, как раз это я и хотел только что сказать.

В.: К этим раздражителям может относиться боль в желудке?

О.: Может.

В.: Или сердце, перебои в работе сердца, или что-либо подобное?

О.: Возможно.

В.: Болезни сердца, высокое или низкое давление крови?

О.: Ну, не столь общие состояния, подобные названным, нет.

В.: Но боли в желудке могли бы?

О.: Если у человека постоянно высокое давление крови, тогда...

В.: Но время от времени меняющееся кровяное давление могло бы?

О.: Простите?

В.: Если у человека давление крови все время колеблется, то причины.

ведущие к колебаниям кровяного давления...

О.: Другими словами, нестабильное кровяное давление. Да, при неустойчивом кровяном давлении. Да. Тогда это могло бы произойти случайно как раз во время предъявления вопроса и ответа на него. Да.

В.: А если у человека в это время появится боль в желудке, это могло бы повлиять?

О.: Вполне возможно. Боль или что-нибудь подобное могут приводить к появлению физиологических реакций.

В.: Если человек испытывают состояние, которое могло бы повлиять на активность потовых желез, это тоже могло бы отразиться на реакциях?

О.: Могло бы.

В.: И информация, которую Вы получаете в ходе тестирования на полиграфе, исходит в основном от тестируемого лица, не правда ли?

О.: Не обязательно, нет.

В.: В таком случае, откуда Вы получили информацию, относящуюся к делу Луизы Вудворд?

М.Гуд: Какую информацию Вы имеете в виду?

М.Д.: Любую информацию, которую он использовал при проведении теста.

Судья: Достаточно справедливо.

О.: Я использовал очень обширный набор документов.

В.: Что содержалось в этих документах?

О.: Медицинские отчеты, полицейские отчеты, отчеты об опросах различных свидетелей, включая Миссис Вудворд, все основные факты дела, полученные в процессе расследования.

В.: Далее, Вы заявляете, что, в параграфе три на странице два, «техника физиологических измерений в целях детекции лжи развивалась и подвергалась научной оценке на протяжении почти ста лет, так что наиболее широко используемые методы тестирования на полиграфе базируются на общепринятых научных принципах».

О.: Да.

В.: «Почти сто лет». Другими словами, научные исследования связанные с полиграфом начались где-то в 1897 году?

О.: Я думаю, что самое первое исследование было опубликовано Чезаре Ломброзо в Италии в 1895 году и Бенусси в Италии в конце девяностых годов 19-го века.

В.: Далее, Вы заявляете, что «это базируется на общепринятых научных

принципах». Каких же?

О.: Принципах психофизиологии, которые я сформулировал ранее.

В.: Несмотря на тот факт, что отсутствуют физиологические реакции, которые возникают в тот момент, когда человек говорит ложь?

О.: Правильно. В действительности, методология, применяемая при обследованиях на полиграфе, никогда не опиралась на эту концепцию специфических реакций, за исключением самых ранних методик, известных под общим названием «техника значимых/незначимых вопросов», которые ошибочно строились с учетом этой концепции. И это именно то, о чем я свидетельствовал в самый первый раз в 1970 году.

В.: Далее, на странице три Вы указываете: «Твердо установлено, что ложный ответ на такой вопрос, как «Вы намерено нанесли телесные повреждения, которые привели к смерти Мэтью?», с высокой степенью вероятности вызовет выраженную физиологическую реакцию во время проверки на полиграфе».

О.: Да.

В.: Для кого это является «твердо установленным»?

О.: Для всех, кто знаком с научной литературой.

В.: Эти «все», включая профессора Сакса, профессора Яконо, профессора Ликкена, будут согласны с этим, это так?

О.: Нет, это не совсем то, о чем я сказал. Я не думаю, что профессор Сакс согласится с этим, поскольку я не уверен, что профессор Сакс знаком с той литературой, которая позволила бы ему сделать это. Профессор Яконо своими собственными исследованиями подтверждает, что именно так и происходит.

В.: Таким образом, Ваша позиция состоит в том, что профессор Сакс просто не допонимает, а не то, чтобы он был не согласен?

О.: Ну, могут быть другие причины, почему он говорит это, однако очевидно...

В.: Но Вы сказали...

О.: Извините меня. Очевидно, что его позиция не соответствует научной литературе.

В.: Вы утверждаете, что профессор Сакс фундаментально неправильно понимает информацию, не так ли?

О.: Я думаю, он путает...

В.: Вы сказали это?

О.: Да, он принципиально ошибочно смешивает концепцию специфиче-

ской реакции, сопровождающей ложь, с реально действующими принципами, положенными в основу проверки на полиграфе.

В.: И это Ваша позиция, что он не понимает указанных отличий, а не просто высказывает свое несогласие с Вами?

О.: Его статьи показывают...

В.: Ответьте, да или нет?

О.: ... что он не понимает этого.

В.: Это Ваше личное толкование, что он не понимает этого?

О.: Ну, я думаю...

В.: Это правильно?

О.: Я думаю, это очевидно.

В.: «Это очевидно»? Это также очевидно для «Журнала прикладной психологии», узко специализированного профессионального издания, который публикует его работу, то, что он не понимает этого?

О.: Я не думаю, что он когда-либо опубликовал статью о полиграфе в «Журнале прикладной психологии».

В.: Вы читали какие-либо его статьи?

О.: Я читал все его статьи, которые мне были известны.

В.: Вы читали все его статьи?

О.: Все, которые мне были известны, и их не очень много.

В.: «Он не написал очень много статей», это Ваше утверждение?

О.: Он написал, как я оцениваю, около...

В.: Я говорю о «статьях» вообще.

О.: Простите?

В.: Я говорю о «любых статьях». Вы сказали...

О.: Я говорю о статьях по полиграфу.

В.: Ну, в таком случае Вам необходимо заявлять об этом в Вашем ответе, Сэр.

О.: Я думал, что это именно то, о чем Вы меня спрашиваете.

В.: Далее, Вы указываете: «Поскольку проверочные вопросы являются очень важными и потенциально угрожающими для испытуемого, многие люди могут реагировать на эти вопросы, даже когда отвечают на них правдиво».

О.: Да.

В.: «Угрожающими» в каком смысле?

О.: В том, что эти вопросы касаются важных проблем, что последствия

появления реакций в ответ на них могли бы быть серьезными для человека.

В.: В смысле заключения в тюрьму или смертной казни?

О.: Или даже в том смысле, что я или Вы будете считать, что он лжет, конечно, в зависимости от обстоятельств.

В.: Наверняка угроза будет больше, если в перспективе имеется заключение в тюрьму, чем в случае простого сомнения в искренности человека с улицы, не так ли?

О.: Я предполагаю, что в такой крайней ситуации, да. Но есть люди...

В.: Таким образом, эти тесты проводятся в ситуации, когда угрозой, в особенности это относится к рассматриваемому нами сегодня тесту, является возможность оказаться в тюрьме без права быть отпущенным под честное слово?

О.: Да.

В.: Значит, угрозой являются быть признанным лгушим и, в результате такой оценки, быть обвиненным и заключенным в тюрьму?

О.: Да, в этой ситуации это было бы потенциально наибольшей угрозой.

В.: Итак, это угроза или страх быть уличенным во лжи, это правильно?

О.: Да, если это ложь.

В.: Но основой для теста является то, что Вы внушаете испытуемым, что они должны говорить правду на определенные вопросы, для того чтобы Вы имели возможность сравнивать, когда они говорят правду или лгут, это так?

О.: Я внушаю им представление, что я нахожусь здесь для того, чтобы определить, говорят ли они правду по интересующему вопросу.

В.: И это фактически формирует угрозу или озабоченность в отношении ответов на проверочные вопросы, не правда ли?

О.: Это несомненно усиливает данные состояния. Однако, испытуемые, возможно, испытывали эту озабоченность уже до того, как я вошел в комнату, так как они знают о том, что мы намереваемся делать.

В.: Вы когда-нибудь применяли полиграф по поручению правоохранительных органов?

О.: Да.

В.: Скажите, отличаются ли условия использования полиграфа по поручению правоохранительных органов от его применения по поручению адвоката подозреваемого лица?

О.: В смысле методики проведения тестирования на полиграфе?

В.: В смысле Вашего подхода к делу.

О.: Нет, нет никакой разницы вообще.

В.: Я имею ввиду закономерности реагирования, которые Вам известны из литературы или собственных исследований.

О.: Нет, в используемой мною технологии проведения теста, нет.

В.: А если тест проводят другие специалисты?

О.: Ну, все будет зависеть от того, как они делают это. Если они склонны к предубеждению или злоупотреблению, тогда все может быть по-другому.

В.: Является ли фундаментальной целью, когда человек... нет, не записывайте это. На странице три Вашего письменного свидетельства Вы заявляете, что «независимо от типа используемого контрольного вопроса, ожидается, что лгущий или виновный испытуемый будет демонстрировать более сильные реакции на проверочные вопросы, из-за опасения быть уличенным во лжи при ответе на них».

О.: Да.

В.: «Опасение». Является ли это тем же страхом или угрозой, о которых мы только что говорили?

О.: Ну, это мог бы быть предельный страх. Однако «страх» является техническим понятием, которое мы используем для обозначения определенных состояний, которые не всегда присутствуют во время обследований на полиграфе. С одной стороны «страх» - это очень сильная эмоция. Но «страхом» в более общем смысле также называются состояние испуга, озабоченности, беспокойства, боязни. Все это называют «страхом».

В.: По существу, это то разнообразие, с которым Вы имеете дело во время испытаний на полиграфе, это так?

О.: Ну, Вы должны иметь это ввиду и держать под соответствующим контролем.

В.: Я понимаю. Но это как раз то, что Вы стараетесь в определенной степени внушить испытуемому?

О.: Ну, обычно в этом нет необходимости: они уже приходят в «достаточном» состоянии страха. Напротив, самой большой проблемой является снижение этого состояния до управляемого уровня.

В.: Так чтобы реакции могли быть... Ну, какой должен быть уровень различий? Если контрольный и проверочный вопросы приводят к одинаковым ответам, какая разница, был ли у испытуемого высокий или низкий уровень страха?

О.: Если человек во время испытания на полиграфе является сильно встревоженным или налуганным, его внимание может быть настолько

рассеянным, рассредоточенным, что Вы не сможете провести тест должным образом. Вы должны сконцентрировать их на исследуемом вопросе, а высокий уровень страха может сделать невозможным даже технически проведение теста надлежащим образом.

В.: Вы заявили, правда ли это или нет, что если у человека есть какие-то проблемы с сердцем, то эти проблемы будут проявляться на протяжении всего теста?

О.: Не обязательно.

В.: Но это может быть?

О.: Если говорить о высоком кровяном давлении, то, скорее всего, да. Но есть другие дисфункции сердца, такие как нарушение сердечного ритма, асистолии и экстрасистолии, которые имеют свойство спонтанно появляться и исчезать в ходе исследования на полиграфе.

В.: Высокое кровяное давление. Вы можете вызвать повышение давления крови у человека во время теста на полиграфе?

О.: О, да.

В.: И это не будет помехой?

О.: Нет.

В.: Но в то же время Вы говорите, что страх или озабоченность могли бы быть помехой.

О.: Ну, чрезмерный страх, то есть такое состояние, когда человек дезорганизован и рассеян, может стать препятствием для любого типа психологической диагностики, да, и медицинской диагностики...

В.: Но Вы указали...

О.: Человек в этом состоянии непригоден для обследования и оценки.

В.: Вы указали, что всезахватывающий страх является предельным и весьма редким состоянием?

О.: Это необычное состояние, да.

В.: Таким образом, Вы можете выделить фактор, связанный с высоким уровнем обеспокоенности или сильным страхом?

О.: Простите, «выделить фактор»...?

В.: Могли бы Вы выделить этот фактор в Вашем тесте как помеху, является это помехой для теста, если у человека имеется высокий уровень озабоченности или страха в связи с потенциальной угрозой, связанной с неудачным результатом теста?

О.: Нет, до тех пор, пока это не мешает...

В.: А если говорить о запредельных уровнях?

О.: Нет, большинство людей испытывают это состояние, и, конечно, вся

процедура проверки на полиграфе строится так, чтобы снизить это состояние до управляемого уровня.

В.: Далее, Вы свидетельствовали в 1989 году в Массачусетсе, так ли это, в деле «Государство против Мендеса»?

О.: Мне кажется, это было в 1988 году.

В.: Вы свидетельствовали в деле «Государство против Мендеса»?

О.: Я свидетельствовал в этом деле, да.

В.: И Вы свидетельствовали на стороне защиты, не правда ли?

О.: Я был приглашен защитой.

В.: И Вы свидетельствовали со стороны защиты?

О.: Они пригласили меня как свидетеля.

В.: И как результат Вашего свидетельствования определенные, приведенные Вами статистические данные были приняты в качестве вещественного доказательства, не так ли?

О.: Да, в результате моего свидетельского показания.

В.: И затем, как результат всего этого, Массачусетс ввел полный запрет на применение полиграфа, не правда ли?

О.: Но не на основании выводов Судьи, который выслушивал мои показания.

В.: Я спрашиваю Вас не об этом, Сэр. Я спрашиваю Вас о том, в каком состоянии стала правоприменительная практика в штате Массачусетс в результате этого дела?

О.: О, по этому делу, но не по моим показаниям самим по себе, они приняли постановление, и это постановление запрещало использовать полиграф. А Высшая Судебная Палата ...

В.: При всех обстоятельствах.

О.: Но Судья, слушавший мои показания, принял противоположное решение.

В.: Сэр, мне не интересно, что сделал Судья.

Судья: Хорошо, хорошо, хорошо.

В.: Далее, в исследованиях Вы определяете многие закономерности на основе так называемой «достоверной истины» (ground truth), это так?

О.: Да.

В.: «Достоверная истина» является реальностью того, что фактически имело место?

О.: Ну, «достоверная истина» является лучшим подходом для описания реальности из того, что у нас есть. Никто никогда не знает реальность

с абсолютной определенностью, в том смысле, думаю, как Вы говорите. Это философская проблема. Но никто не знает...

- В.:** Ну, а люди, являющиеся объектом Ваших тестов, знают, совершили они эти преступления или нет?
- О.:** Мы предполагаем, что они знают. И мы исходим из того, что они знают, и мы надеемся, что мы правы.
- В.:** То есть Вы говорите, что это самое лучшее, к чему Вы можете прийти в результате использования полиграфа?
- О.:** Нет, я не сказал этого. Я просто сказал, что когда Вы говорите о «реальности» в том смысле, какой Вы вложили в нее, то это слишком сильное утверждение. В лаборатории мы, конечно, можем создать условия, обеспечивающие практически полную определенность.
- В.:** Я говорю о сфере деятельности вообще, а не о конкретном тесте.
- О.:** В ходе реальных практических применений полиграфа мы получаем данные и информацию, которые используем в качестве оценки «достоверной истины» и которые, как мы надеемся, отражают действительность.
- В.:** Далее, Вы также написали критическую статью в 1986 году в «Обзоре законодательства Юты», где Вы высказывали определенные критические замечания по поводу лабораторных тестов, не так ли?
- О.:** Ну, я не очень понимаю, что Вы имеете в виду под «критическими замечаниями».
- В.:** Вы указывали, что небольшое количество испытуемых является проблематичным для убедительных выводов.
- О.:** Это возможно, но в зависимости от конкретных лабораторных исследований.
- В.:** А также то, что студенты, которых нанимают исследователи, такие же, как и Вы сами, для экспериментов с так называемыми «мнимыми преступлениями», не то, что не воспроизводят, но даже не отражают уровня стресса, характерного для реальной жизни.
- О.:** Я думаю, Вы перефразировали то, что я сказал и ...
- В.:** Подождите, я сейчас найду это. Вот: «Поскольку ситуации в лаборатории не являются реальными жизненными ситуациями, особенно в смысле отрицательных последствий неудачного прохождения теста и выгоды в случае удачного прохождении теста, требуются дополнительные исследования для оценки действительной точности проверок на полиграфе, осуществляемых в реальных уголовных расследованиях».
- О.:** Абсолютно верно.

В.: Хорошо. Но это было в 1986 году. И Вы все еще продолжаете исследования, подобные этим?

О.: Это была моя позиция в то время и это моя позиция сегодня.

В.: Значит, проведенных исследований точности пока еще не достаточно?

О.: С моей точки зрения, требуются более масштабные исследования в реальных условиях по этой теме.

В.: Значит, Вам необходимы исследования в реальных условиях, чтобы подтвердить научную обоснованность метода, не так ли?

О.: Да, чтобы подтвердить обоснованность его практического применения.

В.: Таким образом, Вы говорите, что Вы свидетельствуете сейчас, что практическое применение полиграфа научно не обосновано?

О.: Нет, я совсем этого не говорил.

В.: Тогда зачем нам необходимо больше исследований?

О.: Я говорил в то время, когда писал это, что были основания для того, чтобы провести дополнительные исследования или...

В.: И Вы продолжаете так думать сейчас?

О.: Простите, могу я закончить свой ответ? Дополнительные исследования всегда желательны, потому что они создают более прочную основу для всего, что создается в любой области науки. Но сегодняшний уровень исследований определенно адекватен для того, чтобы ответить на вопрос, являются или нет тесты на полиграфе в этой области научно обоснованными и эффективными.

В.: Значит, Вы хотели бы продолжать исследования ради исследований.

О.: Мы всегда можем узнать больше полезного при проведении дополнительных исследований, и это справедливо и в медицинской науке, и в физике, и в химии. Мы всегда узнаем больше, но это не значит...

В.: Необходимы ли дополнительные исследования, чтобы искоренить оспу?

Судья: Подождите...

М.Д.: Он утверждает, что необходимо узнавать больше в любой научной области. Но это не то же самое.

Судья: Знание чудесно.

Свид.: Именно так функционирует наука.

В.: Продолжим. Вы также указываете, что уровень ошибок... Вы помните уровень ошибок, о котором говорили в 1989 году?

О.: Да.

В.: Вы помните точно значение уровня ошибок, о которых Вы свидетель-

ствовавали в 1989 году в ходе дела «Государство против Мендеса»?

О.: Просмотр текста помог бы освежить мою память, поскольку это было восемь лет тому назад.

Судья: Почему Вы не покажете свидетелю то, о чем Вы говорите?

В.: Вы помните, Вы сказали, что «точность составляет 97% в определении виновности и 92% в определении невиновности», это верно?

О.: Это базировалось на усредненных данных исследований, думаю, полученных в лаборатории.

В.: Хорошо. Также были исследования, представленные в деле Мендеса, в которых точность составляла 84% для виновных и 53% для невиновных. Вы помните это?

О.: Да, такие данные представлялись, но...

В.: Представлялись на слушании по делу Мендеса?

О.: Имеются исследования с такими результатами. Результаты исследований всегда варьируются, так, что мы должны полагать - это усредненные данные.

Судья: В деле Мендеса были представлены три разных исследования, по крайней мере, исследования, на которые ссылался Верховный Судья. Они показывали широкий разброс оценок в отношении точности выявления невиновности и виновности. Но давайте продолжать.

В.: Вам известно об «Обзоре законов штата Северная Дакота», написанном профессором Хонтсом?

О.: Да.

В.: И была ли у Вас возможность взглянуть на таблицы в конце этой статьи?

О.: Да.

В.: Если так, заметили ли Вы разницу в числовых значениях, представленных в деле Мендеса, и числах, которые также были приведены в таблицах?

О.: Да, потому что в этих таблицах представлены данные, которых еще не существовало во время дела Мендеса.

В.: Но эти данные изменились?

О.: Да. При этом более поздние данные показывают более высокую точность метода в реальных условиях.

В.: Но они также указывают, что точность может быть низкой, не так ли? По-прежнему имеется широкий разброс, не так ли?

О.: Да, старые данные продолжают существовать и новые данные не

уничтожают их. Однако тенденции в более современных данных, особенно в работах доктора Хонтса и в нашей работе с Секретной Службой США, показывают все более высокую точность.

В.: О Вашей работе с Секретной Службой США. Вы имеете в виду неопубликованное исследование 1988 года, именно это Вы имеете в виду, когда говорите об этом?

О.: Я ссылаюсь на исследование, которое проводилось в течение трех лет и заключение о котором было написано в 1988 году.

В.: Тогда ответ на мой вопрос будет «да»? Вы ссылаетесь именно на это исследование?

О.: Да, я ссылаюсь именно на это исследование.

В.: Если Вы посмотрите на таблицы, Вы увидите достаточно сходные числа, характеризующие как верхние, так и нижние оценки в таблицах один и два, которые сравнимы с данными в деле Мендеса?

О.: Вы говорите о результатах индивидуальных исследований?

М.Д.: Да.

О.: Или Вы говорите об усредненных значениях?

М.Д.: Да, абсолютно.

О.: Так об индивидуальных исследованиях или усредненных значениях?

В.: Так, Вы видите значения 100%, которые выше, чем те, что приводятся в деле Мендеса; и Вы видите значения 45%, которые оказываются ниже приводимых в деле Мендеса, это правильно?

О.: В этих таблицах много разных чисел, да.

Судья: Где это число «45»?

М.Д.: Таблица два, Ваша честь. «Высококачественные исследования в реальных условиях, скорректированные взвешенные средние значения и проценты».

Судья: Вы говорите о странице 1019 «Обзора законов Северной Дакоты»?

М.Д.: Да.

Судья: Где эти 45%? А, я вижу, в самом низу. Да, все в порядке, спасибо.

В.: Далее, у Вас была возможность познакомиться с показаниями Луизы Вудворд, прежде чем проводить с ней тест на полиграфе?

О.: Ее заявление полиции?

В.: Ее заявление полиции.

О.: Да.

В.: Теперь, я хочу обратить Ваше внимание на вопрос восемь: «4 февраля 1992 года Вы ударили или били Мэтью по голове?»

О.: Вопрос восемь?

В.: Да, думаю, это вопрос R-1 (проверочный № 1).

О.: Вопрос R-1, да.

В.: R-1. Именно этот вопрос Вы задавали, правильно?

О.: Да.

В.: Так, в своем заявлении обвиняемая пишет, цитирую, что она «уронила ребенка». Вы читали это, правильно?

М.Гуд: Это полиция заявляет, что она так сказала. Это высказывание не является заявлением Луизы Вудворд, это показание сотрудника полиции.

Судья: Очень хорошо.

В.: Вам известно, что заявление о том, что она «уронила ребенка», приписывали обвиняемой?

О.: Так говорится в отчете полиции.

В.: Вам было известно об этом заявлении, не правда ли?

О.: Да, я прочитал об этом в отчете полиции.

В.: Но понятие «ударил или били» не включает «уронили», не правда ли?

О.: Правильно.

В.: Итак, если в действительности обвиняемая уронила ребенка, а Вы спросили «ударил Вы или били», обвиняемая могла бы не обратить внимания на этот вопрос, на самом деле уронив ребенка, не так ли?

О.: Думаю, это маловероятно.

В.: Но это могло случиться?

О.: Возможно.

М.Д.: Спасибо.

О.: Но маловероятно.

М.Д.: Спасибо.

Судья: Минутку. Вы утверждаете, что, если Вы спросили ее: «Вы ударили или били Мэтью по голове», а она, фактически, не ударяла и не била его по голове, но уронила его, тем не менее, она все равно будет реагировать на этот вопрос?

Свид.: Она, вероятнее всего, среагировала бы на этот вопрос, если бы она лгала о том, что уронила его, и если бы при падении он ударился головой.

Судья: Но Вы не задали этого прямого вопроса, вот что смущает меня. Вы не поставили вопрос: «Вы ударили, били или уронили Мэтью», а спросили: «Вы ударили или били Мэтью». И человек мог внима-

тельно прислушаться к этому вопросу и сделать заключение, что он не ударял и не бил Мэтью, и честно ответить Вам: «Нет, я этого не делал», зная в то же самое время, что он уронил Мэтью.

Свид.: Простите, в чем вопрос, Ваша честь?

Судья: Вопрос в том...

Свид.: Почему она должна была бы среагировать на него?

Судья: Нет. Вопрос в том, была ли у нее возможность не среагировать на этот вопрос, то есть не продемонстрировать реакции, характерные для обмана?

Свид.: Конечно, есть возможность, что она могла бы не среагировать на этот вопрос, если все было точно так, как Вы говорите. Но нужно истолковывать этот вопрос в контексте всего обсуждения, и в том смысле, что означают эти вопросы, и в смысле того, в чем она обвиняется. Если бы подозрения были связаны только с тем, что она уронила ребенка на голову, и Вы не задавали бы никаких других вопросов, кроме этого, то была бы возможность, что она не среагировала бы на этот конкретный вопрос. Но это не типично для того, что происходит во время теста на полиграфе. Если людям задают прямой вопрос, связанный с серьезным происшествием, в котором они обвиняются, подобно нанесению повреждения ребенку, даже если Вы задаете вопрос не в совсем корректной семантической форме, то если они лгут о своей причастности и видят серьезность последствий, обычно они демонстрируют сильные реакции. И имеется много документальных подтверждений того, даже в работах профессора Яконо.

Судья: Мне все-таки кажется, что есть разница между высказыванием «Вы ударили или били Мэтью по голове», являющимся узко специфичным...

Свид.: Да.

Судья: ... и таким вопросом, как: «Случилось что-нибудь с Мэтью, когда Вы ухаживали за ним?»

Свид.: Да. И именно поэтому специально введен вопрос номер четыре: «Вы намеренно нанесли увечья, которые повлекли его смерть?». Потому что это включает любой способ нанесения увечий ребенку.

Судья: Нет, доктор, не любой, это включает только «намеренные» действия.

Свид.: Да. Вы правы, Ваша честь.

Судья: И это один из моментов, которые вызывают у меня сомнения в от-

ношении всех этих вопросов, и я не стесняюсь сказать Вам это. Вопросы очень узки и специфичны. И из-за того, что они узки и специфичны, они оставляют возможность считать, что именно это конкретное событие, сформулированное в вопросе, не имело места, и фактически отвечать на него честно.

Свид.: Я понимаю Ваши сомнения, Ваша честь. И причина, почему они возникают, заключается в том, что Мисс Вудворд, если Вы познакомитесь с предтестовым собеседованием с ней, сильно беспокоилась по поводу ряда незначительных вещей, которые могли иметь место, например, когда она положила ребенка на пол, вытирая его после ванной, и убрала свою руку из-под его головы, и в этот момент его голова могла упасть на пол с высоты в дюйм или около этого. И если поставить вопрос так: «Вы уронили его голову или уронили его на голову», то было бы невозможно различить между чем-то незначительным, подобно тому, что ее очень беспокоило, и чем-то более серьезным, например, целенаправленным увечьем. Именно поэтому эти вопросы нужно интерпретировать в контексте обсуждения всей ситуации, потому что существуют внешние факторы, которые могут исказить результаты, если им не уделять должного внимания. Именно поэтому вопросы формулируются в такой узкой форме, чтобы исключить эти внешние, не связанные с событием факторы.

Судья: Вы можете задать человеку во время проверки на полиграфе общий вопрос: «Расскажите нам, что произошло?» Или что-то в этом роде?

Свид.: Нет, не можем, Ваша честь, поскольку ответ на вопрос должен быть только «да» или «нет». Потому что как только Вы попросите кого-либо дать Вам ответ в форме рассказа, уже сам процесс подготовки и формулирования ответа и связанная с этим мыслительная деятельность вызывает реакции. Это очень деликатная психофизиологическая ситуация.

Судья: Хорошо, продолжайте.

М.Д.: Спасибо.

В.: Вы указали, что при проведении собеседования с обвиняемой перед тестом она проявила некоторое беспокойство по поводу «падения ребенка», это правильно?

О.: Она проявила беспокойство в отношении того, что, когда она вытирала ребенка или меняла пеленки... Я думаю, это было вытирание его на полу ванной комнаты после купания... что его голова случайно уда-

рилась слегка об пол, потому что ее рука была под его головой и затем она убрала руку – она не была даже уверена в этом, но она думала, что, возможно, его голова могла упасть с высоты одного дюйма или около этого, примерно равной толщине руки.

В.: Но Вы только что заявили, что она проявила в ходе беседы с Вами определенное беспокойство по поводу падения, это так?

О.: Только в том смысле, как я это только что описал.

В.: Хорошо. Таким образом, Вы взяли это как часть информации, используемой при формулировании вопросов, это правильно?

О.: Это обязательно должно было быть учтено.

В.: Но Вы не спрашивали: «Кроме случая с полотенцем или опускания ребенка, Вы роняли его?»

О.: Это правильно, я не спрашивал...

В.: Кстати, было ли бы это правильным вопросом или нет?

О.: Это могло создать другие проблемы, из-за ее озабоченности тем, что что-нибудь совсем незначительное, как описанное выше, могло бы принести ребенку вред. Это вопрос типа: «Вы прекратили бить свою жену?»

В.: Хорошо, Вы задали проверочный вопрос номер три. Вы спросили: «Помимо того, что Вы пытались разбудить его, Вы нанесли ему увечье, тряся его с силой?»

О.: Да.

В.: И это было связано с тем, что она была озабочена, тем, как она будила его, это правильно?

О.: Это правильно.

В.: Но Вы не задали вопрос: «Помимо того, что Вы положили его на пол ванной комнаты, Вы роняли ребенка?» Это правильно?

О.: Это правильно.

В.: Вы использовали, на самом деле, вопрос: «Вы ударяли или били Мэтью?», вместо того чтобы задать вопрос: «Вы роняли Мэтью каким-либо образом, кроме того, что Вы рассказали мне?»

О.: Нет, в действительности я использовал проверочный вопрос номер два для решения этой проблемы: «Вы намеренно ударяли головой Мэтью о твердый предмет или поверхность?», что включало бы и возможное бросание его на пол.

В.: Но это не говорит ничего о «бросании», не так ли?

О.: Простите.

В.: Есть в этом вопросе что-нибудь об «уронить»?

- О.:** Вопрос не использует слово «уронить» или «бросать», потому что падение однозначно включается в понятие удара головой о твердый предмет или поверхность. Именно поэтому я задал вопрос: «Вы роняли ребенка на голову?»
- Судья:** Простите, доктор. Вы предлагаете мне считать, что слово «намеренно» включает понятие падения? Или, другими словами, что в этом контексте Вы можете уронить кого-нибудь преднамеренно?
- Свид.:** Да, как противоположность высвобождению ее руки из-под головы ребенка, когда она могла упасть на пол с высоты дюйма. Это было различие, которое было необходимо сделать здесь. Это было неизбежно, если это действительно произошло – и она не была уверена – как противоположность тому, если Вы берете ребенка и роняете ребенка на голову, совершая действительно намеренный акт. И если Вы сделали это, и Вы нанесли увечье ребенку этим путем, то даже если Вы не употребляете в вопросе слово «намеренно», все равно она неизбежно прореагировала бы на него. потому что этот вопрос относится к самой сущности проблемы причинения увечья и знания о том, как оно произошло.
- Судья:** В чем проблема, если бы она отреагировала на этот вопрос, с Вашей точки зрения как независимого экзаменатора?
- Свид.:** Проблемы никакой не было бы, если бы так и произошло. Если бы она действительно дала реакцию на этот вопрос. Ваша честь, то я бы не присутствовал здесь сегодня.
- В.:** Почему тогда Вы не задали этот вопрос, если он ведет к существу проблемы?
- О.:** Я задал этот вопрос.
- В.:** Но Вы только что заявили, что не задали вопрос, на который бы она неизбежно дала реакцию?
- О.:** Я задал, но я говорил о вопросе номер два: «Если Вы уронили ребенка на голову», она скорее всего дала бы реакцию на этот вопрос.
- В.:** Вы только что заявили, что Вы «знаете», что произошло. Каким образом Вы знаете, что произошло?
- О.:** Я не знаю, что произошло.
- В.:** Вы только что заявили, что Вы знаете, что произошло, Вы, в частности, сказали: «Это не то, что здесь произошло».
- О.:** Я имел ввиду тестирование на полиграфе.
- В.:** О, я понял.
- О.:** Если бы она отреагировала на вопрос – я имею ввиду вопрос, предло-

женный Его Честью - ...

В.: Я понял, спасибо.

О.: ... - Были бы у меня сомнения? Нет, именно это я и изложил.

В.: Далее, Вы не указали... Вы знакомы с концепцией использования тестов на полиграфе для исследования физических действий, типа «Вы стреляли»?

О.: Используется ли полиграф для выяснения подобных вещей?

В.: Да.

О.: Это именно та задача, которую можно решать с помощью полиграфа, да.

В.: Является ли это наиболее точным типом вопроса, реакция на который позволяет получить однозначный ответ в отношении совершенных действий?

О.: Это самый простой способ постановки вопросов, когда речь идет о подобной ситуации.

В.: Знакомы ли Вы с... Вы знакомы с системой подготовки полиграфологов в Секретной Службе, не правда ли?

О.: Я сам много занимался подготовкой операторов полиграфа в Секретной Службе.

В.: И Вы обучали их использовать глаголы действия, такие как «стрелять», «ударять ножом», вместо «повредить», «Вы намеревались нанести вред?».

О.: Да, когда это будет возможно.

В.: А Вы осознаете, что слово «умышленно» содержит определенный уровень намерения, не правда ли, в противоположность к ситуации «случайно»?

О.: Да, это включает определенные моменты, зависящие от контекста и того, как это обсуждается.

В.: Слово «умышленно» не является глаголом действия, аналогичным глаголу «стрелять»; это намерение, как противоположность к...

Судья: Это не глагол.

М.Д.: Простите, спасибо.

О.: Это наречие.

В.: Все-таки не могли бы Вы ответить на мой вопрос?

О.: Простите, я не думал, что Вы закончили.

В.: Слово «умышленно» не является глаголом действия, не правда ли, как, например, глагол «стрелять»?

О.: Слово умышленно не является глаголом, это – правильно.

В.: А когда Вы задаете вопрос «Сделали Вы это умышленно?», Вы интересуетесь намерениями человека?

О.: Мы квалифицируем ответ на этот вопрос.

В.: Для того, чтобы выяснить, имел ли испытуемый конкретный план сделать это?

О.: Нет, для того, чтобы выяснить сделал ли он это намеренно, в противоположность тому, что это могло произойти случайно.

В.: Понятие «преднамеренно» предполагает, что решение было принято заранее.

О.: Возможно, но конечно...

В.: Хорошо, как бы Вы определили понятие «преднамеренный»?

О.: ...описание акта отражает стремление совершить специфическое действие, которое ведет к определенному результату, и очевидно, когда это происходит, то такое действие является преднамеренным в противоположность тому, что когда что-то происходит само по себе и не является частью этого действия.

В.: Все же как Вы определяете понятие «преднамеренно»?

О.: Действие, происходящее по инициативе человека, в противоположность происходящему случайно.

В.: То есть это принятие решения и реализация этого решения.

О.: Нет, нет... процесс принятия решения является более сложным, он связан с переработкой всей входящей в голову человека информацией. Здесь же мы просто говорим о том, что люди делают вещи, смысл которых они понимают. Они также могут делать вещи, которые происходят случайно, которые ими никак не планировались и не предполагались.

В.: И такие действия мы называем несчастным случаем, не так ли?

О.: Это правильно.

В.: Если это не несчастный случай, не случайность, то это преднамеренное действие?

О.: Да, если это не случайность, то это преднамеренно; Вы только что сами определили это. Это именно то, что обозначает это слово для того, чтобы исключить случайность события.

В.: Не означает ли оно больше, чем это? Вы знаете юридическое определение «преднамеренности»?

О.: Я знаю только определение этого слова для английского языка.

В.: Вы знаете, требуется или нет протекание мыслительного процесса до того, как будет осуществлено преднамеренное действие?

О.: Как психолог я не думаю, что это необходимо, нет.

В.: То есть Вам не нужно принимать решения перед действием, чтобы оно было преднамеренным?

О.: Нет, множество людей осуществляют действия без их тщательного обдумывания, как Вы знаете, и Вам часто приходится осуждать людей, которые совершали проступки и при этом говорили: «Я даже никогда не думал о том, чтобы сделать это», но их все равно признают виновными в преступлении.

В.: Сэр, у Вас есть привычка включать юридические понятия в вопросы, которые Вы задаете на полиграфе?

О.: Я стараюсь избегать этого.

М.Гуд: Протест, Ваша честь. Могу ли я обратить внимание на то, что Луи-за Вудворд не знает юридических терминов, Ваша честь. Вопрос не в том, что знает доктор Раскин, вопрос в том, понимает ли Луи-за Вудворд это слово.

М.Д.: Нет, не так, Ваша честь. Вопрос в том, что и как делал свидетель, когда он готовил этот тест, и является ли этот тест правильным.

Судья: Определите слово «преднамеренно» так, как Вы его применяете.

Свид.: Вы просите, чтобы я...

Судья: Определите слово «преднамеренно», поскольку Вы дважды применили его в своих вопросах.

Свид.: Понятно. «Преднамеренно» характеризует действие, которое Вы осуществляли специально в противоположность тому, что могло произойти случайно, то есть, что не являлось частью Вашего действия, насколько Вам это было известно.

Судья: Честно говоря, доктор, я действительно не думаю, что Вы именно это имеете в виду. Неужели просто делать что-то, означает, что Вы делаете это преднамеренно намеренно?

Свид.: Это означает, что Вы специально осуществляете это действие, в противоположность другой ситуации, которая может ассоциироваться с тем, что Вы делаете, но приводит к результату, который Вы не хотели получить.

Судья: Хорошо, является ли слово «преднамеренно» в том контексте, в котором Вы употребляете его... скажем, иначе, Ваше определение «преднамеренно», в том смысле, как Вы употребляете это слово, означает ли оно «с целью», «умышленно», «специально», «целенаправленно» или что-то в этом роде, или оно означает что-то другое?

Свид.: Ну, я думаю, оно определенно подразумевает все это, но...

Судья: Оно «подразумевает» все это?

Свид.: Да.

Судья: Что оно еще означает в Вашем применении?

Свид.: Оно означает набор скоординированных действий, осуществленных с какой-нибудь целью. Так, если она вытирала ребенка, она делала это намеренно; это то, что она намеревалась сделать. Если голова ребенка упала в процессе этого, тогда это событие не является преднамеренным, следуя ее рассказу о случившемся. Однако, если она взяла ребенка и специально стукнула его головой о пол, то взять ребенка и стукнуть его головой о пол - это преднамеренное действие.

В.: Не поэтому ли, доктор, Вы задали вопрос: «Вы ударили ребенка головой о пол?», вместо того чтобы просить: «Вы преднамеренно ударили ребенка головой о пол?».

О.: Нет, это не так, потому что это смешивает две вещи, которые я только что пытался здесь различить. И это было проблемой в этом тесте, и их надо было развести. Если все действительно произошло таким образом, как она думает – а она даже не уверена, что это вообще произошло – тогда, если я спросил бы ее в той форме, которую предлагаете Вы, то она не была бы в состоянии дать ответ «нет». Она должна была бы сказать: «Я думаю, может быть, его голова упала с высоты один дюйм». А я должен был бы сказать, что это не то, о чем мы говорим.

В.: И потом, почему Вы не могли переформулировать следующий вопрос: «Кроме того, что мы только что обсуждали с Вами, совершали ли Вы действие?». Почему Вы не могли сделать это в вопросе... как Вы сделали это в вопросе под номером...

О.: Вы подняли тот же...

Судья: Пожалуйста, не говорите одновременно. Я знаю, почему это происходит - потому что мы так приблизились к часу обеда. Давайте сделаем перерыв на обед, и я думаю, мы будем в состоянии посадить доктора Раскина в его самолет к концу сегодняшнего дня.

М.Д.: Да.

М.Гуд: Я надеюсь иметь возможность встречного опроса. Я не знаю, как много вопросов у Вас осталось.

М.Д.: Не так много.

Судья: Хорошо, благодарю всех Вас. Встретимся в два часа.

(Перерыв на обед)

Заседание Суда после обеда

Судья: Хорошо, доктор Раскин, я просто напоминаю Вам, что Вы находитесь под клятвой. Вы можете продолжать перекрестный допрос.

М.Д.: Благодарю, Ваша честь.

Перекрестный допрос мистера Джэллиана (продолжение)

В.: Когда Вы тестировали Луизу Вудворд. Вы делали это в тюрьме в Фрамингаме, не так ли?

О.: Да.

В.: Вы работали в помещении. Какого размера была эта комната?

О.: Я думаю, где-то около двенадцати на пятнадцать.

В.: Кто присутствовал в комнате?

О.: Мисс Вудворд и я.

В.: Кто-нибудь еще?

О.: Нет.

В.: Были ли там служащие тюрьмы?

О.: Внутри комнаты?

В.: Да. Или они находились в соседней комнате?

О.: Да.

В.: Кто еще находился в соседней комнате?

О.: Ну, соседнее помещение собственно не является комнатой, это что-то типа тамбура, расположенного рядом с помещением, в котором проводилось обследование. Кроме того, там была еще одна комната на некотором расстоянии от помещения, в которой я работал с... В общем я работал в одной комнате, далее там был тамбур и, наконец, еще одна комната напротив, которая была вне поля моего зрения.

В.: Где находились сотрудники тюрьмы?

О.: Ну, я могу сказать только об одном, который находился в тамбуре, и которого я мог видеть через окно в двери. Так могли быть и другие сотрудники, но я не обращал на них внимания.

В.: Заходил ли кто-нибудь в комнату во время процесса испытания на полиграфе?

О.: Нет, насколько я помню.

В.: Но это могло бы повлиять на ход проверки, не так ли?

О.: Я определенно заметил бы это, и если бы это вторжение произошло в

неподходящее время, то это действительно могло бы помешать работе, но этого не было.

В.: А адвокат Гуд присутствовал в тюрьме, когда Вы были там?

О.: Да.

В.: Был ли там еще кто-нибудь из группы защитников?

О.: Там был м-р Силверглейт.

В.: Кто-нибудь еще?

О.: Нет.

В.: И где они находились до начала теста?

О.: До начала теста? Ну, мы все прибыли вместе.

В.: А где они были во время теста?

О.: В той отдаленной комнате, о которой я уже говорил.

В.: Когда я говорю «тест», я имею в виду и предтестовое собеседование, и само тестирование, и все, что с ним связано.

О.: Если говорить о всей процедуре в целом, то лучше употреблять термин «обследование».

В.: И консультировались ли Вы с м-ром Гудом или м-ром Силверглейтом до проведения теста?

О.: Да.

В.: И как много у Вас было консультаций, в смысле встреч или телефонных разговоров?

О.: У меня было несколько телефонных переговоров перед тем, как я принял решение. Потом у меня был телефонный разговор, после моего прибытия в Бостон. Я не могу назвать Вам точную продолжительность этих разговоров, но я мог бы дать общую оценку, если Вы позволите мне взглянуть в мои записи.

В.: Меня интересует общая оценка. То, что Вы хотите посмотреть, это дневник записей доходов и расходов?

О.: Ну, я бы сказал, что это учет времени. Скорее всего, я потратил пару часов на консультации, это по меньшей мере. Кроме того, мы обсуждали этот вопрос по дороге в тюрьму.

В.: А когда Вам заплатили за Ваше участие?

О.: Это было сделано до моего приезда туда.

В.: Хорошо. Вы получаете почасовую оплату или по результатам дела?

О.: Обычно, я вообще получаю почасовую оплату. Но если мне придется выезжать на день или больше, я получаю оплату за день.

В.: Сколько Вы получаете за день?

- О.:** Три тысячи долларов в день.
- В.:** Три тысячи долларов в день. И это за деятельность до судебного разбирательства, или за участие в судебном заседании?
- О.:** Для меня это не имеет значения. Если я должен потратить полный рабочий день, как, например, сегодня, на активную работу, тогда это не зависит от того, происходит ли это в Суде, или я провожу непосредственное обследование на полиграфе, или делаю что-либо еще.
- В.:** И сколько дней приблизительно потратили Вы на это дело?
- О.:** Один, два, три, может быть, четыре.
- В.:** И когда Вы обсуждали это дело с адвокатом обвиняемой, рассматривали ли Вы конкретные вопросы, которые должны будут задаваться непосредственно во время обследования?
- О.:** Да, мы обсуждали это.
- В.:** Обсуждали ли Вы их в деталях? Обсуждали ли Вы конкретные формулировки вопросов, особенно проверочных вопросов?
- О.:** Мы обсуждали проекты формулировок вопросов, насколько я помню.
- В.:** И пытались ли Вы включить в их число прямые вопросы типа: «Вы совершили или не совершили преступление?»
- О.:** Да, подобные вопросы были.
- В.:** Хорошо. Были ли среди них вопросы, которые позволяли бы точно определить уровень вины подозреваемого, то есть, причастен ли он к убийству первой степени или второй степени, или вопросы, относящиеся к преднамеренности его действий.
- О.:** Абсолютно нет.
- В.:** Но это обсуждалось?
- О.:** Нет.
- В.:** Хорошо, Вы знакомы с приемами противодействия полиграфу?
- О.:** Да.
- В.:** Я имею в виду «противодействие» как физическое, так и психическое?
- О.:** Да. Я делал обзоры по этому вопросу.
- В.:** И включили их в одно из исследований 1988 года... Простите, не в 1988 году. Я имею в виду исследование, которое Вы провели недавно, оно включает физические и психические меры противодействия, правильно?
- О.:** Да.
- В.:** И в этом исследовании Вы работали вместе с доктором Хонтсом?
- О.:** Да, это было докторская диссертация доктора Хонтса.

- В.:** Это была докторская диссертация доктора Хонтса?
- О.:** Да, я думаю, это то, что Вы имеете в виду.
- В.:** Вы правы. Эта работа названа «Физические и психические меры противодействия полиграфу».
- О.:** Это статья, опубликованная в «Журнале прикладной психологии» в 1994 году?
- В.:** Да, правильно?
- О.:** Да.
- В.:** Это была докторская диссертация, и Вы были руководителем?
- О.:** Да.
- В.:** И, следовательно, Вы контролировали как исследование, так и написание, верно?
- О.:** Я должен был одобрить и то, и другое.
- В.:** А доктор Кёрчер привлекался к этой работе?
- О.:** Да.
- В.:** Он является одним из Ваших студентов или был им?
- О.:** Он бывший студент. Сейчас он работает на факультете в Университете штата Юта в департаменте психологии.
- В.:** Вернемся к физическим приемам противодействия. Исследование показывает, что в 82% случаев не удавалось определять физические приемы противодействия полиграфу, это правильно?
- О.:** В 82% случаев? Нет, не думаю, что это правильно.
- В.:** Может у доктора Хонтса быть другое мнение о том, является ли это правильным или нет?
- О.:** В статье обязательно должно быть указание на то, правильна ли эта цифра.
- В.:** Я задаю другой вопрос: было бы у доктора Хонтса лучшее понимание, чем у Вас, в отношении того, правильно это или нет?
- О.:** Я не думаю, что у него было «лучшее понимание». Если он говорит, это было 82%, я не соглашусь, но я не верю, что это правильная цифра, если мы говорим об одном и том же исследовании.
- В.:** А Вы согласитесь с тем, что при использовании психических мер противодействия их невозможно обнаружить в 100% случаев?
- О.:** Но не в этом исследовании, нет.
- В.:** Это то же самое исследование, в котором 47,5% испытуемых сумели обмануть полиграф?
- О.:** Да, и поэтому это не могли быть те числа, которые Вы назвали, пото-

му что они не сопоставимы с 47%.

В.: Нет, я говорю об обнаружении. Два числа, которые я только что назвал, отражали точность работы полиграфолога, а не степень успешности приемов противодействия.

О.: Ну, Вы запутали меня, м-р Джэлелиан. Если то, о чем Вы говорите, является процентом ошибок, то...

В.: Это не то, о чем я говорю.

О.: Ну, тогда Вы окончательно запутали меня.

В.: Простите, что я Вас запутал. Что касается физических приемов противодействия...

О.: Да.

В.: ...то процентный показатель способности полиграфолога обнаруживать применение физических приемов противодействия составлял 82%.

О.: О, я не понял Вас, простите. Я думал, Вы говорили об обнаружении лжи. Я не понял. То есть речь идет о неспособности установить, кто из испытуемых реально применял приемы противодействия полиграфу?

В.: Да.

О.: Тогда числа правильные.

В.: Итак, физические приемы не обнаруживались в 82% случаев, а психические – в 100% случаев?

О.: Да. Нет способов обнаружить психические контрмеры.

В.: И 50%, немного меньше, чем 50%, испытуемых в этом исследовании смогли обмануть полиграф?

О.: Да.

В.: И эти лица обучались физическим приемам противодействия полиграфу не более тридцати минут. Это было максимальное время, не так ли?

О.: Да, если мы только чего-нибудь не упускаем, то, я думаю, в том исследовании это действительно была максимальная продолжительность времени обучения.

В.: Спасибо. Теперь, когда Вы... Вы следуете определенным принципам, когда осуществляете тест на полиграфе. Это правильно?

О.: Да.

В.: И тест, который Вы применяли в этом деле, отличается от теста с использованием вопросов «управляемой лжи», который обычно применяется федеральными органами. правильно ли это, если говорить о способе оценки результатов?

- О.:** Я не думаю, что здесь речь может идти о каких-то фундаментальных различиях.
- В.:** Тогда они одинаковые?
- О.:** Ну, конечно есть определенные различия в процедуре проведения оценки результатов теста на полиграфе, но в целом наш и их подход очень похожи.
- В.:** Это правда, что Вы в какой-то момент предложили свой собственный метод оценки результатов; Вы изобрели свой собственный метод оценок?
- О.:** Нет, мы не «изобретали» метод оценок.
- В.:** Когда Вы говорите «мы», кого Вы имеете в виду?
- О.:** Ну, Вы сказали «Вы», так что...
- В.:** «Вы», я говорю о Вас в противоположность...
- О.:** Ну, вся эта работа является результатом коллективных усилий. Я ничего не делал в одиночку. Со мной работали студенты, аспиранты, у меня были помощники и коллеги. Таким образом, я всегда говорю «мы», потому что все мы работаем над этими проблемами вместе.
- В.:** Изобретали ли Вы лично или кто-либо из Вашей группы в университете штата Юта когда-нибудь какой-либо новый метод оценки результатов обследования на полиграфе?
- О.:** Ну, например, компьютерный метод оценки был разработан в моей лаборатории совместно с доктором Кёрчером.
- В.:** У Вас была возможность прочитать письменные показания профессора Хонтса?
- О.:** Да.
- В.:** И Вы заметили, что он указывает, что метод, используемый Вами для количественной оценки результатов тестирования, похож на метод, используемый федеральными агентствами для обсчета теста с вопросами «управляемой лжи»?
- О.:** Думаю, именно здесь причина путаницы. Он похож на метод, который они используют для оценки результатов тестирования на полиграфе, как с применением вопросов «управляемой лжи», так и вопросов «вероятной лжи».
- В.:** Но это ведь не то же самое, не так ли?
- О.:** Правильно, это не идентично, нет.
- В.:** И все-таки существуют некоторые различия в методах оценки, не правда ли?
- О.:** Да, хотя получаемые результаты по существу одинаковые.

В.: Правда ли, что, когда эксперт-полиграфолог оценивает результаты теста, он имеет крайне субъективное мнение, анализируя полиграммы?

О.: Нет, это не так.

В.: Тогда это абсолютно объективный метод оценки?

О.: Нет, это также не является абсолютно объективной процедурой. Это основа для объективности, эта основа исключительно надежна, что указывает на ее объективность.

В.: Это не то, о чем я Вас спросил. Имеет ли место субъективизм со стороны оператора полиграфа?

О.: Нет, это не субъективно. Это...

В.: Таким образом, полиграфолог должен...

О.: Могу я разъяснить свой ответ? Может быть, так будет быстрее.

В.: Нет, это был вопрос «Да-или-Нет». Например, один полиграфолог оценит тест одним способом, а другой эксперт может оценить тот же тест иначе и получить другой результат оценки, не правда ли?

О.: Ну, здесь мы имеем два вопроса, один - это непосредственно процедура оценки, а другой - это способ оценки. Они могут использовать разные способы оценки. Если они используют разные способы, то они могут получить разные оценки. Если же они используют одинаковый способ, то могут наблюдаться лишь небольшие вариации в оценках. Даже один и тот же эксперт при повторной оценке того же материала может получить небольшие вариации. Но они не будут существенно различными. так что оценка оказывается высоко надежной, и факты показывают, что в своей основе она является объективной.

В.: Сэр, Вы видели полиграммы Луизы Вудворд, это правильно?

О.: Да.

В.: И Вы проводили их оценку?

О.: Да, я это делал.

В.: И затем доктор Хонтс смотрел эти полиграммы?

О.: Да.

В.: И он тоже осуществлял их оценку?

О.: Да.

В.: Определенно имеется некоторый элемент субъективизма, когда два разных специалиста оценивают одни и те же полиграммы. не правда ли?

О.: Они вынуждены высказать свои собственные суждения.

Судья: Ну, это субъективно или нет?

Свид.: Ну, сами суждения, конечно, субъективны, но в своей основе они являются объективными, если при их получении использовался единый набор правил, как это имеет место, например, при оценке интеллекта.

В.: Таким образом, вполне возможно, что один эксперт даст оценку, скажем, плюс один, а другой - плюс два для одной и той же реакции?

О.: Это возможно, да, потому что они осуществляют выбор из набора возможностей.

В.: Основанный на... Хорошо. Теперь скажите, принципы, которым Вы следуете, проводя обследования на полиграфе. Вы им следуете в целом (в основном) или же имеется жесткий протокол, которого Вы придерживаетесь?

О.: В смысле оценок результатов или проведения теста?

В.: Ну, давайте поговорим сначала о проведении теста.

О.: Я придерживаюсь четкого протокола.

В.: У Вас есть перечень действий?

О.: Да. Но мне он не нужен, поскольку я делал это много раз. У меня есть материалы, которые я использую, но в целом это стандартная процедура.

В.: Вы используете письменный план проведения теста?

О.: Да, раньше я мог его иметь, когда обучался и когда был относительно неопытным. Я вспоминаю, что действительно делал такой план.

В.: Вы думаете, такой письменный план может быть полезен любому оператору полиграфа?

О.: В период обучения, да.

В.: Но не как обязательный практический элемент в рамках стандартного процесса?

О.: Когда Вы проделали это тысячу раз, в нем нет необходимости.

В.: Однако, не каждый проделал это тысячу раз, не правда ли?

О.: Именно поэтому я сказал...

Судья: Вы лично провели тысячу этих обследований?

Свид.: Да. Ваша честь, около того. Девятьсот семьдесят пять, если считать по моему журналу учета, и, возможно, какое-то число в ходе исследований в лаборатории.

В.: Вы провели так много обследований?

О.: Да.

В.: Девятьсот семьдесят?

О.: Девятьсот семьдесят пять, связанных с реальными уголовными делами, плюс еще несколько по иным вопросам.

В.: И это число, когда Вы говорите «проводил обследование», Вы имеете в виду реально лиц подключенных Вами или в Вашем присутствии к полиграфу?

О.: Проведение мною полной проверки человека на полиграфе, полную процедуру в связи с реальным уголовным делом.

В.: Скажите, Вы заполняете информационный лист об обследовании на полиграфе, это правильно?

О.: Да.

В.: Но у Вас нет... то есть у Вас есть документ о правах обследуемого лица?

О.: Простите, что?

В.: Заявление о согласии на прохождение проверки на полиграфе?

О.: Да, и это является частью моего плана проведения обследования; оно обязательно должно быть заполнено.

В.: Но Вы же не имеете письменного плана?

О.: Ну, я в том смысле, что это обязательный элемент процедуры. Основная ее часть не требует письменной детализации.

В.: Только для Вас?

О.: Да, и для большинства полиграфологов также.

В.: Но Вы не можете говорить за «большинство полиграфологов». Вы можете говорить только за себя.

Судья: Нет, нет, не пререкайтесь со свидетелем.

В.: Так, часть Вашего плана действий, которому Вы следовали, учитывает требования штата Нью-Мексико, это правда?

О.: Ну, я не уверен, что понял Вас.

В.: Требования штата Нью-Мексико?

О.: То, что я делаю, полностью соответствует порядку предъявления доказательств, установленному в Нью-Мексико, которому я должен следовать.

Судья: Правильно ли я понимаю, что Нью-Мексико является единственным штатом, в котором безоговорочно разрешено применять полиграф?

М.Д.: Я так думаю, Ваша честь.

Судья: Вы тоже так думаете, доктор?

Свид.: Да, Ваша честь.

- В.:** Фактически имеется определенный порядок получения доказательств, который упрощает процесс стандартизации.
- О.:** Нет, порядок получения доказательств существует для того, чтобы определить требования для их приемлемости в Суде.
- В.:** **И частью этого является требование осуществлять аудиозапись или видеозапись?**
- О.:** Любая форма записи на магнитном носителе.
- В.:** И у Вас есть право выбирать, использовать аудиозапись или видеозапись?
- О.:** Для меня аудиозаписи вполне достаточно.
- В.:** Достаточно?
- О.:** Да.
- В.:** Не лучше ли иметь видеозапись?
- О.:** Не обязательно, потому что тогда надо принимать во внимание, под каким углом должна снимать камера, и на самом деле это не добавляет большого количества полезной информации. Кроме того, это отвлекает испытуемых, особенно когда камера нацелена прямо на них.
- В.:** По Вашему опыту, использование аудио магнитофона не отвлекает внимания?
- О.:** Это правильно.
- В.:** Видеозапись предоставила бы возможность другим лицам, просматривающим эту запись, наблюдать проверяемого во время проведения теста, не так ли?
- О.:** Верно.
- В.:** Это было бы как будто третье лицо присутствовало в помещении во время проведения проверки?
- О.:** Ну, аудиозапись фактически обеспечивает это, за исключением предоставления визуального изображения.
- В.:** Но изображение помогло бы в процессе сбора информации, не так ли?
- О.:** Нет доказательств, подтверждающих это.
- В.:** Что видеозапись не помогла бы сбору дополнительной информации?
- О.:** Но не для целей данного вида обследований.
- В.:** А для каких-нибудь других целей?
- О.:** Да. И мы делали это в своей лаборатории в специальных целях, когда мы пытались оценить, можно ли или нет использовать анализ видеозаписи для выявления специфических поведенческих признаков. Но это вопрос научного интереса, а не часть стандартной процедуры проверки на полиграфе.

- В.:** Итак, когда Вы проводите тест, Вы осознаете, что могут быть использованы физические и психические приемы противодействия полиграфу, это правильно?
- О.:** Да.
- В.:** И видеозапись, наверное, лучше бы зарегистрировала физические приемы противодействия, чем аудиозапись?
- О.:** Нет, этого не произошло бы, потому что приемы противодействия, которые можно наблюдать визуально, обычно проявляются в виде артефактов на полиграмме, которые легко обнаруживаются. Полиграф очень чувствителен к физическим движениям.
- В.:** Несмотря на тот факт, что сорок девять процентов физически противодействующих испытуемых все же обманывают полиграф, при ста процентах в случае применения психических мер противодействия?
- О.:** Да, это важный момент. Они не выявляются в тех случаях, когда применяются правильно. Это процедура, которая требует тренировки. А то, что предлагаете Вы, является ситуацией без тренировки, и при этом Вы говорите, что можете видеть все на видео. Если Вы можете видеть противодействие на видео, то оно будет неэффективным.
- В.:** Но Вы определенно не можете видеть это на звукозаписи?
- О.:** Нет, но нет нужды видеть это ни на аудиозаписи, ни на видео. Потому что, если испытуемые не получили эффективный тренинг, чтобы применять приемы противодействия незаметно, то тогда они с очевидностью отразятся на диаграммной ленте полиграфа.
- В.:** Был ли у Вас разговор с Луизой Вудворд относительно ее знакомства с полиграфом?
- О.:** Я не помню какого-то специального разговора, кроме того, что я спросил ее, проходила ли она когда-либо ранее проверку на полиграфе.
- В.:** И это был единственный источник информации об опыте общения с полиграфом и знании этого прибора Луизой Вудворд, источник, который исходил от самой Луизы Вудворд, правильно?
- О.:** Да, других источников информации не было, но я бы очень удивился, если бы она знала что-либо о полиграфе.
- В.:** Но у Вас не было мысли, что она могла солгать, сказав: «Нет, я никогда не имела дела с полиграфом»?
- О.:** О, нет, у меня была мысль. Она заключалась в том, что она никогда...
- В.:** Она основывалась на каком-нибудь конкретном знании?
- О.:** Она основывалась на результатах моего общения с ней и на возможных источниках информации, которые могли быть ей доступны.

- В.:** Какое научное доказательство этого было у Вас?
- О.:** Научное? У меня не было научного доказательства, это не научный вопрос.
- В.:** Хорошо, какое физическое доказательство было у Вас?
- О.:** Это не физический вопрос.
- В.:** Итак, Ваш вывод основывался только на результатах Вашего общения с ней и на одном единственном ее ответе, правильно?
- О.:** Да. Плюс вся информация, которую мы накопили за годы исследований, которые мы провели с весьма представительной выборкой испытуемых, имевших в прошлом опыт общения с полиграфом, и разнообразной информацией, которой они располагали.
- В.:** Как много и какая именно информация имеет отношение к девятнадцатилетним британским подданным?
- О.:** Ну, я бы не сказал, что у нас было много девятнадцатилетних британских подданных в наших исследованиях, хотя, возможно, и было один или два человека.
- В.:** Какое именно исследование Вы имеете ввиду?
- О.:** Мы провели сотни и сотни исследований.
- В.:** И в каких исследованиях у Вас были британские граждане?
- О.:** Именно поэтому я говорю «возможно», но я не могу сказать Вам точно.
- В.:** Итак, Вы не знаете.
- О.:** Это не существенно.
- В.:** Это «не существенно»?
- О.:** Нет.
- В.:** Когда Вы имеете дело с конкретным испытуемым по конкретному делу, разве для Вас не важно знать, были или нет у Вас прежде обследуемые, имевшие такой же прошлый опыт, что лицо, которое Вы тестируете в данный момент. Разве это не важно?
- О.:** Нет, происхождение и прошлый опыт не имеют значения. Быть британским гражданином не является возможной проблемой. Проблемой является знание полиграфа.
- В.:** Итак, у Вас есть полная аудиозапись Вашего общения с подсудимой, это правильно?
- О.:** Я сделал аудиозапись, да.
- В.:** Выключали ли Вы магнитофон в какой-нибудь момент в процессе записи?
- О.:** Только для того, чтобы перевернуть кассету.

В.: И Вы никогда не делали паузы и не останавливали запись?

О.: Нет.

В.: И насколько Вам известно, аудиозапись, которую Вы передали м-ру Гуду, является полной и без какого-либо монтажа?

О.: Нет, никакого монтажа не было. Как я понял, на второй стороне в последней части теста имеются некоторые искажения, связанные с дисфункцией магнитофона. Но никакого монтажа не было.

В.: Вам известно, была или не была сделана расшифровка звукозаписи?

О.: Насколько я знаю, имеется расшифровка, да.

В.: У Вас есть копия этой расшифровки?

О.: Я думаю, у меня она есть, да.

В.: Могу я ее посмотреть?

М.Гуд: Ваша честь, эту расшифровку подготовил мой офис. Наша позиция состоит в том, что это рабочий документ. Он не подготовлен профессиональным стенографистом, а только секретарем, который пытался записать то, что он слышал на пленке в рамках своих способностей.

Судья: Хорошо, очевидно, что свидетель использовал расшифровку. Я не буду требовать, чтобы Вы предъявили ее. Но я хочу откровенно сказать Вам, что я буду учитывать при оценке показания свидетеля тот факт, что я не видел расшифровки звукозаписи. Вам решать.

М.Гуд: Я хочу сказать, что я не знаю, что Вы имеете в виду, говоря «использовал расшифровку». У доктора Раскина есть копия, но я не знаю, что Вы имеете в виду, говоря «использовал ее».

Судья: В своем свидетельствовании мне он указал это, при оценке результатов, то есть, в процессе подготовки к сегодняшнему свидетельству, или иначе, в ходе подготовки себя для сегодняшних показаний, он просматривал расшифровку звукозаписи. Вы не обязаны показывать ее окружному прокурору и Суду. Поможет ли это Суду в оценке показаний свидетеля, это Вам решать.

М.Гуд: Очень хорошо, Ваша честь. Могу ли я зарезервировать за собой право не отвечать немедленно?

Судья: Определенно.

М.Гуд: Спасибо.

Судья: Я предлагаю, пока доктор Раскин здесь, мы подтвердим подлинность расшифровки, и затем Вы можете ссылаться на нее.

М.Гуд: Очень хорошо, Ваша честь.

Судья: Мы отметим ее знаком «А», и отразим в протоколе, что она была

передана мистеру Гуду.

Свид.: Я думаю, она у меня в портфеле, Ваша честь, если я могу проверить.

Клерк: Для протокола могу я пересчитать страницы, Ваша честь?

Судья: Да.

М.Д.: Ваша честь, для протокольных целей у меня есть копия аудиозаписи, которую я пытался прослушать, но не смог.

Судья: О, у Вас есть копия записи?

М.Д.: Да, но я не смог прослушать ее.

М.Гуд: У них есть пленка.

М.Д.: Но она не прослушивается, я не мог слышать ее.

М.Гуд: Он говорит, что не может расшифровать ее полностью.

М.Д.: Я не могу вообще ничего разобрать.

Судья: Передача пленки кому-либо, которая не может быть прослушана, в буквальном смысле означает «пообещать что-то на ухо, а потом вслух отказаться».

М.Гуд: Ваша честь, пленка есть пленка. В тюрьме функционирует система кондиционирования. Это не ужасная запись. Но это лучшее, что у нас есть. Мы предприняли все усилия, чтобы ее расшифровать.

Судья: Хорошо, она может быть маркирована, опечатана и передана м-ру Гуду.

М.Д.: Ваша честь, еще добавление для протокола. Я вспоминаю, что профессор Хонте не прослушивал пленку, но просматривал расшифровку как независимый источник информации о тесте.

Клерк: Здесь двадцать четыре страницы, Ваша честь. Все опечатано.

Судья: Спасибо.

М.Д.: Спасибо.

(Расшифровка получена Судом и обозначена «А»)

Судья: Хорошо, протокол отразит, что она передана м-ру Гуду, и мы можем продолжать.

В.: В процессе вашей проверки Вы разговаривали с обвиняемой, это так?

О.: Да, верно.

В.: Что сказала обвиняемая?

О.: Она рассказала мне все, что помнила о событии.

В.: Что она сказала?

О.: Вы хотите, чтобы я изложил с самого начала?

В.: Да, с первых слов, которые она сказала Вам.

О.: Я не могу вспомнить, очевидно, все слова, это было длительное общение, но я постараюсь. Она рассказала мне, что ухаживала за Мэтью Эппеном. Она сообщила, что в то утро и в течение всего дня мальчик проявлял странную активность и был «не в духе», думаю, именно это выражение она употребила. Мать Мэтью была обеспокоена тем, что он не хотел есть. С ним было что-то необычное, он капризничал и из-за этого было трудно общаться с ним. Мать попросила ее сделать кое-что, попытаться накормить его – я не могу вспомнить точно, что это было – может быть, овсяная каша. Затем она должна была выкупать его, насколько я помню. Она сообщила мне также, что его старший брат, я думаю, его звали Брэндон, был здесь же, она ухаживала и за ним. Оба родителя в тот день работали. Они ушли на работу. Мэтью с самого начала вел себя в тот день необычно, как только она приступила к своим обязанностям, и это продолжалось в течение всего дня. Как я вспоминаю, она сообщила мне, что в какой-то момент она пыталась покормить его, но он ел плохо. Кажется, так она сказала. В один из моментов он отрыгнул часть пищи, и она забеспокоилась, потому что, казалось, он ведет себя очень странно, и она боялась, что он, возможно, поперхнулся пищей. Она очистила ему рот и, может быть, горло своим пальцем, испугавшись, что там застряла пища. Она сообщила мне также, что мать Мэтью указывала ей когда-то ранее, то есть давала ей инструкцию, что делать в случае возникновения подобной проблемы. Она рассказала мне о купании ребенка и смене пеленок, которое происходило в ванной комнате, как и последующее вытирание. Вытирание ребенка в любом случае осуществлялось на полу ванной комнаты, а точнее на коврике. Я вспоминаю ее слова, что в какой-то момент ей показалось, что ребенок испытывает затруднения с дыханием. Это могло быть в тот момент, когда она очищала его рот и горло, потому что ей показалось, что, возможно, часть пищи могла застрять там. Она также говорила о том, что держала его вниз головой и похлопывала по спине, или что-то в этом роде, как каждый поступил бы с ребенком в подобной ситуации. Ребенок все время капризничал. С ее слов, он спал немного или пребывал в состоянии, похожим на сон. Он был менее активен, чем обычно. Она сообщила мне, что она была обеспокоена всем этим, и что мать ребенка также выразила беспокойство по этому поводу. Она сообщила мне, что в какой-то момент ей стало особенно тревожно, потому что его глаза выглядели как-то странно, и, казалось, что он дышит ненормально. И ей казалось, что он находится в измененном состоянии сознания, хотя я не могу

вспомнить, как она выразилась точно. Она продемонстрировала мне, как она держала ребенка, пытаясь поднять его. Мне кажется, она использовала слово «похлопала» его, что, как я думаю, в разговорном английском языке может означать «шлепать», или дать шлепок, или что-то подобное, чтобы разбудить ребенка. (Раскин показывает жестами.)

М.Д.: Ваша честь, я хотел бы, чтобы в протоколе было отражено, что свидетель вытянул свои руки перед собой на уровне шеи, с ладонями, обращенными друг к другу, и затем двигал свои руки назад и вперед, покачивая ими.

Судья: Хорошо.

О.: Да. Действительно, она описала точно, как держала его, и ее руки, как я помню, охватывали его грудь в области подмышек. Она держала его, поднимая и опуская немного, пытаясь разбудить его. И мы детально обсудили этот момент.

В.: Что это было за «детальное обсуждение»?

О.: Прежде всего, продолжительное. Мы говорили обо всем этом в деталях. Она сказала, что не делала это резко или с силой; она делала это для того, чтобы увидеть, что он вновь начнет дышать нормально, и чтобы разбудить его. Мы говорили о том, не трясла ли она его сильно, сверх необходимости для названной цели, и она сказала, что делала это очень мягко и исключительно для достижения указанной цели. Она сообщила мне, что в какой-то момент, и я не могу вспомнить, когда именно это произошло, она вдруг осознала, что ребенку грозит какая-то серьезная опасность. Она пыталась позвонить родителям, кажется, она сказала, что пыталась дважды дозвониться до отца, но, в конце концов, закончила тем, что позвонила по телефону 911, чтобы получить помощь, поскольку ребенок вел себя неадекватно. Я не могу вспомнить точно, какими именно словами она это сказала. Прибыла полиция, и она беседовала с полицией. Затем мы обсуждали, что именно сказала полиция, и она сказала, что она сообщила полиции не совсем то, что они записали в протоколе, это было не совсем правильно. Мы также обсуждали проблему возможного удара ребенка головой о пол, и именно в этот момент мы имели детальное обсуждение того, когда и как ребенок лежал на полу, куда именно она положила его, чтобы вытереть и одеть после купания, и что в какой-то момент ее рука была – она так думает, но у нее нет полной ясности в отношении того, случилось ли это вообще -- что ее рука была положена под голову ребенка. Она думает, что когда она убрала свою руку из-под его головы, то голова могла упасть на пол; при этом высота падения

приблизительно соответствует толщине ее руки до половика на полу. Она подчеркнула, что хотя это был пол из керамики, на нем действительно был постелен половик, на котором и лежал ребенок. Я думаю, она специально сообщила мне об этом, потому что полиция истолковала ее рассказ как умышленный удар ребенка головой. И она сказала, что это было совсем не то, что она им сказала. Потом мы приступили к обсуждению вопросов, стремясь сформулировать их таким образом, чтобы они соответствовали как позиции обвинения, так и ее версии события, то есть учитывали позицию обеих сторон.

В.: И именно после этого обсуждения Вы составили список вопросов для предъявления на полиграфе, включая вопрос: «4 февраля 1997 года, помимо желания разбудить Мэтью, Вы нанесли ему повреждения, сильно тряся его?» Это правильно?

О.: Да.

В.: Далее, Вы задали другой вопрос, потому что во время разговора с Луизой Вудворд она указала, что это могло иметь место только один раз. Поэтому Вы спросили: «Кроме этого случая умышленного встряхивания ребенка, когда Вы хотели разбудить его, Вы еще сильно трясли его?». Таким образом, Вы хотели уменьшить ее озабоченность, это правильно?

О.: Это ужасно длинный вопрос, м-р Джэлелиан. Я постараюсь ответить на него наилучшим образом.

В.: Позвольте мне сначала перефразировать вопрос. После разговора с ней Вам стало ясно, что она испытывает определенную озабоченность в связи с определенными действиями, имевшими место в тот момент, который позднее стал рассматриваться предположительно как инцидент, это правильно?

О.: Она выразила мне свое беспокойство по поводу того, что, если наблюдаемые повреждения были результатом ее действий, даже самых незначительных, как она описывала их, то, возможно, это действительно стало причиной всего случившегося, и именно поэтому мы обсуждали детально, какова могла быть причина всего этого.

В.: И поэтому встряхивание при попытке разбудить является чем-то другим, отличным от просто попытки разбудить?

О.: Да. И это было важно, потому что она дала очень детализированное описание того, что она делала. Таким образом, следуя ее описанию, необходимо было принять во внимание...

В.: Что предшествующий...

О.: ...что те действия, которые она описала, в нормальных обстоятельст-

вах не могли бы привести к таким серьезным повреждениям, которые, например, имеют место при известном «Синдроме Встряхивания Ребенка».

В.: Она также испытывала озабоченность по поводу удара головы ребенка о пол в ванной комнате, это правильно?

О.: Да, эта озабоченность возникла после разговора с полицией, когда они заявили, что она уронила его на голову. Однако единственная вещь, о которой она могла бы думать, это была возможность того, что она описала мне, но она не была уверена, что это произошло в действительности. Она только вспоминает, что он был на полу, она вытирала его, и ее рука могла быть под его головой, и что она, возможно, могла вытащить свою руку из-под его головы подобным образом. Как я вспоминаю, она высказала неуверенность в том, упала ли вообще его голова с этой маленькой высоты и ударилась о пол.

В.: И именно по этой причине Вы не подумали включить вопрос типа: «Кроме его удара о пол в ванной, Вы ударили Мэтью головой о твердый предмет?»

О.: Я «подумал», но я не мог этого сделать, потому что она не была полностью уверена в том, случилось ли это в действительности или нет. А спрашивать ее о чем-то, в чем она не была уверена, что это действительно имело место, это означало бы запустить мыслительные процессы, сопровождаемые психофизиологическими реакциями, которые могли бы ввести в заблуждение и привести к неправильному результату. Именно поэтому данная ситуация не исследовалась предлагаемым Вами способом, потому что это не привело бы к усилению определенности.

В.: Заявляла ли она Вам, что когда-нибудь бросала ребенка на кровать в какой-то момент? Это не вызывает у Вас никаких мыслей?

О.: Возможно, она говорила что-либо подобное, например, когда она меняла одежду, что она положила его на кровать каким-то образом, и могла...

В.: Вы вспомнили...

О.: Я не помню слова «бросала». Я помню, она сказала, что она только как-то раз быстро посадила его прямо.

В.: И она также сказала Вам, что она обошлась с ним, цитирую, «немного грубо»?

О.: Да, она сказала, что это было немного грубо, потому что он вел себя так, что было трудно обращаться с ним из-за этого его состояния.

В.: И падение на пол в ванной комнате. Вы уже говорили об этом, она сама рассказала Вам об этом?

О.: Простите, я не понял.

В.: Она сказала, что, возможно, уронила его на пол, хотя и не была в этом уверена?

О.: Нет, она не говорила, что она «уронила его на пол». Она сказала, что держала его на полу во время вытирания после купания, и что, когда он лежал на полу, возможно, ее рука была под его головой, поддерживая ее, пока она вытирала его и меняла одежду. Это все, что она делала. Она допускала также, что могла убрать руку, и его голова могла упасть на пол, на коврик с небольшой высоты. Но это не описывалось, как «уронить на пол». И, я думаю, возникла путаница между тем, что полиция сообщила о том, что она сказала, и тем, что она в действительности сообщила полиции. Но это было ее дословное описание того, что случилось с ее рукой.

В.: Свидетельствовала ли она Вам, что он в какой-то момент упал, то есть использовала ли она слово «падать»?

О.: Я не помню, чтобы она говорила о «падении» в тот день. Но я пытаюсь вспомнить, обсуждали ли мы возможное падение в предыдущие дни, и сообщала ли она мне об этом, или я слышал это от другого источника.

В.: Итак, Вы не помните, что она говорила о падении.

О.: Мне надо бы взглянуть в расшифровку. Но я не думаю, что она сообщала мне что-либо о падении в тот день.

В.: И она ничего не говорила о старшем брате, возможно, совершавшим действия, которые могли бы нанести вред ребенку?

О.: Я не помню, чтобы она говорила это. Мне кажется, она говорила, что был момент, когда ей нужно было взять что-то, и на какое-то время ребенок оказался вне поля ее зрения. Я не могу вспомнить точно, вероятно, когда она меняла пеленки.

В.: Но мой вопрос был о том, заявляла ли она что-либо, что старший брат...

О.: Я как раз намеревался коснуться этого. Но я не могу вспомнить, сказала ли она, что не наблюдала за ними какое-то время одновременно, или что-либо подобное. Сама она не делала специального заявления, я помнил бы, о том, что старший брат делал что-нибудь особое. Я не помню.

В.: Упомянулся ли вообще старший брат в ходе интервью?

О.: Да, она упоминала старшего брата. Она сообщила, что он был более

активен, чем девятимесячный брат, потому что ему было, насколько я помню, три года или около этого.

В.: Насколько Вы помните. Насколько Вы помните...

О.: Это не имело значения для меня, и я просто не помню.

В.: И кроме расшифровки беседы, которая обсуждалась в последние десять минут, единственным текстом, в котором в письменной форме изложено собеседование и сам тест, является вот этот двухстраничный документ, не так ли?

О.: Да.

В.: Спасибо. Имеете ли Вы больше доверия к полиграфу...

М.Гуд: Ваша честь, прежде чем он продолжит, я принял решение передать эту расшифровку Суду. Спасибо.

Судья: Это вещественное доказательство «А»?

М.Гуд: Да, Ваша честь.

В.: Вы заявляли, что доверяете проведенному тесту на полиграфе, который показал, что проверяемое лицо говорит правду и является невиновным, это правильно?

О.: Разве я уже заявлял это сегодня?

В.: Но Вы убеждены в этом?

О.: Да, это определенно мое мнение.

В.: Имеете ли Вы точно такой же уровень доверия к полиграфу, в случае его применения государственным агентством, выдвигающим обвинение, и когда ответчик не выдерживает тест?

О.: Нет, независимо от того, кто применяет его.

В.: То есть у Вас меньше доверия к обвинительным исходам тестирования на полиграфе, чем к результатам, подтверждающим искренность.

О.: Да, все имеющиеся научные данные четко указывают, что это обоснованный и правильный вывод.

В.: Итак, научные данные указывают, что этот тест хорош только в особых ситуациях, которые зависят от того, какая сторона уголовного процесса является инициатором?

О.: Нет, это совершенно не то, что я сказал. Это вопиющее искажение того, что я сказал. На самом деле мне приходилось давать свидетельские показания по тестам, которые проводились по инициативе обвинения и указывали на ложь...

В.: Для их принятия Судом?

О.: ...перед присяжными и для принятия Судом в качестве доказательства, да.

В.: Как часто Вы давали свидетельские показания перед судом присяжных, которые указывали на ложь обвиняемых?

О.: Я не могу говорить «обвиняемый», это не моя компетенция. Я говорю о лжи при ответе на вопросы обвинения, но я не могу утверждать, виновно лицо или нет.

В.: До момента вынесения приговора?

О.: Нет, я говорю о самом процессе установления виновности или невиновности, о Судебном процессе.

В.: И как часто Вы свидетельствовали о неудачном прохождении тестов обвиняемыми в уголовном процессе, когда Вас для этих целей привлекало правительство?

О.: Я могу дать Вам только общую оценку...

В.: Это хорошо.

О.: ...потому что речь идет о большом периоде жизни. Но я думаю, где-то восемь - двенадцать раз, преимущественно по делам об убийстве.

В.: И как часто Вы свидетельствовали по случаям, похожим на сегодняшний?

О.: Возможно, тридцать - сорок раз. Нет, не точно подобных сегодняшнему, я говорю больше о самом Судебном процессе.

Судья: Да, как раз об этом мы и говорим.

О.: Да, не совсем подобно сегодняшнему слушанию.

В.: Это правильно. В пользу обвиняемых, которые успешно прошли тест на полиграфе?

О.: Да. Возможно, тридцать или сорок раз, где-то в этих пределах.

М.Д.: Могу я попросить минутку, Ваша честь?

Судья: Да.

В.: Считете ли Вы необычным, если попросить кого-либо перепроверить проведенный Вами тест, скажем, эксперта штата, и получить иное толкование его результатов, и, например, найти ошибку в тесте, который Вы провели?

О.: Это возможно и иногда случается.

В.: Было бы это необычным для Вас?

О.: Я не совсем понимаю, что Вы имеете в виду под «необычным».

В.: Вне привычного хода вещей.

Судья: Более одного раза из десяти?

Свид.: Извините?

Судья: Чаше, чем один раз из десяти?

О.: Я не думаю, что у меня это случалось больше, чем один раз из десяти дел, по которым я работал. Это происходит редко.

В.: Это имело место в деле Марка Вудворда, не правда ли?

О.: Дело Марка Вудворда?

В.: Так называемые «Мормонские бомбометания».

О.: Марк Вудворд?

М.Гуд: Хоффман.

В.: Марк Хоффман, я извиняюсь.

О.: Я не проводил это тестирование.

В.: Профессор Хонтс проводил его, не правда ли?

О.: Это правильно.

В.: А Вы проверяли его как независимый эксперт?

О.: Да, точно так же поступают все полиграфологи правоохранительных органов.

В.: Мой вопрос состоит в том, проводили ли Вы независимую проверку этого теста?

О.: Да.

В.: И Вы признали м-ра Хоффмана говорящим правду?

О.: Моя оценка полиграмм показала, что он говорил правду, это подтвердили все...

В.: И он признал себя виновным по двум пунктам обвинения в убийстве первой степени, это правильно?

О.: Второй степени.

В.: Убийство второй степени?

О.: Он, в конечном счете, пошел на соглашение с обвинением по этому вопросу, да.

В.: Таким образом, полученный Вами результат по этому тесту, был полностью ошибочным?

О.: Ну, моя оценка полиграмм была правильной, но в самом тесте были проблемы. Моя оценка была подтверждена всеми остальными полиграфологами из правоохранительных органов, которым были разосланы полиграммы.

В.: Какое было Ваше заключение по тому тесту?

О.: Что он говорил правду.

В.: Когда он отрицал свою вину?

О.: Да.

В.: И не было никаких ошибок в тесте, который проводился с ним?

О.: Нет, он был исключительным преступником, который на протяжении пятнадцать лет практиковал самогипноз.

В.: Вы осведомлены о...

Судья: Я думаю, мы закончим с этим.

В.: Известно ли Вам о том, привлекался он или нет по другим уголовным делам до этого?

О.: Он никогда не арестовывался, насколько я знаю, хотя и был замешан во многих видах преступной деятельности.

М.Д.: Спасибо, у меня больше вопросов нет, Ваша честь.

Судья: Хорошо, другая сторона. Ваша очередь.

М.Гуд: Спасибо, Ваша честь.

Допрос свидетеля со стороны мистера Гуда

М.Гуд: Могу я обратиться к свидетелю, Ваша честь?

Судья: Да.

В.: Вас спрашивали в ходе прямого допроса – или, скорее, при перекрестном допросе – о таблице на странице 1019 статьи «Обзор законодательства штата Северная Дакота», написанной доктором Хонтсом и еще одним автором?

О.: Да.

В.: Вы помните это? И если посмотреть на эту таблицу, на которую ссылались во время перекрестного допроса, со всем уважением к исследованиям, проводившимся в условиях реальной практики и отраженным в этой таблице, то можно увидеть, как часто виновные люди успешно проходили тест, это правильно?

О.: Да.

В.: Там перечислены четыре исследования?

О.: Да.

В.: И в число этих исследований включено одно, выполненное Патриком и Яконо?

О.: Это правильно.

В.: Патрик и Яконо относятся в целом к тем лицами, которые выступают против вывода о том, что тестирование на полиграфе является научно

обоснованным, это правда?

О.: Ну, они подняли целый ряд серьезных вопросов, касающихся разных аспектов его обоснованности, да.

В.: И они обнаружили на примере пятидесяти... сколько было там лиц, пятьдесят два?

О.: Да.

В.: Что только двое из пятидесяти двух испытуемых, то есть около 2%, успешно прошли тест.

О.: Да.

В.: Хотя оба были виновны.

О.: Только один, да.

В.: Один?

О.: Да.

В.: Один из пятидесяти двух?

О.: Да.

В.: И это дало результат в два процента?

О.: Да.

В.: А остальные испытуемые, которых тестировали во время этих высококачественных исследований, их число которых превышало три сотни или даже приближалось к четырем сотням, правильно?

О.: В действительности, их было сто восемь.

В.: Таким образом, только один человек из ста восьми, являвшихся достоверно виновными, успешно прошел тест, это правильно?

М.Д.: Возражение.

О.: Это правильно.

Судья: Я разрешаю, продолжайте.

М.Д.: Я только в отношении формы. Это прямой допрос другой стороной.

В.: Итак, в отношении этих исследований, сэр, это были исследования, которые были проведены после...

Судья: Извините меня, мистер Гуд, но это Ваш свидетель, и Вы ведете прямой допрос. Поэтому было бы лучше не задавать слишком много наводящих вопросов.

М.Гуд: Хорошо.

В.: Итак, сэр, в отношении того, что в литературе и во время слушаний называлось «достоверная истина», можете Вы описать Суду, что имеется в виду под доказательством истинности того, что лицо в действительности является виновным?

О.: Из чего оно составляется?

В.: Да, сэр.

О.: Во всех этих четырех исследованиях, доказательство состояло из комбинации собственно признаний и независимо собранных доказательств, прежде всего, различных физических доказательств в зависимости от исследования. Есть и некоторые другие способы доказательств, которые также рассматривались в исследовании доктора Хонтса. В этой таблице указана дата исследования «1994 год», фактически же оно было опубликовано в журнале в 1996 году. Таким образом, в каждом исследовании имелось независимое подтверждение результатов, полученных с помощью полиграфа.

В.: И многие из этих свидетельств появились, фактически...

М.Гуд: Ваша честь, могу я еще раз обратиться к свидетелю.

В.: Какой термин обычно используется в литературе для описания ситуации, когда в действительности виновные испытуемые успешно проходят тест на полиграфе?

О.: Ложноотрицательная ошибка, то есть ошибочное признание правдивым человека, который на самом деле лжет.

В.: И эта ложноотрицательная ошибка в качественно проведенных исследованиях обычно выражается в процентах?

О.: Да.

В.: И какое значение было получено в исследовании профессора Хонтса?

О.: Один процент.

В.: А теперь, возвращаясь... в отношении таблицы на странице 1018, переверните предыдущую страницу, какова ложноотрицательная ошибка для теста с контрольными вопросами?

О.: Это относится к лабораторным исследованиям, общая ошибка - 10%.

В.: И теперь в отношении этих значений ложноотрицательной ошибки, можете ли Вы сообщить Суду, почему он должен обратить внимание именно на эти данные как на самую важную статистику для определения научной обоснованности результата применения полиграфа, который был предложен Суду в этом деле?

О.: Основным вопросом в этом смысле является, можно или нет, и в каких пределах допустимо полагаться на полученный результат, который мог быть двух типов - подтверждающий правдивость или свидетельствующий об обмане. В данном случае (рассматриваемое дело – прим. переводчика) тест показал правдивость ответов на заданные вопросы. Поэтому адекватная статистика, которую следует учитывать, должна оценить предел, до которого полученный результат мог бы

быть ошибочным, а именно, представлял бы собой ложноотрицательную ошибку, то есть факт успешного прохождения теста в действительности виновным лицом. В этом суть. Поэтому следует обратиться к значению частоты ложноотрицательной ошибки, определенной в исследованиях, и с ее учетом оценить наш результат. И это единственное число, которое надо принимать во внимание. Если бы результат тестирования на полиграфе свидетельствовал о лжи, то следовало бы учитывать частоту ложноположительной ошибки, полученную в исследованиях с тем, чтобы оценить вероятность того, что правдивое лицо по ошибке не прошло тест. Но в данном случае такой проблемы нет.

В.: Теперь в отношении рассмотренных выше исследований, особенно исследований в реальных условиях, до их проведения звучала критика применявшихся способов установления «достоверной истины», не так ли?

О.: В литературе описаны и другие исследования, в которых также имеется много проблем, я и другие исследователи подробно писали о них. да.

В.: В какой мере исследования, приведенные в таблице, способствуют определению «достоверной истины»?

О.: Это достигается несколькими путями. Прежде всего, они повышают доверие к способам использования полиграфа, поскольку опираются на тесты, осуществленные высококвалифицированными, хорошо подготовленными полиграфологами в условиях постоянного контроля, как над процессом, так и над результатом. Во-вторых, они основываются на тестах стандартного формата, так называемых тестах с «контрольными вопросами», потому что в ранних исследованиях это было большой проблемой, и было трудно знать точно, какие именно форматы тестов и кем именно, в смысле профессиональной подготовки, проводились. В-третьих, в качестве критерия «достоверности истины» принимались во внимание не только собственные признания обследованного лица, но и другие доказательства, как правило, имеющие физическую природу.

М.Д.: Возражение. Ничего этого не было в письменных показаниях.

Судья: Я разрешаю обсуждать это еще некоторое время.

М.Гуд: Простите, я не расслышал, Ваша честь.

Судья: Я только сказал, что разрешаю обсуждать это еще некоторое время.

В.: Продолжайте и заканчивайте.

О.: ...а также другие доказательства, такие как обоснованные заявления

свидетелей или, в некоторых случаях, когда лицо, сообщившее о преступлении, признавало, что преступления фактически не было, например, предметы, о которых думали, что они украдены, на самом деле украдены не были и могли быть представлены следствию или суду, что приводит к снятию обвинений с подозреваемого.

В.: В отношении тех исследований, которые были проведены Патриком и Яконо и показали ложноотрицательную ошибку в 2%, кто непосредственно осуществлял работу с полиграфом, или какое агентство нанимало полиграфологов для проведения этих исследований?

О.: Королевская полиция Канады.

В.: Это же справедливо и в отношении исследования Чарльза Хонтса, я имею ввиду его исследования в реальных условиях?

О.: Да, это правильно.

В.: И в отношении этого последнего исследования, которое было упомянуто в таблице доктора Хонтса, связанного с Королевской канадской полицией, это исследование не было опубликовано и обсуждено специалистами до тех пор, пока не было принято решение по делу Мендеса, это правильно?

О.: Это правильно, оно было опубликовано в конце прошлого года.

В.: И разброс значений ложноотрицательных заключений в соответствии с этой таблицей применительно к исследованиям в реальных условиях лежит в пределах от нуля до единицы, это правильно?

О.: Имеются три нулевых значения в трех исследованиях и значение один в исследовании Патрика и Яконо, суммарно – одна ошибка в четырех исследованиях.

В.: Теперь, сэр, можете ли Вы описать Суду, что, если вообще... позвольте мне спросить Вас следующее. Является ли методология, использованная доктором Хонтсом в исследовании с участием Королевской канадской полиции, той же самой, как в исследовании Патрика и Яконо, то есть методология по существу была та же самая?

О.: Ну, фактически доктор Хонтс использовал улучшенную методологию в сравнении с исследованием Патрика и Яконо.

В.: Но в отношении процедуры установления «достоверной истин», она была та же самая?

О.: За исключением того, что он детально проверял другие критерии, не зависящие от признаний, чтобы убедиться, что они также обеспечивают высокий уровень точности, и они это подтвердили. Фактически это было предложено Патриком и Яконо, и доктор Хонтс сделал в

точности то, что они советовали.

В.: А можете Вы описать Суду, какое значение имеет документальное подтверждение... или позвольте мне поставить вопрос иначе. Не сообщили бы Вы Суду, какие научные данные указывают на научную достоверность результатов тестов, которые были успешно пройдены испытуемыми?

О.: Эти данные, взятые в совокупности, являются наиболее надежными с точки зрения доверия к результату, свидетельствующему о том, что проверяемое лицо говорит правду. Они показывают, что вероятность ложноотрицательной ошибки является чрезвычайно низкой, составляет всего один процент. Это означает, что с высокой надежностью можно доверять результатам теста, указывающего на правдивость.

В.: А Вы можете, доктор Раскин, сравнить этот уровень ошибок с другими типами биомедицинских тестов, которые обычно используются в Суде, например, с тестом оценки горизонтального нистагма?

М.Д.: Возражение.

Судья: Поддержано. Это не выносилось на перекрестный допрос.

М.Гуд: Простите, Ваша честь, я снимаю этот вопрос.

В.: Так, на перекрестном допросе Вас спрашивали об исследовании по приемам противодействия полиграфу, которое доктор Хонтс проводил под Вашим наблюдением?

О.: Да.

В.: Это было лабораторное исследование?

О.: Правильно.

В.: Это значит, испытуемые в этом исследовании, не были реальными подозреваемыми, обвиненными в преступной деятельности.

О.: Ну, если они и были, мы не знали об этом. Это было вне наших интересов в рамках данного исследования.

В.: В исследовании использовалось так называемое «мнимое преступление», не так ли?

О.: Да, это было лабораторное моделирование преступления.

В.: В ходе перекрестного допроса Вам задавали ряд вопросов о пределах, до которых моделирование может обеспечивать получение результатов, которые могли быть обобщены для сферы практического использования полиграфа, не так ли?

О.: Я не помню такого вопроса.

В.: В отношении данных лабораторных исследований. Вас, сэр, спрашивали о лабораторных данных, касающихся мер противодействия. Име-

ются ли какие-либо доказательства, знаете ли Вы о них, которые бы показывали, что какой-то конкретный прием противодействия, показавший свою эффективность в условиях лаборатории, была бы таким же эффективным в реальной практике применения полиграфа?

О.: Не существует данных, имеющих прямое отношение к этой проблеме, за исключением некоторых анекдотичных фактов из реальных дел.

В.: Нет научных данных?

О.: Нет, насколько мне известно. И если они есть, то, наверняка, они засекречены.

М.Гуд: Позволю себе задать еще один вопрос, чтобы сэкономить время, Ваша честь.

В.: В отношении мер противодействия, основная идея состоит в том, чтобы испытуемый сделал что-то, чтобы вызвать физиологическую реакцию в ответ на контрольный вопрос, это правильно?

О.: Если говорить о мерах противодействия, которые мы исследовали в своей лаборатории, то да.

В.: В этом деле, то есть в деле Вудворд, противодействие должно было бы функционировать таким образом, чтобы усиливать физиологические реакции Луизы Вудворд на контрольные вопросы, делать их достаточно большими, чтобы при сравнении с физиологическими реакциями в ответ на проверочные вопросы, она выглядела бы невиновной, хотя на самом деле была виновной, или выглядела бы правдивой, хотя на самом деле говорила ложь?

О.: Так она могла бы планировать делать это, и именно такие действия могли бы привести к желаемому результату.

В.: Скажите, сэр, указывают ли лабораторные исследования, доказывают ли они, что меры противодействия, эффективные в лабораторных исследованиях, будут такими же эффективными в реальных обследованиях?

О.: Нет, это не вытекает из этих исследований.

В.: Итак, нет научных данных о том, что имеются эффективные меры противодействия в условиях реальных обследований на полиграфе, не правда ли?

О.: Совершенно правильно.

Судья: Не забывайте. Вы подвергаете перекрестному допросу своего собственного свидетеля.

В.: Сэр, Вас спрашивали во время перекрестного допроса о постановке Мисс Вудворд вопроса R-1, первого проверочного вопроса, ко-

торый был сформулирован так: «4 февраля 1997 года, Вы стукнули или били Мэтью по голове?». Суд интересовало, можно ли было бы ответить на этот вопрос правдиво «нет», хотя в то же время мисс Вудворд фактически уронила ребенка. Можете Вы объяснить Суду, защитил бы ее такой ответ от выявления обмана в отношении того, что она уронила ребенка?

М.Гуд: Задал ли я вопрос достаточно ясно, Ваша честь, хотя и длинно?

Судья: Я не свидетель.

М.Д.: Я не понял вопроса.

Судья: Нет необходимости в том, чтобы Вы или я понимали вопрос, необходимо только, чтобы свидетель понимал вопрос.

М.Гуд: Я хочу быть уверенным, что Ваша честь понял вопрос. Позвольте мне попытаться вновь.

В.: Мисс Вудворд был задан вопрос, который я только что зачитал Вам. И я спрашиваю, «прошла» бы она благополучно этот вопрос или нет, если бы ответила на него буквально «нет», помня в то же время о факте, что она уронила Мэтью на голову? «Прошла» бы она этот вопрос или нет, если бы она просто отвечала «нет», и тем не менее знала, что она уронила ребенка головой, «прошла» бы она благополучно этот вопрос или нет?

О.: Маловероятно, чтобы она могла «пройти» этот вопрос.

В.: А могли бы Вы объяснить Суду, почему это так, и какая наука подтверждает Ваш ответ.

О.: Имеется достаточно научных доказательств того, что, если лицо замешано в какой-то серьезной ситуации, и его спрашивают о причастности, которую оно отрицает, то оно с высокой вероятностью обязательно провалит тест, даже если задаваемые вопросы не будут являться достаточно конкретными, чтобы вскрыть точную природу причастности. Другими словами, совершив преступление или будучи серьезно замешанным в преступлении, при постановке прямых вопросов о непосредственном участии в преступлении, не отражающих истинную картину их причастности, люди имеют высокую вероятность не пройти тест. В случае, который мы имеем здесь, когда предполагается, что мисс Вудворд причинила увечье голове ребенка (именно травму головы – прим. переводчика), и одним из подозрений является, что она уронила ребенка, то, если она действительно сделала это, вопрос об ударе по голове вызвал бы сильную реакцию, особенно в условиях ее обеспокоенности тем, что если выяснится ее обман, то могут возникнуть очень серьезные последствия для ее жизни.

В.: Можете Вы объяснить Суду, на какое научное доказательство Вы

опираетесь в этом ответе?

М.Д.: Возражение.

Судья: На каком основании?

М.Д.: Это все... Я думал, это было целью письменных показаний.

Судья: Я разрешаю.

О.: Имеются, по меньшей мере, два типа доказательств. Одно из них получено в лаборатории. Мы провели исследования, и не только мы, в которых ставились вопросы о действиях, отражающих разную степень вовлеченности в преступную ситуацию или в смоделированную ситуацию преступления. Одно исследование, которое вышло из лаборатории ФБР, было выполнено доктором Подлесным и мисс Труслов и опубликовано в «Журнале прикладной психологии», кажется, в 1993 году, в котором лица, причастные к исследуемой ситуации, выполняли одну из трех ролей. Они либо совершили кражу, либо были соучастниками кражи, либо знали о замысле совершить кражу. Исследование показало, что лица, игравшие менее значительную роль соучастника преступления или участника сговора, выявлялись с высокой точностью. И это не было результатом их реакций на соответствующие конкретные вопросы; все вопросы были одинаково эффективны. Суть заключалась в том, что иногда было трудно определить точные роли, которые они играли. Но независимо от роли их причастность определялась с высокой точностью. Похожие результаты были получены в нашей лаборатории с использованием смоделированного преступления. Так, испытуемые, реально совершившие основное действие - кражу ценного предмета из стола, реагировали иногда намного сильнее на вопрос: «У Вас сейчас есть это кольцо?», и наоборот. Это были результаты, полученные в лаборатории. Исследования, проведенные в реальных условиях, также дали аналогичную информацию. Например, исследование Патрика и Яконо, основанное на реальных уголовных расследованиях. В одном из исследованных ими случаев, например, обследуемый подозревался во взломе ювелирного магазина и краже бриллиантового кольца, стоимостью более пяти тысяч долларов. Его спрашивали, совершал ли он это ограбление и брал ли он это кольцо. Этот подозреваемый не прошел проверку на полиграфе, хотя в действительности он не брал этого кольца. На самом деле ограбление совершил его брат, который затем передал ему это кольцо, что было подтверждено из независимых источников. Это показывает, что если человек имеет отношение к преступному событию, если он каким-то образом связан с ним, то даже отвечая технически правдиво на предъявляемые вопросы, которые не описывают точно характер его действительного участия в преступлении, он все равно неизбежно «прова-

лит» тест. Это универсальное явление, а поэтому надо быть очень осторожным, подбирая формулировки вопросов.

В.: Далее...

Судья: Простите меня, я не хочу Вас подгонять, но сколько времени еще Вам надо для этого свидетеля?

М.Гуд: Еще немного, Ваша честь.

Судья: Я дождусь, пока Вы закончите с ним, прежде чем я сделаю перерыв.

М.Гуд: Спасибо, Ваша честь.

В.: При перекрестном допросе Вам задавали вопрос об использовании Вами формулировки «помимо того» в одном из четырех проверочных вопросов, не в первом, а, кажется, в четвертом вопросе... простите... в третьем вопросе, а именно – «Помимо попытки разбудить Мэтью 4 февраля 1997 года, наносили ли Вы ему повреждения, сильно тряса его?». Но Вы не использовали это, как Вы признали при перекрестном допросе, в первом вопросе, то есть... во всех остальных вопросах этого теста. То есть, Вы не использовали эту формулировку более одного раза. Теперь в отношении Вашего решения не делать этого, могли бы Вы объяснить Суду, какая могла бы появиться проблема, если бы использовали эту формулировку более одного раза?

М.Д.: Возражение.

Судья: Я разрешаю этот вопрос.

О.: Хорошо. С двумя вопросами вообще не возникала проблема подобной коррекции, например: «Вы его ударяли или били по голове?». Это прямой вопрос, его трудно неправильно понять и он не требует особого обсуждения. То же самое в отношении другого вопроса... Извините, я в некотором замешательстве, так как передо мной нет списка вопросов... о нанесении повреждений. Необходимость дополнительных уточнений возникает при обсуждении проверочного вопроса R-2: «4 февраля 1997 года Вы намеренно ударяли Мэтью головой о твердый предмет или поверхность?». Но здесь есть причина, по которой я не использовал формулировку «помимо того». Я не знаю, какую бы я точно выбрал формулировку, например, «помимо падения головы на пол, когда Вы убрали руку», или что-то в этом роде. Но мне было бы очень трудно коротко и ясно сформулировать весь вопрос целиком. Поэтому я и не делал этого. Но, главное, Вы не должны задавать человеку вопрос в форме «помимо того», если он выражает неуверенность в отношении того, случилось ли это вообще. Это вызывает дополнительную мыслительную активность, которая сопровождается физиологическими реакциями, что в итоге может привести к появле-

нию ложноположительного ошибочного вывода. Именно по этой причине я выбрал ту формулировку, которую выбрал, и считаю, что она соответствовала той фактической ситуации, как я ее понимал.

В.: Таким образом, Вы использовали формулировку «помимо того» в третьем вопросе, потому что у Луизы Вудворд не было сомнений относительно того, трясла ли она ребенка, чтобы разбудить его.

О.: Да.

В.: Она была уверена, что сделала это?

О.: Да, она даже продемонстрировала мне, как она это делала.

В.: А в отношении того, уронила ли она голову ребенка на пол или нет, она не была уверена, что это произошло вообще.

О.: Насколько я помню, да.

В.: Хорошо. В ходе перекрестного допроса Вам задавали вопрос об измерении артериального давления. Вы помните эти вопросы об измерении артериального давления?

О.: Да, было несколько вопросов об этом.

В.: Для уточнения, обследование на полиграфе не ограничивается только измерением артериального давления, это правильно?

О.: Правильно. В процессе обследования, которое я проводил, регистрировалось четыре независимых физиологических показателя.

В.: Так, но Вас, в основном, спрашивали о значении артериального давления, не правда ли?

О.: Думаю, так. Хотя они не были всегда достаточно ясными для меня, я не совсем понимал, что они точно значили.

В.: Хорошо. Но во всяком случае, провести обследование на полиграфе в соответствии с принятыми стандартами требует регистрации изменений во всех четырех физиологических системах, не так ли?

О.: Да. Хотя многие полиграфные обследования не используют регистрацию плетизмограммы, которая является не обязательным, дополнительным показателем, но мы обычно ее используем, поскольку это часто бывает полезным.

В.: Далее, Вам задали несколько вопросов о различиях в методах оценки. Можете Вы сообщить Суду, оказывает ли различие в методах оценки, используемых ФБР, и теми, что используете Вы или, например, Королевская полиция Канады, оказывает ли это влияние на содержание конечных выводов?

М.Д.: Возражение.

Судья: Поддержано. Вы управляете своим свидетелем.

В.: Могли бы Вы, сэр, прокомментировать существо различий в существующих системах оценки результатов обследования на полиграфе, то есть, насколько велика разница между ними и какие последствия она имеет для надежности выводов?

М.Д.: Возражение.

Судья: Я разрешаю.

О.: Системы оценки, которые обсуждались ранее, включают Федеральную систему оценки, которая преподается в Институте полиграфа Министерства обороны в процессе подготовки полиграфологов для федеральных ведомств. И систему оценки, которую обычно называют «Методом Университета штата Юта», которая является дальнейшим развитием и усовершенствованием Федеральной системы. Основное различие, на наш взгляд, заключается в том, что Федеральная система использует в качестве показателей реакции некоторые признаки, которые, как показали исследования, являются не достаточно эффективными. Таким образом, наша система оказывается несколько проще, а поэтому может применяться более легко и в определенной степени является более надежной. Следует указать два исследования, которые непосредственно сравнили эти две системы, а также использовали еще одну, третью систему оценки. Результаты обоих этих исследований, проведенных по заданию Правительства, показывают, что нет существенной разницы в точности заключений, полученных как на основе использования Федеральной системы, так и системы Университета штата Юта.

М.Д.: Возражение. Я хотел бы иметь даты публикаций и имена авторов этих исследований.

Судья: Простите?

М.Д.: Я хотел бы знать даты публикаций и имена авторов этих исследований.

О.: Одно исследование было проведено Ричардом Вивером в Агентстве Национальной Безопасности. Мне кажется, его результаты были опубликованы в 1984 году в журнале «Полиграф». Другое исследование было проведено Михаелем Кэпсом, к сожалению, я сейчас не могу вспомнить соавторов. М-р Кэпс в то время также работал в Агентстве Национальной Безопасности, сейчас же он является директором Института полиграфа Минобороны США. По результатам этих работ был подготовлен отчет Правительству. Я не могу сейчас назвать Вам точную дату, но я мог бы представить копию этого документа, если будет предоставлена такая возможность.

В.: Далее, Вам уже задавали вопросы об использовании полиграфа в ФБР. Скажите, кто готовит операторов полиграфа для ФБР, какое правительственное ведомство?

О.: Первоначальную подготовку осуществляет Институт полиграфа Министерства обороны, который готовит полиграфологов для всех федеральных ведомств, за исключением ЦРУ.

М.Гуд: Это все, что я хотел спросить, Ваша честь, спасибо.

Судья: Хорошо, что-нибудь еще?

М.Д.: Только два коротких вопроса.

Повторный перекрестный допрос со стороны мистера Джэлеллана

В.: Вы свидетельствовали на перекрестном допросе, что нет существенной разницы между известными методами оценки, это правильно?

О.: Простите, я не понял. Могли бы Вы задать вопрос снова?

В.: Когда я задал Вам вопрос на перекрестном допросе, Вы свидетельствовали, что нет существенных различий между методами оценки результатов обследования на полиграфе, это правильно?

О.: В смысле получаемых выводов, да.

В.: А на повторном перекрестном допросе Вы свидетельствовали, что имеются три разных варианта методов оценки результатов применения полиграфа: один – применяемый Министерством обороны, второй – разработанный в Университете штата Юта, и еще какой-то третий. Это правильно?

О.: Есть третий метод, который, как я понял, не был изначально частью Вашего вопроса ко мне. К тому же он не является широко используемым.

В.: Имеются три разных метода?

О.: Ну, имеются также другие методы, в том числе «экзотические», но...

В.: Вы также свидетельствовали, что лица, имеющие разную степень участия в преступлении – непосредственные участники, соучастники, участвовавшие в заговоре, но не в самом преступлении и т.д., независимо от степени этого участия, все равно не смогут пройти тест на полиграфе, хотя и будут технически говорить правду, отвечая «нет» на вопрос: «Это сделали Вы?». Это так?

О.: Нет, это не то, что я говорил.

В.: Любая степень участия в преступлении гарантирует, что тест на полиграфе не будет пройден, это правильно?

О.: Да, если они каким-то образом замешаны в преступлении, они не

пройдут тест.

В.: Далее, из формулировки вопроса R-3, который Вы задавали Лунзе Вудворд, следует, что она все-таки сильно трясла Мэтью, это правильно?

О.: Нет, я думаю, это Ваша интерпретация, но не моя.

В.: «Помимо попытки разбудить Мэтью 4 февраля 1997 года, наносили ли Вы ему повреждения, сильно тряся его?» Разве этот вопрос не констатирует «сильное трясение»?

О.: Да, но это не указывает на то, что она действительно сильно трясла его. Она утверждала, что не делала это. Но я использовал эти слова, потому что она была озабочена тем, что даже незначительными движениями, стараясь разбудить его, она каким-то образом могла причинить ребенку повреждение, так что я должен был учитывать это. Из характера повреждений следовало, что для возникновения таких повреждений должна была применяться сила. На это указали медицинские эксперты. Поэтому я и использовал эти слова.

В.: А Вы осознавали, что...

Судья: Я понимаю, что имеется еще много интересного, но Вы сказали «два вопроса».

М.Д.: У меня больше нет вопросов.

Судья: Нет, я думаю надо завершить то, о чем Вы спрашиваете. Я не хотел бы...

В.: Если бы она действительно сильно трясла ребенка, то, в соответствии с исследованиями, на которые Вы ссылаетесь, ей не удалось бы «пройти» этот вопрос?

О.: О да, она не «прошла» бы этот вопрос.

В.: Я понимаю. Но Вы свидетельствуете, что в действительности она «прошла» его?

О.: Да.

В.: Вы читали ее показания?

О.: Простите?

В.: Вы читали заявление, представленное Вам, заявление полиции о том, что она сообщила им?

М.Гуд: Опять то же самое! Это заявление полиции, а не ее показания.

О.: Это не ее показания.

Судья: Он говорит, что это заявление полиции о том, что она сделала. Я понимаю так.

В.: Но Вы использовали отдельные элементы этого заявления для подго-

товки своих вопросов, например, вопроса о том, что она уронила голову ребенка в ванной комнате, хотя этого могло и не быть?

О.: Нет, мои вопросы основывались на результатах продолжительного обсуждения с ней всех аспектов этого дела. И я хорошо помню, что она говорила в отношении полиции, что она была обеспокоена тем, что полиция утверждала то, что она на самом деле не говорила.

В.: Таким образом, какую-то часть официального заявления полиции Вы использовали при проведении обследования на полиграфе, а какую-то часть - опустили, это верно?

О.: Я не пойму, о чем Вы спрашиваете. Какие заявления и какие части? Я просто не понимаю, что Вы имеете в виду.

М.Д.: На данный момент больше вопросов нет, Ваша честь. Обвинение...

Судья: Извините меня. Доктор, Вы свободны.

Свид.: Спасибо, Ваша честь.

(Свидетель освобожден)

Судья: Да, мистер Джэлелиан?

М.Д.: Что касается расшифровки, являющимся вещественным доказательством, обвинение хотело бы иметь копию этого документа.

Судья: Ну, Вы можете решить это с мистером Гудом.

М.Гуд: Это приемлемо, Ваша честь.

М.Д.: Спасибо.

Судья: Давайте сделаем примерно пятнадцати минутный перерыв. Вы можете оставить Ваши материалы на столах.